

БАЙКАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Социокультурное наследие Сибири: история и современность

Материалы Всероссийского круглого стола,
Иркутск, 27 ноября 2024 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет

Социокультурное наследие Сибири: история и современность

Материалы Всероссийского круглого стола
Иркутск, 27 ноября 2024 г.

Электронное издание

Иркутск
Издательский дом БГУ
2024

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2024
ISBN 978-5-7253-3248-3

УДК 94(571.1/.5)
ББК 63.3(253)

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия

д-р ист. наук, проф. В.Н. Казарин (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. Л.М. Дамешек, д-р ист. наук, доц. В.А. Шаламов,
канд. ист. наук А.Б. Ринчинов (отв. секретарь)

*В оформлении обложки использована
картина «Переправа через Ангару» Н. Добровольского (1886)*

Социокультурное наследие Сибири: история и современность :
материалы Всерос. круглого стола, Иркутск, 27 нояб. 2024 г. / отв. ред.
В.Н. Казарин. — Иркутск : Изд. дом БГУ, 2024. — 148 с. — URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. — Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3248-3.

Представлены материалы состоявшейся 27 ноября 2024 г. в Иркутске на базе Байкальского государственного университета Всероссийской конференции «Социокультурное наследие Сибири: история и современность», приуроченной к 260-летию образования Иркутской губернии. Издание включает в себя работы ведущих ученых-историков Сибирского региона, посвященные ключевым аспектам окраинной политики, анализу образов Сибири XVII–XX вв. в ментальном осмыслении современниками и потомками, общественным инициативам и благотворительным практикам.

Для преподавателей высшей школы, аспирантов, студентов вузов и колледжей, а также всех интересующихся проблемами истории развития Сибири и Иркутского региона.

Минимальные системные требования

Веб-браузеры: Microsoft Edge версии 79, Google Chrome версии 51,
Mozilla Firefox версии 52, Safari версии 11 (или более новые);
средства просмотра файлов Portable Documents Format: Adobe Acrobat версии 7.0,
Adobe Reader версии 7.0, Sumatra PDF версии 1.1 (или более новые),
Foxit Reader всех версий, PDF24 Creator всех версий.

Доступ к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Издается в авторской редакции.

Подписано к использованию 21.11.2024. Объем 6,40 Мб.
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

<https://bgu.ru>

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА И ОКРАИННАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ И ПЕРСОНАЛИИ

<i>Дамешек Л.М.</i> Сибирь в исторической регионалистике	5
<i>Кружалина А.А.</i> Правовое регулирование избирательного процесса на территории Иркутского генерал-губернаторства (1906–1912 годы)	12
<i>Курас Т.Л.</i> Проблемы реализации отдельных принципов правосудия в деятельности судебных палат Российской империи пореформенного периода (на примере Иркутской судебной палаты).....	21
<i>Мамкина И.Н.</i> Управление учебными заведениями в Иркутской губернии в XIX — начале XX века	31
<i>Шаламова С.А.</i> Делопроизводственная документация Иркутской уездной рабоче-крестьянской милиции в 20-е годы как исторический источник.....	39

СЕКЦИЯ II. ОБРАЗЫ СИБИРИ XVII–XX ВЕКОВ В МЕНТАЛЬНОМ ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННОКАМИ И ПОТОМКАМИ

<i>Казарин В.Н.</i> Отражение исторической памяти: журнал «Сибирские огни» 1920-х годов о деятелях отечественной культуры	47
<i>Комлева Л.Н.</i> Образ сибирских рек в творчестве сибирских писателей XX века: величие или угроза наводнений?	55
<i>Кузьмин Ю.В.</i> Восточная и монгольская тематика в творчестве и исследованиях писателя Г.Ф. Кунгурова: к 120-летию со дня рождения	63
<i>Кузьмина А.А.</i> Вклад инженера-архитектора И.Г. Ефимова в советскую застройку Иркутска 1930–1940-х годов	71
<i>Ринчинов А.Б.</i> Иркутское историческое наследие как источник региональной айдентики и рекреационный ресурс	80

СЕКЦИЯ III. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ СИБИРИ

<i>Гаврилова Н.И.</i> «Капитал имени М.А. Сибирякова» в практиках «вечных вкладов»: анализ форм благотворительных пожертвований купечества Сибири во второй половине XIX — начале XX века	87
<i>Кузнецов А.А.</i> О роли театра в общественной и культурной жизни городов Восточной Сибири в пореформенный период	96

<i>Орлова И.В.</i> Организация медико-санитарных мероприятий в Иркутской губернии в условиях миграционной активности населения начала XX века	111
<i>Шаламов В.А.</i> Медпомощь Красного креста нацменам Киренского округа в 1920-е годы	126
<i>Шахеров В.П.</i> Иркутский купец А.П. Прянишников и его проект компании для реэкспорта кяхтинского чая в Европу	134
<i>Ширанов А.А.</i> Кяхтинский городской общественный банк: нереализованный проект	142

СЕКЦИЯ I. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА И ОКРАИННАЯ ПОЛИТИКА: ИНСТИТУТЫ И ПЕРСОНАЛИИ

УДК 94(571.53)

Л.М. Дамешек

СИБИРЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКЕ

На примере Российской империи рассматриваются особенности окраинной политики государства, влияние диполя «Европа — Азия» на внутреннюю политику, инкорпорацию окраин в общероссийскую экономическую, социокультурную и политическую жизнь государства. Подчеркиваются особенности исторического развития Иркутской губернии в составе России и задачи по изучению этого процесса.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; Иркутская губерния; региональные особенности; задачи изучения.

L.M. Dameshek

SIBERIA IN HISTORICAL REGIONALISTICS

The article examines of the Russian Empire and it's features of the state's outskirts policy, the influence of the «Europe-Asia» dipole on domestic policy, the incorporation of outskirts into the all-Russian economic, socio-cultural and political life of the state. The features of the historical development of the Irkutsk province as a part of Russia and the tasks of studying this process are emphasized.

Keywords: Russia; Siberia; Irkutsk province; regional features; study tasks.

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, является Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу. «Оцентровывание» границ империи завершилось во второй половине XIX в. В итоге было сформировано огромное государство, раскинувшееся на территории двух материков — Европы и Азии, от Балтийского моря на западе и до Тихого океана на Востоке, — общей площадью 21,8 млн км². к 1914 г. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя подчинила себе целый ряд территорий и народов, подчас

стоявших значительно выше нее по уровню экономического и политического развития, и заняла одну шестую часть суши.

Весь период истории империи характеризуется возрастанием удельного веса населения России в мире. Если к середине XVIII в. население России составляло примерно 18 % от населения Европы, то к началу XIX в. оно возросло до 22 %, к середине XIX в. — до 27 %, а к началу XX в — до 32 %. Россия стала самым населенным государством Европы. Каждый третий житель Европы был подданным российского монарха.

Еще одной важной исторической особенностью российского диополя Европа — Азия стал фактор его многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа и Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличавшихся друг от друга языком, культурой, религией, менталитетом и т. д. Постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, в котором различные народы и культуры научились жить вместе. По причине того, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и сопредельных с иностранными государствами территориях империи, окраинная, в том числе национальная, политика становилась важным фактором политической стабильности России.

Образование единого централизованного государства и трансформация его в многонациональную систему имели в своей основе поливариативность моделей вхождения и дальнейшего существования соседних территорий и населяющих их народов в состав империи [1, с. 51–76]. Важнейшим итогом этого исторического процесса стало образование унитарной по внешним признакам, но, по существу, поливариативной многонациональной державы (империи). Российская империя была составным государством в полном смысле этого слова. Опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Неслучайно взятие Казани исследователи считают отправной точкой расширения границ России. Таким образом, под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, присоединенные к России с 1552 по 1905 г., не принадлежавшие к зоне формирования великорусского этноса на Восточно-Европейской равнине. В силу своей сложности и вариативности Российская империя требует не только национального, но и регионального измерения. Отдельные регионы в силу их специфики (времени и способов вхождения в состав империи, природно-климатических факторов, различной удаленности от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеэкономического окружения) представляли собой разные варианты протекания имперских процессов. С управленческой точки зрения Российская империя представляла собой сложноорганизованное образование единого центра-

лизованного государства, трансформация его в многонациональную систему имела в своей основе поливариативность моделей вхождения и дальнейшего существования соседних территорий и населяющих их народов в составе империи [2, с. 29–43]. Важнейшим итогом этого исторического процесса стало образование унитарной по внешним признакам, но, по существу, поливариативной многонациональной державы. Создание империи, равно как и трансформация ее политической системы, происходило в параллели и одновременной связи с административно-территориальными преобразованиями как в центре, так и на окраинах. При этом следует учитывать, что в силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и обладали существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. В конечном итоге длительная устойчивость существования Российской империи объясняется именно поливариантностью окраинной политики государства.

Процесс генезиса исторического пространства России привел к появлению новых маркеров на территории государства. Для властного Петербурга чрезвычайно важен был процесс ментального осмысления новых территорий как земель русских с присущими им образами и понятиями. Это замечание относится ко всем окраинным территориям, в том числе и к Сибири. Однако вопрос о пространстве Сибири в России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской географии власти. Различные комбинации территорий в больших административных группах (генерал-губернаторствах) не только повторяли природный ландшафт в поисках естественных границ, но активно формировали новую географию. Динамичное освоение государственной властью новых восточных территорий, осмысление их внутренних и внешних границ на протяжении всего достаточно длительного периода империи приводило к неоднократным попыткам административного переустройства края. В данном контексте история тесно переплеталась с географией [3, с. 13–24]. Территориальный объем имени «Сибирь» рос параллельно движению русских на восток, достигнув своего предела к концу XIX в. Ю.А. Гагемейстер, автор известного «Статистического обозрения Сибири», составленного в качестве своего рода «пособия» именованным повелением императора Николая I для членов второго Сибирского комитета в середине XIX в., описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью

называется весь северный отдел азиатского материка, который обозначается на западе продольною цепью Уральских гор, на востоке Тихим океаном, с севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана» [4, с. 1]. Авторы энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона включали в объем сибирского пространства все азиатские владения Российской империи, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. В конечном итоге в начале XX столетия правительство пришло к заключению о том, что именно следует считать территорией Сибири. В издании «Азиатская Россия», опубликованном в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых, отмечалось, что помимо административного деления в Азиатской России существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, Якутская и Забайкальская области) и Дальний Восток, куда включают, помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина, иногда и Забайкалье как связующее звено между ними. Россия окончательно шагнула за Урал [5, с. 12–15]. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. Именно в этих территориальных рамках и ведется настоящее исследование. В то же время культурное, конфессиональное и этническое разнообразие империи имело и свое региональное измерение, существовавшее в реальной политике и плохо представляемое в российской правовой и исторической мысли. Неслучайно известный правовед Б. Э. Нольде подчеркивал, что русское государственное право «никогда само не разбиралось систематически в том, что оно здесь (на окраинах) творило... наше право знало лишь отдельные земли и индивидуально характеризовало их отношение к целому русскому государству» [6, с. 280–281].

Отдаленность Сибири и в то же время ее целостность создавали особенное своеобразие этого региона. Она стала важным объектом экспансии Российского государства, не обладающим собственными драгоценными металлами, и в то же время опорным плацдармом продвижения отрядов русских землепроходцев к Тихому океану. В конце XVIII столетия Сибирь, Иркутская губерния в особенности, сыграли важную роль в освоении европейцами территории Северной Америки (РАК), а в конечном итоге после начала эксплуатации Нерчинских горнодобывающих предприятий превратила Московское государство в империю с интересами, распространяющимися на всю Европу и Азию [7]. Убежденность в значимости Сибири для исторических судеб российского государства подвигла ряд исследователей университетского сообщества Иркутска обратиться к новому осмыслению истории Иркутской губернии как административно-политическому центру имперской Сибири с точки зрения места и значения региона в исторических судьбах Азиатской России в целом. Опираясь на уже введенные в научный оборот источники и привлекая новые материалы, используя достижения современной историографии, мы предприняли попытку

воссоздать прошлое Иркутской губернии за весь период ее существования в составе России [7, с. 21–27].

Хронологические рамки исследования охватывают период с 60-х гг. XVIII в. и по 1926 г. Выбор нижней хронологической грани объясняется образованием Иркутской губернии при Екатерине II, последующим становлением и развитием ее в составе Российского государства, преобразованиями, активной внешней политикой «главных начальников края», например Н.Н. Муравьева (Амурского) и др. Все это способствовало превращению губернии в неразрывную составную часть Российской империи.

Конечная дата исследования 1926 г. — время активных административных преобразований молодой советской власти на востоке и становления связанных с ней новых политических институтов власти и управления. Выделение такого хронологического периода позволяет через призму анализа развития социально-политических процессов в регионе проследить генезис исторического развития Иркутской губернии в составе Сибири и России в целом.

В то же время идеология компаративизма, исповедуемая авторами, повлекла необходимость привлечения и анализа материала, относящегося не только к Иркутской губернии, но и другим территориям Сибири и России, например Кавказа, Польши, Финляндии, Средней Азии и др. В данной книге ее авторы стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты изучения истории Иркутской губернии, но и представить новые подходы в имперской стратегии власти. Продемонстрировать историю губернии с учетом «сибирской специфики», «образов Сибири» в целом [8, с. 254].

Это позволяет вплотную приблизиться к пониманию истории губернии как неразрывной составной части России. Ретроспективный взгляд дарит возможность яснее представить особенности исторических процессов на востоке государства и в то же время более зримо показать историю Иркутской губернии как совершенно неотъемлемую часть истории Российского государства в целом. Именно поэтому приоритетное значение в представленных исследованиях уделяется оценке правительственных поисков путей инкорпорации территории губернии и Сибири в целом в экономическое, административно-политическое, правовое и социокультурное пространство империи, с одной стороны, и отражению в этой политике общих для государства региональных особенностей управления окраинами — с другой. При этом особое внимание уделяется анализу таких сегментов имперского законодательства, как его окраинное измерение, особенности административного устройства и национальной политики, влияние природно-географического, этнического факторов, приграничного положения региона на формирование системы взаимоотношений сибирской администрации и петербургских властей, как сюжетов, наименее изученных предшествующими исследователями проблемы и имеющих несомненное значение для современной практики государственного строительства в России [9, с. 8–13].

Важной задачей авторов данного сборника стало четкое определение понятийного аппарата, без чего было бы невозможно изучение избранной проблематики. Это замечание касается прежде всего таких дефиниций, как «регион», «закон», «практика», «окраина», «империя», «инородцы» и др.

Несмотря на то что Российская империя и Иркутская губерния давно ушли в прошлое, современная ментальность и историческая память постоянно возвращают нас во времена первых походов отрядов русских землепроходцев «за камень», на берега Байкала, положивших начало будущей Азиатской России. Регионы России в силу их исторической специфики представляли собой различные варианты имперских процессов, что порождало поливариантность имперской идеологии и имперской юридической практики в региональном измерении. Авторам представляется, что в год 260-летнего юбилея со дня образования Иркутской губернии обращение к рассматриваемым проблемам является особенно актуальным. Сегодня, после распада Советского Союза в 1991 г., площадь современной Азиатской России равняется 13,1 млн км², что составляет около 77 % территории нынешней России. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. на территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов проживает свыше 39 млн человек, то есть 27 % от общей численности населения РФ. По официальным данным площадь Иркутской области на конец 2023 г. составляет 774 846 км² с населением 2 344 360 человек.

Список использованной литературы

1. Дамешек Л.М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX — начала XX веков / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. — 224 с.
2. Очерки историографии Сибири эпохи империи / отв. ред. Л.М. Дамешек. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. — 262 с.
3. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. — Москва : Новое лит. обозрение, 2007. — С. 13–24.
4. Гагеймстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири / Ю.А. Гагеймстер. — Санкт-Петербург, 1854. — Ч. 1. — С. 1.
5. Дамешек Л.М. Избранное / Л.М. Дамешек. — Иркутск : Оттиск. — 2018. — Т. 3. Сибирские окраины Российской империи. — 256 с.
6. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права / Б.Э. Нольде. — Санкт-Петербург, 1911. — С. 280–281.
7. История Иркутской губернии : в 4 т. / под ред. Л.М. Дамешека. — Иркутск : Изд. дом БГУ, 2024. — Т. 1. — 608 с.
8. Дамешек Л.М. Избранное / Л.М. Дамешек. — Иркутск : Оттиск, 2018. — Т. 2: Сибирь в системе имперского регионализма. — 417 с.
9. Дамешек Л.М. Избранное / Л.М. Дамешек. — Иркутск : Оттиск, 2018. — Т. 1: Сибирское «инородцы» в имперской стратегии власти. — 456 с.

Информация об авторе

Дамешек Лев Михайлович — д-р ист. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Научно-исследовательского центра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: levdameshek@gmail.com.

Author

Dameshek Lev Mikhailovich — D.Sc. in History, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Director of the Research Center for Russian History of Baikal State University, Irkutsk, e-mail: levdameshek@gmail.com.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА
(1906–1912 ГОДЫ)**

Автор анализирует особенности правового регулирования избирательного процесса на окраинных территориях Российской империи. Характеризуются принципы организации выборов в территориях с особым положением. Дается оценка влиянию географического, социально-сословного, политического и национального факторов на модели правового регулирования избирательного процесса. Соотносятся и обосновываются изменения в избирательном законе, произошедшие в контексте «третьеиюньского переворота».

Ключевые слова: выборы. Государственная дума. Иркутское генерал-губернаторство. Сибирь. избирательное право.

A.A. Kruzhalina

**LEGAL REGULATION OF THE ELECTORAL PROCESS
ON THE TERRITORY
OF THE IRKUTSK GOVERNOR-GENERAL (1906–1912)**

The author analyzes the peculiarities of the legal regulation of the electoral process in the outlying territories of the Russian Empire. The principles of organizing elections in territories with a special situation are characterized. The assessment of the influence of geographical, socio-class, political and national factors on the models of legal regulation of the electoral process is given. The changes in the electoral law that occurred in the context of the «third June coup» are correlated and justified.

Keywords: elections. the State Duma. Irkutsk Governor-General. Siberia. electoral law.

В ходе Первой русской революции под давлением восставших масс власть пошла на уступки, главной из которых стало дарование политических прав и свобод и создание Государственной Думы. В связи с этим правительство Российской империи во главе с Государем-императором приступило к проектированию правовых основ избирательного процесса. Сибирь и Дальний Восток в этот период относились к территориям, находящимся на особом положении, поэтому многие властные решения, как и создание правовых основ парламентаризма приходилось адаптировать к местным географическим и сословным особенностям.

Отдельные аспекты темы уже анализировались сибирскими исследователями (М.В. Шиловским [1], Ю.П. Родионовым [2] и др.), однако внимание в них было сосредоточено на Сибири в целом, без учета особенностей интересующих нас территорий.

На основе анализа комплекса законодательных актов, регламентировавших избирательный процесс в Российской империи в 1906–1912 гг., делопроизводительных материалов из архивных фондов, а также материалов периодической печати и источников личного происхождения автор приводит комплексную характеристику системы правового регулирования избирательного процесса на территории Иркутского генерал-губернатора.

27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце Санкт-Петербурга начала свою работу I Государственная Дума Российской империи. К открытию работы парламента депутаты от территорий Иркутского генерал-губернаторства еще не были избраны (сказывались сложности инфраструктурного сообщения в отдаленном от столицы крае). Известный Иркутский издатель, журналист и активный член партии «Народной свободы», И. И. Попов в то время находился за границей. Позже он вспоминал, как подъезжая к России поездом из Вены в мае 1906 г. лицезрел «Радостные лица пассажиров, жадно пробегавших телеграммы о том, что для родины настал настоящий день, что старое прошлое с его неправдой, насилием, бесправием отходит в Лету» и добавлял, что ему «как-то не верилось, что настал уже настоящий день!» [3, с. 304].

Населению Иркутского генерал-губернаторства на выборах в I и II Государственную Думу было положено восемь депутатов: два от Енисейской губернии; один от Иркутской и один непосредственно от города Иркутска; три от Забайкальской области (по одному от инородческого и прочего населения), а также один от казачьего, еще один от Якутской области [4, с. 111–113].

Законодательство предусматривало цензовое регулирование доступа к участию в выборах. Абсолютно лишены избирательного права оказались женщины, лица моложе 25 лет, обучающиеся и воинские чины армии и флота, находящиеся на действительной службе (ст. 6), а также лица, подвергнутые суду за преступные деяния, отрешенные по судебным приговорам от должности, состоящие под следствием или судом, несостоятельные, лишённые духовного сана или звания «за пороки» и уклоняющиеся от воинской повинности (ст. 7) [4, с. 6–9]. Кроме того из участия в выборах исключались губернаторы и вице-губернаторы, градоначальники и их помощники, «лица, занимающие полицейские должности» (ст. 8) [там же, с. 9–10]. При этом женщины и военнослужащие могли предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу мужу с сыновьями и сыновьям, соответственно (ст. 11) [там же, с. 11].

Избирательная система Российской империи строилась по куриальному принципу, что наложило свой отпечаток на организацию выборов на территории Иркутского генерал-губернаторства. Так «Положение о выборах в Государственную Думу» среди прочих цензов запрещало участвовать в выборах бродячим иностранцам (ст. 6, п. 5) [там же, с. 7], присутствие которых очевидно на территории

Иркутского-генерал-губернаторства. На основании «Правил о применении положения о выборах в Государственную Думу к губерниям Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской» последним было предоставлено право обеспечить участие в съезде уполномоченных от волостей, также уполномоченных от кочевых инородцев, по одному на несколько стойбищ или улусов, избираемых тем же порядком, каким выбираются головы и выборные в инородные управы [5, л. 20]. Благодаря этому в уездных, и даже в губернских избирательных съездах смогли поучаствовать отдельные представители инородцев. Кроме того, ст. 25 подробно регламентировала цензовые особенности участия в выборах на всей территории Российской империи для представителей различных сословий. Например, устанавливался «годовой срок владения недвижимым имуществом, дающий право на внесение в избирательный список» [4, с. 23–24]. Статья 31 детализировала цензовую систему для участников городских съездов избирателей, наделив избирательными правами лиц, не менее года: владеющих «в пределах городских поселений уезда» недвижимым имуществом, а также торгово-промышленным предприятием, уплачивающих государственный квартирный налог, занимавших на свое имя отдельную квартиру, а также проживающих «в пределах города или его уезда» и получающих содержание или пенсию, при этом оговаривалось, что это могла быть пенсия по государственной службе или «по службе в земских, городских либо сословных учреждениях, или на железных дорогах» [там же, с. 30].

Сословный характер формирования курий был универсальным на всей территории Российской империи. Однако демографические особенности конкретных сословных групп на отдельных территориях, например, большое количество купечества или низкая численность крупных землевладельцев, требовали адаптации избирательного процесса в соответствии с ними. Так «лица, имеющие право на участие в съездах уездных землевладельцев, равно как лица имеющие право участвовать на предварительных съездах землевладельцев, причислялись в каждом уезде к съезду городских избирателей» (ст. 28) [там же, с. 28]. Аналогично и на территории Забайкальской (ст. 239) [там же, с. 104] и Якутской областей (ст. 224) [там же, с. 102]. При этом для землевладельцев Иркутской и Енисейской губерний было необходимо подтвердить наличие трехсот десятин земли [5, л. 20].

Кроме того, в Сибири отсутствовали земское и дворянское самоуправление, а значит не только связанные с ним лица, способные по должности заниматься надзором за выборами в Государственную Думу, но и попросту опыт проведения выборов (везде, кроме отдельных городов, на территории которых имелось полностью выборное, как в Иркутске, или «упрощенное», как в Киренске и Нижнеудинске, городское самоуправление).

Заметим, что несмотря на большое количество пролетариата в сибирских городах, рабочая курия здесь никогда не формировалась, что, вероятно, было обусловлено остротой революционной ситуации вдоль Транссибирской дороги в 1905–1906 гг., а также отдаленностью территорий.

В каждом уезде на территории сибирских губерний и областей проходило два (а не три или четыре, как в губерниях с общим порядком) съезда избирате-

лей: съезд городских избирателей и съезд уполномоченных от волостей. Много-ступенчатая практика проведения выборов в Государственную Думу Российской империи предполагала, среди прочих, выдвижение уполномоченных на участие в выборах от волостных сходов крестьян-домохозяев. Далее делегаты попадали в Уездное избирательное собрание, от которого несколько крестьян отправлялись выборщиками в Губернские избирательные собрания, где совместно с выборщиками от городов они выбирали депутата Государственной Думы.

Каждый из уездных съездов избирал назначенное установленным законом расписанием для этого уезда число делегатов в губернское или областное избирательное собрание, которое, в свою очередь, избирало назначенное расписание для этой губернии число депутатов Государственной Думы.

На территории Енисейской губернии максимальное количество выборщиков «выставлял» в губернское собрание Минусинский уезд (9 от волостей и 1 от городских избирателей). Далее располагались Ачинский (5 и 1), Красноярский (3 и 2), Канский (4 и 1) и Енисейский (2 и 1), а также Усинский пограничный район (1 и 1) [4, с. 116]. Всего тридцать один человек. Последний на практике «примыкал» к Минусинскому уезду и давал представителям последнего дополнительный перевес в губернском избирательном собрании [4, с. 28].

В Иркутской губернии избирательное собрание состояло из шестнадцати выборщиков: наибольшее количество выборщиков давал Балаганский уезд — 4 от волостей и 1 от городских избирателей. Далее располагались Иркутский (3 и 1), Нижнеудинский (2 и 1), Верхоленький и Киренский уезды (1 и 1 в каждом) [там же, с. 116].

В Якутской области предполагалось сформировать избирательное собрание из шестнадцати выборщиков: по одному от Верхоянского и Колымского округов, двух от Олекминского, четырех от Вилнойского и восьми от Якутского [там же, с. 138].

В Забайкальской области избирательное собрание должно было включать 8 выборщиков — от городских избирателей (по 1 от каждого уезда) и 19 от волостей и сельских участков (по 1 от Акшинского, Баргузинского, Нерчинского и Тоицкосавского, 2-х — от Нерчинско-Заводского и Селингинского, 4-х — от Читинского и 7-ми — от Верхнеудинского. Всего двадцать семь человек [там же, с. 139].

Помимо этого, город Иркутск оказался единственным городом за Уралом, получившим право формировать свое городское избирательное собрание и избирать одного своего депутата. Эти выборы в Иркутске проходили по обычному Положению — по той же модели, что и в Санкт-Петербурге, Москве, и еще 23 городах России (ст. 1) [там же, с. 5]. Городское избирательное собрание состояло из восьмидесяти выборщиков (а в столицах из шестидесяти) (ст. 5) [там же, с. 6]. Его формировали избиратели, прошедшие ценз, предварительно собравшиеся на одном из четырех иркутских избирательных участков и определившие большинством голосов на участке по двадцать выборщиков, они и становились делегатами Иркутского городского избирательного собрания, которое избирало из своего числа одного депутата Государственной Думы.

Даты проведения заседаний губернских и областных избирательных собраний определялись указом императора по предварительному согласованию возможных сроков с губернаторами и генерал-губернатором [5, л. 102; 6, л. 51]. Даты съездов городских избирателей и уполномоченных от крестьянских и инородческих волостей назначались губернаторами по согласованию с генерал-губернатором [6, л. 43–45].

Затраты на поведение выборов компенсировались из государственного бюджета. Расчет был следующий: на делопроизводство в уездных комиссиях — 100 руб., в губернских — 150 руб. Расходы уездных полицейских управлений на составление списков избирателей покрывались из расчета: 150 руб. на уезд. В распоряжение губернаторов также отписывалось по 200 руб. на расходы по делам о выборах в Государственную Думу [7, л. 3–3 об.]. Кроме того ст. 126 «Положения о выборах» предоставляла выборщикам возможность получить оплату проезда к месту проведения губернского избирательного собрания (от уездного города до губернского), но исключительно на основании ходатайства самого выборщика и из расчета пяти копеек на версту [4, с. 78].

Отличительной особенностью сибирских губерний был состав избирательных комиссий. Губернские избирательные комиссии возглавлялись председателем окружного суда, и включали в себя управляющего казенной палатой, одного из членов окружного суда «по назначению общего его собрания», городского голову губернского города и «непременного члена общего присутствия губернского управления» [8, л. 20 об.]. В отличие от губерний Европейской России, в губернских избирательных комиссиях Сибири не присутствовали глава губернской земской управы и губернский предводитель дворянства (по причине отсутствия этих должностей).

В уездные избирательные комиссии, которые возглавлял член окружного суда «по назначению общего его собрания», входили председатель уездного съезда крестьянских начальников и один из крестьянских начальников «по назначению уездного съезда» (замешавшие присутствовавших в таких комиссиях в земских губерниях двух представителей уездного земства и уездного председателя дворянства), а также городской голова или городской староста и податной инспектор (где он есть) [там же]. Однако уже 25 апреля 1906 г. императорским указом уточнялось, что — в связи с малой численностью судей окружного суда Иркутской губернии — общее присутствие этого суда может делегировать в председатели уездных избирательных комиссий одного из мировых судей, работающих на территории этого уезда.

Якутская областная избирательная комиссии должна была состоять из четырех членов — председателя окружного суда, одного из членов окружного суда «по назначению общего собрания», податного инспектора, городского головы областного города и старшего советника областного управления (ст. 230) [4, с. 103].

Окружные избирательные комиссии в Якутской создавались под председательством члена окружного суда, в составе мирового судьи «по назначению министра Юстиции», городского головы или городского старосты (там, где они

есть), податного инспектора (там, где он есть), заседателя полицейского управления и одного из местных обывателей, «владеющих в округе землею или иным недвижимым имуществом, по приглашению губернатора» (ст. 231) [4, с. 103].

Забайкальская областная комиссия, управляемая председателем окружного суда, включала в себя управляющего казенной палатой, одного из членов окружного суда «по назначению общего собрания», городского головы областного города. Представители же от земства, дворянства и общего присутствия губернского управления (все это в областях, конечно, отсутствовало) заменялись на неперменного члена областного по крестьянским делам присутствия (если он был) и приглашенного генерал-губернатором местного обывателя, владеющего в области землей или иным недвижимым имуществом (ст. 248) [там же, с. 106].

Уездные избирательные комиссии под председательством члена окружного суда «по назначению общего собрания», в составе мирового судьи «по назначению общего собрания», городского головы уездного города или «заменяющего его лица», податного инспектора (если он есть). Вместо двух представителей уездного съезда крестьянских начальников (как в сибирских губерниях) тут в уездных комиссиях заседал только один, а второго заменял был приглашенный губернатором местный обыватель, владеющий землей или иным недвижимым имуществом в уезде (ст. 249) [там же, с. 106].

Отсутствие опыта проведения избирательных кампаний как у населения, так и у должностных лиц, ответственных за проведение выборов, а также контролирующих их на губернском уровне структур нередко провоцировало нарушения, выявление которых оканчивалось аннулированием процедуры избрания выборщиков, либо организацией довыборов взамен депутатов, избранных с нарушением закона.

Подобные ситуации были не редкостью не только в Сибири, но в Российской империи в целом, что обусловило подготовку МВД целой серии циркулярных разъяснений. Последние, например, указывали на то, что выборщики должны избираться исключительно «закрытой подачей голосов по средствам баллотировки шарами», в противном случае избрание выборщика будет отменено (что нередко случалось в провинции в период выборов в I Думу). При этом уточнялось, со ссылкой на ст. 113 «Положения о выборах», что процедура жеребьевки может использоваться только в случаях, когда два кандидата в выборщики получили равное по количеству и превышающее половину количество голосов участвовавших в съезде лиц [9, л. 105–105 об.].

Заметим, что в отношении избрания депутата на губернском съезде данное правило в нормативно-правовых актах расписано не было, вследствие чего Енисейской губернской комиссии пришлось принимать экстренное решение по своему усмотрению, когда на третий день попыток избрать второго депутата (А.В. Бриллиантов был избран в 1-й день) решение было принято жеребьевкой между Юдиным и Кравченко, набравшими по 11 голосов в свою пользу каждый [10, 18–18 об.]. И.К. Юдин одержал победу, а председателю губернской избирательной комиссии пришлось давать письменные объяснения по этому поводу перед МВД и Государственной Думой [10, л. 28–28 об.].

Первые два созыва Государственной Думы проработали весьма непродолжительный срок и были распущены при активном вмешательстве монарха и исполнительной власти. Заметим, что в I Государственной Думе от территорий Иркутского генерал-губернаторства успели принять участие только делегаты от Енисейской губернии, а во II Государственной Думе от обеих губерний и Якутской области. Уже весной 1907 г. в кулуарах Думы и на страницах газет «заговорили» о готовящемся роспуске Думы, следствием которого стало издание нового избирательного закона.

3 июля 1907 г. при вступлении в силу нового положения о выборах Якутская область (вместе с отдельными областями Туркестана) полностью лишилась права избирать своего представителя в Государственную Думу. Николай II в своем манифесте описывал эти территории как «окраины Государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности» и говорил, что избирательное право их жителей лишь «временно приостанавливалось» (хотя многие члены правительства сами признавали, что это было фактически «упразднение») [11].

Избирательным законом 1907 г. устанавливалась квота в 4 депутата от территорий Иркутского генерал-губернаторства: по одному от Енисейской и Иркутской губерний и два от Забайкальской области (по одному от Забайкальского казачьего войска и прочего населения) [12, с. 96].

Существенное сокращение представительства Сибири в парламенте не могло остаться незамеченным для общества. С уменьшением квоты для сибирских депутатов представительство региона в парламенте сделалось «фиктивным», что «не могло развить глубокого интереса к выборам» [13, с. 2].

Город Иркутск в новой редакции избирательного закона утратил право на собственного депутата, вне губернской квоты. В связи с этим численность губернского избирательного собрания увеличилась до двадцати человек за счет увеличения квоты Иркутского уезда (к которому теперь отнесли и городских избирателей Иркутска) до десяти выборщиков: то есть на пять выборщиков от города, общее число которых теперь составляло шесть. Несколько трансформировались и квоты других уездов. Теперь Балаганский уезд выставлял четверых выборщиков (3 от волостей и 1 от городских избирателей); Киренский троих (2 и 1), Верхотенский и Нижнеудинский уезды (1 и 1 в каждом) [12, с. 122].

Иностранцы Забайкальской области, утратившие право на собственного депутата, получили пятнадцать мест в областном избирательном собрании, в дополнении к восьми выборщикам от городских избирателей (по 1 от каждого уезда) и девятнадцати от волостей и сельских участков. Четыре места получали иностранцы Читинского уезда, по три — Верхнеудинского и Селенгинского, остальные пять уездов по одному месту для иностранцев [там же, с. 120].

Кроме того, военное министерство признавало нежелательным назначать председателями избирательных съездов офицеров действительной службы. Последнее указание спровоцировало пересмотр кандидатур председателя собрания выборщиков от казачьих станиц и его заместителя. На пост председателя и заместителя взамен полковника Дементьева и войскового старшины Эпова губерна-

тором Забайкальской области Эбеловым были предложены «член крестьянского присутствия надворный советник Депрерадович и крестьянский начальник титулярный советник Чижев» соответственно [6, л. 37].

Резюмируя все выше сказанное, заметим, что регулирование выборов в Государственную Думу на территории Сибири оправдывало статус данных территорий, «по особому положению управляемых».

Формируя комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих избирательный процесс на территории Сибири и Иркутского генерал-губернаторства в частности, правительство старалось учесть географические, демографические, сословные и административные особенности этих территорий, адаптируя общеимперские практики организации избирательного процесса под специфику региона.

Трансформация избирательного права вследствие «третьеиюньского переворота» и курс на создание Думы «русской по духу» виделись власти едва ли не единственной возможностью сформировать лояльную, договороспособную Думу, сотрудничество с которой позволит выстроить работу в интересах государства и монархии.

Очевидно, что в основе процесса минимизации количества парламентских мандатов, предлагаемых окраинным территориям, лежали не только охранительные мотивы, но и реальные трудности инфраструктурного сообщения территорий как с центром генерал-губернаторской власти, так и со столицей империи, затруднявшие проведение избирательной кампании в установленные императором сроки. Невысокий уровень грамотности среди масс инородческого населения в отдельных территориях, воспринимался столичной бюрократией как подтверждение неразвитости правосознания, необходимого для участия в избирательном процессе, вследствие чего буряты и якуты исследуемых нами территорий и вовсе утратили право представительства в парламенте.

Список использованной литературы

1. Шиловский М.В. Организация и проведение выборов в I–IV Государственный Думы в Сибири (1906–1913) / М.В. Шиловский // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 5 (25). — С. 29–34.
2. Родионов Ю.П. Сибирь в законодательстве о выборах в Государственную Думу (начало XX в.) / Ю.П. Родионов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 5 (25). — С. 39–45.
3. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора / И.И. Попов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. — 384 с.
4. Положение о выборах в Государственную думу : (свод законов, т. 1, ч. 2, изд. 1906 г.) : с разъяснениями Правительствующего сената и М-ва внутр. дел, приложением циркуляров и инструкций министра внутр. дел и циркуляров министра юстиции. — Санкт-Петербург : Изд. М-ва внутр. дел, 1907. — 228 с.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 32. — Оп. 4. — Д. 37.

6. ГАИО. — Ф. 25. — Оп. 6. — К. 517. — Д. 3357.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). — Ф. 595. — Оп. 34. — Д. 70–27.
8. ГАИО. — Ф. 421. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 20–20 об.
9. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). — Ф. 48. — Оп. 1. — Д. 28.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1278. — Оп. 1. — Д. 630.
11. Манифест о роспуске Государственной Думы. 3 июня 190 г. // Документы XX века. — URL: <https://doc20vek.ru/node/1380> (дата обращения 12.09.2024 г.).
12. Положение о выборах в Государственную думу : с разъяснениями Прав. сената, Мин. вн. дел, подробным предметным указателем и с приложением учреждений Госуд. совета, Госуд. думы и правил о рассмотрении госуд. росписи / сост. А. Л. Саатчиан. — Санкт-Петербург : Изд. юрид. книж. магазина И. И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1912. — 178 с.
13. Оценка выборов // Сибирские вопросы. — 1907. — № 33. — С. 2–3.

Информация об авторе

Кружалина Анастасия Алексеевна — к.и.н., доцент, заведующая кафедрой истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: kliokrua@yandex.ru.

Author

Kruzhalina Anastasia Alekseevna — Ph.D. in History, Head of the Department of Russian History of Historical Faculty, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: kliokrua@yandex.ru.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ
ПРАВОСУДИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПАЛАТ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА
(НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ)**

В статье автор анализирует особенности действия принципов независимости и коллегиального состава суда в России в пореформенный период второй половины XIX — начала XX в. Демонстрируется, что весь период самодержавие старалось ограничить независимость судей. Использовался институт переводов судей на должности и др., власть воздействовала на них через председателей судов и должностных лиц прокуратуры. Обосновывается, что принцип коллегиального состава суда по уголовным делам вписался в систему судопроизводства в судебных палатах Российской империи через институты сословных представителей и присяжных заседателей. Вопреки целям законодателя, особое присутствие палат осуществляло свою деятельность на основании закона, и не было репрессивней судов с присяжными заседателями.

Ключевые слова: судебные палаты; судебная реформа; независимость судей; коллегиальный состав суда; сословные представители; присяжные заседатели.

T.L. Kuras

**PROBLEMS OF REALIZATION OF CERTAIN PRINCIPLES
OF JUSTICE IN THE ACTIVITIES OF THE JUDICIAL CHAMBERS
OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE POST-REFORM PERIOD
(ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK JUDICIAL CHAMBER)**

In the article the author analyzes the specifics of the principles of independence and collegial composition of the court in the post-reform period of the second half of the XIX — early XX centuries. It is demonstrated that during the whole period the autocracy tried to limit the independence of judges. The institute of transferring judges to posts and other positions was used, the government influenced them through chief justice and officials of the prosecutor's office. It is explained that the principle of collegial composition of the court in criminal cases entered into the system of legal proceedings in the judicial chambers of the Russian Empire through the institutions of class representatives and jurors. Contrary to the goals of the legislator, the special presence of the chambers carried out its activities on the basis of the law and was not more repressive than the courts with jurors.

Keywords: judicial chambers; judicial reform; independence of judges; collegial composition of the court; class representatives; jurors.

При проведении в России судебной реформы 1864 г. судебные уставы впервые ввели многие прогрессивные принципы. Среди них — принципы независимости судей и коллегиального состава суда. Они и в настоящее время являются важными для российского судоустройства. Следует обращаться к историческому опыту нашей страны второй половины XIX — начала XX вв., чтобы использовать положительные наработки и избежать проблем.

Судебные уставы впервые в российской истории закрепили принцип независимости судей и его гарантии [1, с. 65]. К ним относились несменяемость судей, порядок их назначения на должности, специальный порядок привлечения к ответственности, особое материальное обеспечение и другие.

При ранее действовавшем законодательстве Министерство юстиции не могло влиять на состав судов [2, с. 32]. Уставы же предоставили ему возможность формировать суды. При проведении реформы министерство подобрало для новых судов блестящих, честных, просвещенных судей [3, с. 55]. Большинство из них с энтузиазмом восприняли внедрение демократических принципов правосудия и добросовестно работали на основе принципа независимости.

С введением уставов 1864 г. в России независимость судей, подчинение их только закону стала противоречить абсолютистской форме правления. Власть лишилась прерогативы отправления правосудия. Несоответствие новых судов основам государственной власти проявилось на фоне подъема общественного движения в 1870-е гг. [4, с. 65–66, 74–75]. Власть осознала необходимость изменения ситуации, назначения управляемых судей и с этого времени начали приниматься меры, ограничивающие самостоятельность, независимость и несменяемость судей. Несмотря на формальное сохранение принципа независимости судей в законе, в него постоянно вносились изменения, позволявшие власти влиять на судей [5, с. 34].

Одним из эффективных способов воздействия на судей стал механизм назначения и перемещения на должности [6, с. 46–47]. Судей могли повысить или понизить, изменить судебный округ с окраины на центр империи или наоборот. К примеру, председатель департамента Иркутской судебной палаты, действительный статский советник барон Н.Э. Таубе приказом по ведомству министерства юстиции № 21 от 23.03.1904 был поощрен: переведен в европейскую часть России и назначен председателем департамента Московской судебной палаты [7, с. 31]. В другом случае для того, чтобы получить повышение и сделать карьеру, член Могилевского окружного суда статский советник Ф.А. Рыбаков подал прошение об его переводе в Иркутскую судебную палату. Ходатайство было удовлетворено и приказом № 76 от 09.10.1904 он был назначен членом Иркутской палаты [8, с. 25].

К 1880-м гг. повышение происходило уже зачастую не по заслугам, а по ходатайству председателей судов, которым доверял министр юстиции. Это при-

вело к карьеризму, снизило независимость судей [9, с. 12–13]. Через председателей судов старались добиться перевода, повышения, награды, присвоения чина, других благ.

Так, ежегодно по представлению председателя судебной палаты определенному числу судей присваивались классные чины и вручались ордена. К примеру, в 1909 г. старшему председателю Иркутской судебной палаты сенатору Николаю Еракову, а также члену палаты Павлину Попову был вручен высокий по иерархии орден Святого Равноапостольного Князя Владимира 2-й степени; члену судебной палаты Федору Рыбакову был присвоен орден Святого Станислава 1-й степени. В других судебных палатах такой институт поощрения, как присвоение орденов, также активно использовался. Так, в более крупной Санкт-Петербургской судебной палате в этом же году орден Святой Анны 1-й степени был вручен двоим председателям департаментов палаты; орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-й степени награждены три члена палаты. В Московской судебной палате в этом же году старшему председателю палаты был вручен орден Белого Орла; троим членам палаты — орден Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-й степени. Члены других палат также активно поощрялись: ордена Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-й и 4-й степени, Святого Станислава 1-й степени, Святой Анны 1-й степени были вручены члену Ташкентской палаты, двоим членам Харьковской и Омской палат, троим членам Одесской, Киевской, Саратовской и Тифлисской палат, четырем членам Казанской палаты, пяти членам Виленской и Новочеркасской палат, восьми членам Варшавской палаты [10, с. 29]. Количество ежегодно вручаемых наград, несомненно, зависело от числа членов палаты, а также от заслуг судей, других объективных и субъективных факторов, которые обосновывались председателями палат в прошениях, направляемых в министерство юстиции.

Таким образом, механизм присвоения чинов и вручения орденов активно использовался властью для воздействия на членов палат [11, с. 113]. Негативные последствия воздействия на служащих судов через чины и награды отмечались и в дореволюционной печати [12, с. 3]. В итоге председатели судебных палат приобрели большую власть [5, с. 35]. В периодике подчеркивалась недопустимость ситуации, при которой председатель суда превращается во влиятельное начальство [13, с. 2].

Особая роль в воздействии на судей возлагалась на прокуратуру, через нее собирались сведения о судьях для решения вопроса о назначениях и переводах, что привело к зависимости судей от прокуроров [14, с. 4–5]. Принцип независимости судей постепенно стал фикцией. При этом комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, образованная в 1894 г., игнорировала эту ситуацию [15, с. 12–13].

Несмотря на давление власти в лице министерства юстиции, председателей судов и должностных лиц прокуратуры, многие судьи продолжали работать, основываясь на законе, уважении к духу судебных уставов, высоких нравствен-

ных началах, чувстве справедливости, не поддерживая обвинительный уклон прокуратуры по делам о государственных преступлениях. Нередки были случаи прекращения судебными палатами производства по делам или вынесения оправдательных приговоров, основанных на неуклонном соблюдении закона.

К примеру, 24 октября 1905 г. Иркутская судебная палата по Уголовному департаменту в распорядительном заседании по делу по обвинению мещанина М.Ю. Бродского и дворянина С.С. Трусевича в хранении и распространении нелегальной литературы, изучила обвинительный акт товарища прокурора палаты по п. 2 ст. 129 Уголовного уложения. Основываясь на Высочайшем указе от 17 октября 1905 г. и имея в виду, что обвиняемые совершили преступление до его принятия, преступление совершено без насильственных действий, определила производство по делу прекратить [16, л. 48].

В другом деле прокурор Иркутской судебной палаты на основании ст. 1047 Устава уголовного судопроизводства передал в палату дело с обвинительным актом о сельском учителе М.К. Ветошкине. Он обвинялся по п. 1 ст. 132 Уголовного Уложения в распространении и хранении революционной литературы. 25 октября 1904 г. Иркутская судебная палата по Уголовному департаменту, в распорядительном заседании, в котором присутствовали: ст. председатель Н.П. Ераков, члены палаты Б.С. Валецкий, Х.Ф. Колоколов, товарищ прокурора Ф.И. Подольков, и.д. секр. Н.И. Преображенский слушала дело по вопросу о применении к подсудимому Высочайшего манифеста 11 августа 1904 г. Приняв во внимание, что преступление, в котором обвиняется М.К. Ветошкин, совершено в марте 1904 г., до дня рождения наследника Цесаревича; что на основании ст. XXIX и п. 1 ст. XIX Высочайшего манифеста 11 августа 1904 г. лица, совершившие такие деяния по день рождения наследника Цесаревича, освобождаются от суда и наказания, палата прекратила уголовное преследование подсудимого и освободила его из-под стражи [17, л. 20–21].

Таким образом, с 1870-х гг. власть ограничивала независимость судей. С этой целью применялись институты назначений и переводов судей, награждения, присвоения чинов. Судьи во многом стали зависимы от председателей судов и от прокуратуры. Все это препятствовало реализации принципа независимости судей, снижало авторитет судов в обществе, отражалось на законности судебных актов. При этом, несмотря на все меры воздействия со стороны власти, было немало судей, остававшихся на высоте правосудия, работавших на основании закона и демократических принципов правосудия.

Интересно и рассмотрение особенностей коллегиального состава суда в дореволюционном уголовном процессе, связанного с привлечением общественного элемента к рассмотрению дел [18, с. 89]. При проведении в нашей стране реформирования судоустройства и судопроизводства, решении вопросов о коллегиальном рассмотрении уголовных дел, следует обращаться к историческому опыту Российской империи второй половины XIX — начала XX вв., когда общественность привлекалась к осуществлению правосудия через сословных представителей и присяжных заседателей.

Положительными чертами коллегиальности в судопроизводстве являются демократичность, контроль за судом, ограничение его властных полномочий, многостороннее обсуждение итоговых актов. К недостаткам относятся удорожание, усложнение и затягивание процесса, некомпетентность представителей общественности в правовых вопросах [19, с. 308–310]. То есть у коллегиального начала есть достоинства и недостатки, которые следует учитывать.

В Российской империи второй половины XIX в. дела о государственных преступлениях были отнесены к подсудности судебных палат с участием сословных представителей, к которым относились губернские и уездные предводители дворянства, городской голова, волостной старшина [4, с. 80]. По закону 9 мая 1878 г. подсудность этого суда была распространена на ряд дел по преступлениям против порядка управления, первоначально рассматривавшихся судом присяжных. Законом 11 мая 1882 г. была восстановлена подсудность присяжным менее важных преступлений против порядка управления. В ведении суда сословных представителей остались дела о преступлениях, предусмотренных ст. 263–265 и 395 Уложения о наказаниях и о преступлениях против властей, сопровождавшихся убийством, поджогом или нанесением увечий, ран или тяжких побоев. По закону 7 июля 1889 г. из ведения окружных судов с присяжными были окончательно изъяты и подчинены особому присутствию палат указанные выше дела о преступлениях против порядка управления и дела, перечисленные в ст. 201-1 и 1105 Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС) [20, с. 114–116].

Самодержавие при передаче дел к подсудности палат желало увеличить уголовную репрессию по ним. Окружные суды с участием присяжных, по мнению властей, слишком мягко рассматривали дела. Однако, ряд исследователей считали такое решение неэффективным, поскольку к концу XIX в. репрессия суда сословных представителей не превышала репрессию присяжных [21, с. 45].

Изучение практики рассмотрения дел судебными палатами с сословными представителями на примере Иркутской палаты позволяет прийти к выводу, что у судов не было обвинительного уклона, они выносили законные и обоснованные приговоры [18, с. 90]. Другие судебные палаты в особом присутствии также действовали в рамках закона.

Передача отдельных категорий дел из подсудности окружных судов с присяжными заседателями в подсудность палат с сословными представителями не оправдало целей самодержавия, которое рассчитывало на усиление уголовной репрессии. При этом изменение компетенции осложняло деятельность судебных палат, которые работали с очень высокой нагрузкой, и создало проблемы для сословных представителей, совмещавших свою деятельность с участием в рассмотрении большого числа дел.

В целом институт сословных представителей появился как альтернатива присяжным заседателям для рассмотрения наиболее важных для государства уголовных дел. Являясь отступлением от общих правил судопроизводства в начале реформы, к началу XIX в. он стал важным элементом судопроизводства, судом с высоким образовательным цензом и уровнем знаний [22, с. 8–9]. Суд присяжных

и суд сословных представителей были в единой системе и необоснованно говорить о прогрессивности одного и косности другого [23, с. 26–28].

Сословные представители входили в состав суда по должности, в их составе было больше дворян, от крестьян был волостной старшина [24, с. 67–68].

Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части обсуждала целесообразность института сословных представителей. Указывалось на их незаинтересованность в рассмотрении дел, пассивная позиция на заседаниях суда. Подчеркивались проблемы численного перевеса судей в составе суда, дороговизна состава суда. Кроме того, закон 1889 г. отнес к ведению особого присутствия палат маловажные уголовные дела, что подрывало их авторитет. Помимо этого, в связи с занятостью на службе сословные представители не всегда являлись на заседания судебных палат, что влекло отложение дела и затягивание процесса. В силу этого законами от 7 июля 1889 г. и от 3 июня 1894 г. была установлена возможность замены одних служащих другими. К примеру, если губернский предводитель не мог присутствовать на заседании суда, он заменялся уездным предводителем. Несмотря на проблемы, комиссия подчеркнула значимость и прогрессивность института сословных представителей. В деятельности суда без общественного элемента в судах водворился бы формализм [20, с. 74–77, 116–119, 121, 122–123].

В судебной практике возникали процессуальные вопросы, связанные с деятельностью особого присутствия судебных палат. Их разрешал Правительствующий Сенат, обеспечивая единообразное толкование и применение закона на всей территории Российской империи. Так, по одному из дел Сенат подчеркнул, что деятельность сословных представителей по делам, подсудным судебной палате с их участием, ограничивается, согласно ст. 1106-1 Устава уголовного судопроизводства, слушанием дела и разрешением вопросов о виновности и наказании. Все иные функции палаты, связанные с подготовкой дел к разбирательству, а также следующие после вынесения приговора, выполняются без участия сословных представителей [25, с. 248].

В практике судов возникали и вопросы о законности состава суда с сословными представителями. Так, в одном из уголовных дел Правительствующий Сенат признал законным принятие на себя старшим из присутствующих членов палаты председательствования в ее особом присутствии, подчеркнув, что если о незаконном составе особого присутствия не было своевременно сделано возражений, то это не может стать основанием отмены приговора [26, с. 222–223].

В деятельности суда с сословными представителями существовала и следующая проблема: установленный законом 7 июля 1889 г. порядок производства некоторых уголовных дел не соответствовал требованиям близости суда к населению. Палаты по возможности рассматривали дела на выездных сессиях, но они назначались редко, не более двух сессий в одном населенном пункте в год, что было связано с экономией расходов казны и ограниченностью числа членов палат. Дела, не рассмотренные в срок, откладывались на полгода, а иногда и на год [20, с. 119–121]. Иркутская судебная палата находилась в сложном положе-

нии в силу обширности территории округа [6, с. 48]. Тем не менее, она проводила выездные заседания в городах округа. Так, на выездной сессии в г. Владивосток 5 сентября 1906 г. особое присутствие палаты, в составе которого были Владивостокский городской голова И.И. Циммерман, Раздольнинский волостной старшина О.Г. Сигедин, слушало дело по обвинению крестьянина Я. Федоровича по ст. 129 Уголовного уложения [27, л. 11–11 об.].

Интересный вопрос подняла известный современный исследователь в области российского судоустройства и судопроизводства второй половины XIX — начала XX в. М.В. Немытина. Она отметила, что в историко-правовой науке принято считать, что суд присяжных в дореволюционной России действовал только в окружных судах. Однако, некоторые материалы официального делопроизводства, как опубликованные, так и архивные, позволяют предположить, что судебные палаты также рассматривали дела с участием присяжных [4, с. 146].

Согласимся с тем, что некоторые данные, действительно, свидетельствуют о том, что судебные палаты рассматривали дела не только с участием сословных представителей, но и присяжных заседателей. Так, в одной из публикаций в «Судебной газете» 1901 г. содержался подробный анализ данного вопроса. В статье автор поднял актуальную для юридической общественности тему, возможен ли суд присяжных в палатах после принятия закона 7 июля 1889 г. о юрисдикции судебных палат с сословными представителями. Подчеркнем, что этот вопрос был разрешен утвердительно Правительствующим Сенатом 20 ноября 1901 г. Им в кассационном порядке было рассмотрено дело по обвинению Мельникова по ч. 2 ст. 181 Уложения о наказаниях. Подсудимый обвинялся в умышленном распространении в России заграничной газеты «Слово Правды», при этом он знал, что статьи газеты заключают в себе порицание православия и православной церкви. Дело рассматривалось в окружном суде и вердиктом присяжных подсудимый был признан виновным. Он подал в Сенат кассационную жалобу, приговор был отменен в силу нарушения судом подсудности, так как ст. 1213-3 УУС указывает, что преступление, предусмотренное ст. 181 Уложения о наказаниях, рассматривается судебными палатами. Затем дело Мельникова было рассмотрено 13 апреля 1901 г. судебной палатой с участием сословных представителей, ее приговором подсудимый снова был признан виновным. Данный приговор подсудимый вновь обжаловал в Сенат по мотиву рассмотрения судом дела в незаконном составе. По его мнению, дело должно было рассматриваться палатой не с сословными представителями, а с присяжными заседателями, так как в ст. 201-1 УУС, перечисляющей преступления, подсудные суду сословных представителей, ст. 181 Уложения о наказаниях не указана. Сенат отменил приговор палаты и признал незаконным рассмотрение данного дела палатой в особом составе, поскольку преступление, предусмотренное ст. 181 Уложения о наказаниях, подсудно судебной палате с участием присяжных заседателей [28, с. 2–4]. Таким образом, в судебных палатах рассматривались дела не только с участием сословных представителей, но и присяжных заседателей. При этом процессуальное законодательство было настолько запутанным и так часто менялось, что суды ошибочно определяли состав суда

для тех или иных категорий дел и в ряде случаев рассматривали дела в незаконном составе.

В целом институты сословных представителей и присяжных заседателей вписались в систему судопроизводства в судебных палатах Российской империи. Вопреки целям законодателя, суд палат с участием сословных представителей не был репрессивней окружных судов с присяжными заседателями и показал на практике свою эффективность. Однако при этом существовало немало проблем его функционирования. Неоднократно менялась подсудность дел палатам в особом присутствии, существовало зависимое положение сословных представителей, чем снижалось их значение и авторитет суда. В существовавших условиях привлечение к участию в делах представителей сословий было сложно реализуемо.

Таким образом, весь период действия пореформенных судов самодержавие ограничивало независимость судей. Использовались институты переводов судей, присвоения чинов и другие. Председатели судов и прокуратура влияла на решение данных вопросов, что создавало зависимость судей от них, снижало авторитет судов в обществе. Было и немало судей, работавших на основе закона, принципа независимости и других прогрессивных принципов. Принцип коллегиального состава суда по уголовным делам вписался в систему судопроизводства в судебных палатах Российской империи через институты сословных представителей и присяжных заседателей. Вопреки целям законодателя, суд палат с участием сословных представителей не был репрессивней окружных судов с присяжными заседателями и в целом показал свою эффективность, несмотря на многочисленные проблемы его функционирования.

Список использованной литературы

1. Щедрина Ю.В. Становление и развитие гарантий обеспечения независимости судей в России во второй половине XIX — начале XX вв. : дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук / Ю.В. Щедрина. — Курск, 2014. — 536 с.
2. Курас С.Л. О некоторых аспектах реформирования суда на страницах «Журнала Министерства юстиции» / С.Л. Курас // Правовая политика современной России: реалии и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию земской и судебной реформ в России. — Иркутск, 8 нояб. 2014 г. / ФГБОУ ВПО «ИГУ», Юрид. ин-т. — 2014. — С. 32–34.
3. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. — Москва : Спарк, 2001. — 351 с.
4. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. / М.В. Немытина. — Саратов : СЮИ МВД РФ, 1999. — 256 с.
5. Курас Т.Л. Вопросы реализации принципа независимости судей в пореформенной России второй половины XIX — начала XX в. / Т.Л. Курас // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2018. — № 4 (57). — С. 31–37.
6. Курас Т.Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект / Т.Л. Курас // Сибирский юридический вестник. — 2014. — № 4. — С. 45–53.

7. Извлечение из Высочайших приказов по гражданскому ведомству. По ведомству Министерства Юстиции // Журнал Министерства юстиции. — 1904. — № 3. — С. 30–35.
8. Извлечение из Высочайших приказов по гражданскому ведомству. По ведомству Министерства Юстиции // Журнал Министерства юстиции. — 1904. — № 9. — С. 24–29.
9. Русская печать по законодательным и судебным вопросам // Судебная газета. — 1883. — № 10. — С. 12–13.
10. Извлечение из Высочайших приказов по гражданскому ведомству. По ведомству Министерства Юстиции // Журнал Министерства юстиции. — 1910. — № 1. — С. 29–35.
11. Курас Т.Л. Награждение орденами членов судебных палат в Российской империи / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. — 2010. — № 3 (50). — С. 110–114.
12. К вопросу о наградах, жалуемых чинам судебного ведомства // Судебная газета. — 1898. — № 24. — С. 3–4.
13. О надзоре председателя судебного места // Судебная газета. — 1900. — 6 авг. — № 32. — С. 1–3.
14. Градовский Г. Еще о прокуратуре / Г. Градовский // Судебная газета. — 1883. — № 19. — С. 4–5.
15. Городынский Я.К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 года / Я.К. Городынский // Журнал Министерства юстиции. — 1901. — № 2. — С. 1–43.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 246. — Оп. 3. — Д. 193. — 133 л.
17. ГАИО. — Ф. 246. — Оп. 3. — Д. 177. — 57 л.
18. Курас Т.Л. Участие сословных представителей в рассмотрении уголовных дел судебными палатами Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) / Т.Л. Курас, Н.Э. Шишкина // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 4. — С. 88–93.
19. Цихоцкий А.А. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам / А.А. Цихоцкий. — Новосибирск : НАУКА. Сиб. предприятие РАН, 1997. — 392 с.
20. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений в 3-х томах. Т. 1. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1900. — 415 с.
21. Даневский В.П. Сравнительное обозрение некоторых форм народного суда (суд шеффенов, сословных представителей и присяжных) / В.П. Даневский // Русская мысль. — 1895. — № 1. — С. 39–53.
22. Игнатенкова И.А. Суд сословных представителей в России: становление и развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.А. Игнатенкова. — Саратов, 2007. — 28 с.

23. Сапунков А.А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи: вторая половина XIX — начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Сапунков. — Омск, 2018. — 297 с.

24. Воронин А.В. Правовые формы участия населения в отправлении правосудия в Российской империи второй половины XIX — начале XX века / А.В. Воронин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 2 (103). — С. 65–68.

25. Кассационная практика. Вопросы, разрешенные Уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената в 1895 и 1896 гг. / сост. М.П. Шрамченко // Журнал Министерства юстиции. — 1896. — № 10. — С. 247–249.

26. Кассационная практика. Вопросы, разрешенные уголовным Кассационным Департаментом Правительствующего Сената в 1907 г. / сост. Афанасьев В.Е. // Журнал Министерства юстиции. — 1908. — № 2. — С. 222–223.

27. ГАИО. — Ф. 246. — Оп. 3. — Д. 252. — Л. 11–11 об.

28. Суд присяжных в судебной палате // Судебная газета. — 1901. — № 4. — С. 2–4.

Информация об авторе

Курас Татьяна Леонидовна — к.и.н., доцент, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: tanya_kuras@mail.ru.

Author

Kuras Tatyana Leonidovna — Ph.D. in History, Associate Professor, the Chair of Justice, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: tanya_kuras@mail.ru.

УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На основе архивных материалов рассматривается формирование органов управления образованием Иркутской губернии в XIX — начале XX в. Автор отмечает отсутствие специальных органов управления и подчиненность учебных заведений местной администрации. Возросшая во второй половине XIX в. потребность населения в образовании способствовала бурному росту числа учебных заведений. Модернизация социокультурной сферы стала фактором, изменившим подход к управлению образованием. Учреждение Иркутской дирекции народных училищ становится первым шагом на пути формирования ведомственного управления. Иркутская дирекция являлась самой динамично развивающейся дирекцией в Восточной Сибири, выступая посредником между сельскими обществами и государством.

Ключевые слова: Иркутская губерния; народное образование; управление; инспектор народных училищ; дирекция народных училищ.

I.N. Mamkina

IRKUTSK GOVERNORATE EDUCATIONAL INSTITUTIONS MANAGEMENT OF IN THE IN THE XIX–XXTH CENTURIES

Educational administration bodies development of the Irkutsk governorate in the early 19th century is considered on the basis of archival materials. The author notes the lack of special authorities and the subordination of educational institutions to local administration. The population's increased need for education contributed to a boom in educational establishments in the second half of the XIX century. The modernization of the socio-cultural sphere became a factor that changed the approach to education management. The establishment of the Irkutsk Directorate of People's Schools was the first step in the process of departmental administration establishment. Irkutsk Directorate was the most dynamically developing directorate in Eastern Siberia, acting as a mediator between rural societies and the state.

Keywords: Irkutsk province; popular education; administration; inspector of popular schools; directorate of popular schools.

Вопросы организации управления учебными заведениями Российской империи всегда привлекали отечественных историков. Организация учебных округов, управление университетами, гимназиями, начальными училищами

не потеряла своей актуальности и в настоящее время [1–3]. Не лишены внимания исследователей региональные аспекты управления народным образованием [4–7].

Становление централизованного управления государственными учебными заведениями начинается во второй половине XVIII века с создания Комиссии об учреждении народных училищ. На местах решение некоторых организационных вопросов было передано приказам общественного призрения. В Иркутске приказы общественного призрения открылись в 1797 г., в то время как малое и главное училища начали действовать в 1789 г. Примечательно, что училища были открыты раньше, чем органы управления ими [8, с. 121]. Министерская реформа 1802 г. привела к учреждению шести учебных округов на базе открытых университетов. Учебные заведения Иркутской губернии подчинялись Казанскому университету. Сибирская реформа М.М. Сперанского закрепила деление Сибири на Западную и Восточную. Учебные заведения обширной территории Восточной Сибири перешли в ведение учрежденной должности визитатора. Директор Иркутской гимназии, статский советник П.А. Словцов был первым и единственным визитатором с 1821 по 1828 г.

В 1828 г. гражданские губернаторы Восточной Сибири получили полномочия попечителей учебных заведений. В ведении гражданских губернаторов находились вопросы утверждения в должности преподавателей гимназий и уездных училищ, содержания учебных заведений, открытия новых учебных заведений. Однако, имея широкий круг административных обязанностей, деятельность учебных заведений, по вполне понятным причинам, не являлась для губернаторов приоритетной.

В 1841 г. по решению властей восточносибирские учебные заведения были переданы в ведение генерал-губернатора. Количество учебных заведений было незначительно — одна гимназия, десять уездных училищ, 71 приходские училище. На долю Иркутской губернии приходилась большая часть всех учебных заведений. Накануне выделения Забайкальской области к Иркутской губернии относились гимназия, 7 уездных и 42 приходских училищ [9]. Непосредственное руководство училищами в губернии осуществлял директор гимназии и назначенные им штатные смотрители.

Директор отвечал за формирование педагогического коллектива гимназии, утверждал годовые отчеты губернских учителей, отвечал за воспитательную сторону учебного процесса. Ежегодно он был обязан проводить инспекторские поездки по училищам губернии. Штатные смотрители осуществляли надзор за деятельностью училищ на местах.

Переподчинение восточносибирских учебных заведений генерал-губернатору, привело к исключению их из общеимперской окружной системы. В Восточной Сибири управление учебными заведениями приобрело региональные особенности. Необходимо отметить, что в сложившихся обстоятельствах директор Иркутской гимназии осуществлял руководство учебными заведениями не только Иркутской губернии, но и Якутской области и Енисейской губернии.

Реформы второй половины XIX в. привели к кардинальному изменению социокультурного облика Российской империи. Отмена крепостного права и последующие преобразования дали импульс глубинным модернизационным процессам. Изменения в социально-экономической сфере привели к созданию благоприятных условий для развития системы образования. Реформы образования восстановили утраченный ранее принцип всеобщности, преемственности и доступности образования. Получило развитие женское образование. Министром народного просвещения А.В. Головиным были восстановлены Ученый комитет и Главное правление училищ. В результате реформ были расширены права попечителей учебных округов, созданы условия для развития общественного управления образованием.

Реформы не затронули восточную окраину Российской империи. Инспектирующий учебные заведения Восточной Сибири помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Алексей Васильевич Латышев отмечал полную зависимость учебных заведений от местной администрации [10]. Отсутствие высшего учебного заведения лишало Восточную Сибирь возможности образовывать учебный округ. Однако возросшее количество учебных заведений послужило основанием для ходатайства генерал-губернатора М.С. Корсакова об учреждении должности главного инспектора училищ. Ходатайство было удовлетворено 18 декабря 1867 г. По сути, главный инспектор училищ заменял генерал-губернатора в вопросах организации и деятельности региональной системы образования. Управление учебными заведениями на местах осталось неизменным на протяжении фактически 20 лет.

В 1870-х гг. системы управления образованием дополнилась новыми элементами. Преобразования способствовало принятие в 1874 г. Положения о начальных училищах. В соответствии с положениями документа, в областях и губерниях предусматривалось создание дирекций народных училищ. Дирекции учреждались «соразмерно с пространством и населенностью оной и с числом имеющихся в ней училищ» [11]. Директор выступал представителем государственной власти во взаимодействии с обществом, отвечал за учебную часть и благонадежность учителей начальной школы. В уездах управление учебными заведениями было возложено на инспекторов народных училищ. В земских губерниях дирекция совместно с общественным управлением курировала вопросы начального образования. В не земских губерниях дирекция становилась единовластным органом управления народным просвещением.

В 1874 г. в Российской империи приступили к исполнению обязанностей 34 директора и 68 инспекторов народных училищ. В 1876 г. получили назначение еще 74 инспектора. Введение должностей директоров и инспекторов народных училищ усилило позиции министерства народного просвещения в вопросе централизации и унификации довольно пестрой и неоднородной российской системы образования.

В Восточной Сибири незначительное число учебных заведений отложило учреждение дирекции. К 1880 г. количество начальных училищ возросло в

три раза, что позволило вернуться к обсуждению вопроса об открытии дирекции. В 1880 г. по этому вопросу в очередной раз ходатайствовал генерал-лейтенант Д.Г. Анучин.

В 1884 г. в Иркутской губернии по решению Государственного совета учредили первую должность директора народных училищ. Директору вменялось в обязанности осуществлять контроль над учебной частью и педагогическим персоналом городских, уездных и начальных училищ, находящихся в ведении МНП. Под началом директора училищ Иркутской губернии находилось 64 начальных училища, три уездных училища, мужская и женская гимназия. В этом же году в Иркутской губернии была учреждена инспекция, объединившая приходские училища Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов. Отметим, что Иркутский и Балаганский уезды имели по 18 начальных училищ в каждом [12]. По меркам того времени они относились к уездам с высокой степенью распространенности начального образования.

Модернизационные преобразования конца XIX в. значительно изменили социально-экономическое положение сибиряков. Зарождающиеся процессы специализации населения по видам деятельности требовали наличие специального образования. Отношение населения к образованию постепенно менялось. Получение образования воспринималось как возможность повышения материального благосостояния и социального положения. Все это в совокупности оказало влияние на развитие системы образования. Количество учебных заведений неуклонно возрастало. В Иркутской губернии ежегодно открывалось несколько учебных заведений. Флагманом развития образования выступал Иркутск. Так, в 1884 г. в Иркутске было открыто три начальных училища, одно городское четырехклассное училище и техническое училище, построенное на пожертвования купца Н. Трапезникова. В 1886 г. Иркутск, по числу учащихся на душу населения обошел центральные города России [13].

Учреждение дирекций и инспекций способствовало развитию системы начального образования. Взаимодействие с местным населением, заинтересованным в открытии школ, привело к кратному увеличению начальных училищ в Иркутской губернии. В 1906 г. в Иркутской губернии было открыто 293 начальных училища с 12 775 учащимися [12].

С увеличением числа начальных школ нагрузка на инспекторов народных училищ неуклонно возрастала. Обязанность ежегодной ревизии всех учебных заведений вынуждала инспекторов находиться в разъездах фактически весь год. Увеличение числа училищ, огромная территория инспекторского района приводила к сокращению поездок, оставляя без внимания отдаленные населенные пункты. Годовые отчеты, переписка с местной администрацией, крестьянскими поселениями, учителями занимала львиную долю рабочего времени инспектора. К началу XX в. назрела острая необходимость увеличения штатов Иркутской дирекции народных училищ.

По решению Государственного совета в мае 1900 г. количество инспекторских районов в Иркутской губернии было увеличено [14]. Известно, что в 1902 г.

директором училищ Иркутской губернии являлся статский советник Михаил Алексеевич Заостровский. Делопроизводителем дирекции был назначен Михаил Александрович Никонов. Инспекторские должности занимали статский советник Петр Петрович Залесов, надворный советник Степан Антонович Григорьев, статский советник Петр Александрович Алексеев [15, с. 380].

Выделение новых инспекторских районов свидетельствовало о динамичном развитии начального образования. Открывающиеся перспективы перед выпускником начального училища способствовали повышению значимости образования. Школа больше не воспринималась населением как обуза. Сельские общества по собственной инициативе ходатайствовали перед дирекцией об открытии в селе начального училища. Многообразие существующих типов начальных школ давало возможность выбрать приемлемый вариант. Чаще всего общества ходатайствовали об открытии одноклассного приходского училища. Программа училища была направлена на получение элементарной грамотности. Выпускник получал навыки письма, начальных арифметических действий и чтения. Однако, для получения низшей чиновничьей должности были необходимы более глубокие знания, которые предоставляли двухклассные и городские начальные училища, более дорогие по своему содержанию. Осознавая ценность образования, сельские общества выделяли средства на открытие дополнительных классов.

В 1908 г. был принят закон о «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования». Правительство, по сути, запустило программу развития государственного начального образования. Средства выделялись на строительство и содержание помещений казенных начальных училищ. В училище обучались дети из сел, отстоящих друг от друга в трехверстном радиусе. В один класс набирали не более 50 учеников.

В Иркутской губернии расстояние между училищами превышало три версты, плотность населения была значительно ниже, чем в европейской России, но, несмотря на это, количество школ возрастало с геометрической прогрессией. Примечательно, что одним из факторов динамичного развития начальной школы в Иркутской дирекции являлось возрастание численности населения за счет прибывавших переселенцев из европейской России, имевших устойчивое представление о значимости образования. Нередко именно переселенцы выступали инициаторами открытия школы на селе. К концу первого десятилетия XX века количество открытых начальных училищ в инспекторских районах Иркутской дирекции в два раза превышало установленную в 50 училищ норму. Ежегодно в каждом инспекторском районе открывалось до двух десятков начальных школ.

Объем работы инспекторов Иркутской дирекции возрастал пропорционально количеству начальных училищ. Директор училищ ходатайствовал о выделении новых инспекторских районов и учреждении должностей инспекторов. Необходимо отметить, что при возрастании объемов работы инспектора, его содержание оставалось неизменным с 1874 г. В 1908 г. инспектор получал 700 руб.

в год на командировочные расходы для ревизий по району. В то же время податные инспекторы, участки которых совпадали по размерам с участками инспекторов училищ, получали на расходы 1000 руб., акцизный ревизор — 1400 руб. в год, помощники акцизных надзирателей — 1200 руб.

В отчетах о деятельности Иркутской дирекции народных училищ, инспектирующие чиновники МНП, неоднократно отмечали низкий уровень содержания ее сотрудников. Совместными усилиями главного инспектора народных училищ Восточной Сибири Г.П. Василенко и члена Совета министра народного просвещения А.М. Поздеева в 1909 г. был принят закон «Об усилении инспекции народных училищ в некоторых губерниях и областях Империи и об увеличении канцелярских и разъездных средств инспектора народных училищ киргизской Орды» [16]. Закон предусматривал не только создание новых инспекторских районов в Иркутской дирекции, но и увеличение содержания инспекторам народных училищ.

К 1913 г. в Иркутской дирекции народных училищ было открыто шесть инспекторских районов, расположившихся на площади более 800 000 кв. км. Инспектором первого района руководил В.Д. Беляев, второго — К.Д. Горошеня, третьим — В.В. Попов, четвертым — Л.А. Плющ, пятым — Н.П. Березовский, шестым — В.С. Бибииков.

По совокупности в 1913 г. в 584 школах Иркутской дирекции обучались 25 687 учащихся. Одна школа приходилась на 1284 чел., один учащийся на 29 чел. На содержание училищ выделялись 731 469 руб. в год. Из государственного казначейства поступало 367 110 руб. (51,4 %), от местных властей — 194 224 руб. (26,5 %), от городских и сельских обществ — 161 133 руб. (22 %), из иных источников (единовременные пожертвования, банковские вклады) — 9002 руб. (1,2 %) [17].

Иркутская дирекция являлась самой динамично развивающейся дирекцией в Восточной Сибири. Количество учебных заведений в инспекторских районах приближалось к сотне при норме в 50 училищ. Дирекция играла важную роль в развитии начального образования Иркутской губернии. Являясь ведомственным органом управления учебными заведениями, она осуществляла надзор за начальными школами, их содержанием, кадровым обеспечением. Дирекция объединила ранее разрозненные учебные заведения, укрепляя единообразие и системность начального образования, активно содействовала открытию новых школ, выступая посредником между сельскими обществами и государством.

Список использованной литературы

1. Гончаров М.А. Государственное управление учебными заведениями отраслевыми ведомствами и министерствами в России второй половины XIX — начала XX века (на основе архивных источников, юбилейных обзоров министерств, материалов статистики) / М.А. Гончаров // Преподаватель XXI век. — 2016. — № 2. — С. 92–110.

2. Молчалина А.А. Государственно-общественное управление образованием в Российской империи и в современной Российской Федерации / А.А. Молчалина // Молодой ученый. — 2020. — № 37 (327). — С 123–127.
3. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи / Д.Л. Сапрыкин. — Москва : ИИЕТ РАН, 2009. — 176 с.
4. Блинов А.В. Учреждение и развитие Томской дирекции народных училищ в конце XIX — начале XX века / А.В. Блинов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2010. — № 6. — С. 68–72.
5. Голикова О.А. Кадровый состав Дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа / О.А. Голикова // Вестник Томского государственного университета. История. — 2021. — № 74. — С. 50–54.
6. Мамкина И.Н. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант / И.Н. Мамкина, А.В. Блинов. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2020. — 281 с.
7. Шатохин И.Т. Директора и инспекторы народных училищ в российской провинции во второй половине XIX — начала XX века. / И.Т. Шатохин, С.Б. Шатохина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2022. — № 4 (297). — С. 163–169.
8. Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова), с предисловием, добавлениями и примечанием И.И. Серебrenникова. — Иркутск, 1911. — С. 121.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 733. — Оп. 203. — Д. 3046. — Л. 24
10. РГИА. — Ф. 733. — Оп. 193. — Д. 260. — Л. 31.
11. Положение о начальных училищах 1874 г. / сост. Н.А. Желваков; под ред. С.А. Каменева // Хрестоматия по истории педагогики. — М., 1936. — 516 с.
12. РГИА. — Ф. 733. — Оп. 203. — Д. 3191. — Л. 46.
13. Образование. Как учились иркутяне до 1917 г. // Гольдфарб «Иркутск...» : Иркипедиягу : Энциклопедия и новости Приангарья. — URL: http://irkipedia.ru/content/obrazovanie_kak_uchilis_irkutyane_do_1917_g_goldfarb_si_irkutsk (дата обращения: 28.10.2024).
14. Отчет министра народного просвещения за 1903 г. — Санкт-Петербург, 1905. — С. 512.
15. Памятная книжка управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1902 г. — Иркутск : Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1902. — 380 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 3. — Т. 29. — Отд-ние 1. — Ст. 32015.
17. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 63. — Оп. 1. — Д. 354. — Л. 54–61.

Информация об авторе

Мамкина Инна Николаевна — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: inna-mamkina@yandex.ru.

Author

Mamkina Inna Nikolaevna — D.Sc. in History, Professor, Head of Department of State and Law Theory, Transbaikal State University, Chita, e-mail: inna-mamkina@yandex.ru.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ИРКУТСКОЙ УЕЗДНОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ В 20-Е ГОДЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье раскрывается специфика делопроизводственной документации, содержащейся в фонде Иркутской уездно-городской милиции как исторического источника. Опираясь на архивные материалы фонда Иркутской уездной рабочей-крестьянской милиции, автор обращается к истории создания организации, ее дислокации, задачам и функциям. В статье подчеркивается значимость отчетного документа — доклада руководителя уездной милиции — как исторического источника, который позволяет охарактеризовать деятельность организации в Иркутском уезде в 20-е гг., содержит сведения по личному составу, по борьбе с самогонварением, проституцией, о взаимодействии с органами суда и следствия, культурном просвещении милиционеров, условиях их работы и т.д.

Ключевые слова: Иркутская уездная милиция; Иркутский уезд; преступность; самогонварение; проституция; доклад.

S.A. Shalamova

OFFICE RECORDS OF THE IRKUTSK COUNTY WORKERS' AND PEASANTS' MILITIA IN THE 20^S AS A HISTORICAL SOURCE

The article reveals the specifics of the office documentation of the Irkutsk county-city police as a historical source. Based on archival materials contained in the fund of the Irkutsk County Workers' and Peasants' militia in the State Archive of the Irkutsk region, the author turns to the history of the creation of the county militia, its deployment, tasks and functions. The author studies the report document — the report of the head of the district police, which allows to characterize the activities of the organization in the Irkutsk district in the 20^s, contains information on personnel, on combating moonshine, prostitution, on interaction with the bodies of the court and investigation, the cultural level of policemen, their working conditions, etc.

Keywords: Irkutsk county police; Irkutsk County; crime; moonshine; prostitution; report.

Формирование уездной милиции в Иркутской губернии в 20-е гг., происходило в непростой период советской истории, когда перед ней были поставлены сложные и непростые задачи по наведению порядка и безопасности по уездам, по борьбе с бандитизмом, преступностью и др., что требовало от руководства

организации слаженных продуманных действий, координации в работе с вышестоящими органами, местной властью и населением.

Изучению деятельности правоохранительных органов в Восточной Сибири, в том числе на материалах Иркутской губернии в 20-е гг. были посвящены работы Ю.Н. Бойко, О.В. Коноваловой, О.П. Грибунова, А.Т. Тумуровой, Е.Е. Степановой, И.В. Ефремова, В.В. Синиченко, С.А. Карновича, А.А. Кузнецова и др. [1–4]. Основное внимание авторы уделили изучению деятельности правоохранительных органов в Иркутской губернии в годы гражданской войны, НЭПа, вопросам борьбы с бандитизмом и преступностью, профессиональной подготовки милиционеров и т.д.

Однако следует отметить, что детального изучения архивных материалов, в частности делопроизводственной документации управления Иркутской уездной рабоче-крестьянской милиции в 20-е гг. как исторического источника на примере Иркутского уезда не проводилось. Поэтому задача автора настоящей публикации состоит в том, чтобы изучить делопроизводственную управленческую документацию, в частности доклады, которые поступали с отделов милиции Иркутского уезда в Иркутский административный отдел и сделать соответствующие выводы о деятельности уездной милиции в 20-е гг.

Важно отметить, что Иркутское уездное и Иркутское городское управления милицией были созданы на основании декрета СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции» от 3 апреля 1919 г. и положения «О рабоче-крестьянской милиции», утвержденного декретом ВЦИК от 10 июня 1920 г. На основании приказа начальника Иркутского губернского управления рабоче-крестьянской милиции № 146 от 30 декабря 1920 г. Иркутское уездное и Иркутское городское отделения милиции с 1 января 1921 г. были объединены в Иркутское управление городской уездной рабоче-крестьянской милиции. Данная организация находилась в ведении Иркутского губернского управления рабоче-крестьянской милиции.

В обязанности уездной милиции входили: предупреждение и пресечение нарушений порядка, строгое наблюдение за исполнением декретов по учету, распределению, соблюдению твердых цен на продукты, промышленные товары, наблюдение за исправным состоянием дорог, мостов, улиц, надзор за движением по ним, выдача удостоверений личности, трудовых книжек, производство розысков и дознаний по делам уголовным, выполнение судебных органов по задержанию, доставке в суд, или для допроса обвиняемых, задержание подозреваемых в преступлениях, приведение в исполнение судебных приговоров.

Дислокация Иркутской уездно-городской милиции включала в себя: г. Иркутск (6 районов), 1 район — волости: Усольская, Усть-Балейская, Тайтурская, Тельминская, Больше-Жилкинская, Больше-Еланская, Раздольнинская, Тайсуковская, Китайская; 2 район — волости: Оекская, Уриковская, Хомутовская, Кудская, Тугутуйская, Мурунская; 3 район — волости: Тункинская, Никольско-казачья; 4 район — волости: Разводинская, Листвениченская, Смоленская, Билик-

туйская; 5 район — пос. Иннокентьевский; 6 район — волости: Слюдянская, Култукская. Организация была ликвидирована 5 марта 1923 г. в связи с образованием отдельного Иркутского уездного управления милиции (Ф. Р-893) [5].

В архивных документах фонда Иркутской городской уездной милиции за 20-е гг. Государственного архива Иркутской области отложилась интересная и разнообразная делопроизводственная документация управления Иркутской уездной рабоче-крестьянской милиции: доклады, отчеты, статистические ведомости, докладные записки, планы работ, переписка руководства по борьбе с преступностью, самогоноварением, проституцией в Иркутской губернии, сведения по взаимодействию уездной милиции с ЗАГСами, органами суда и следствия, информация по личному составу и др.

В документах фонда Р-167 Иркутской уездно-городской милиции управления Иркутской губернской рабоче-крестьянской милиции, г. Иркутска (1920–1923 гг.) содержится 2355 единиц хранения за 1917, 1920–1928 гг., а также 5 описей дел. В документах фондах отложились доклады и отчеты о деятельности Иркутской уездной милиции за 1924–1926 гг.

В частности, интерес для исследователей представляют отчеты и доклады начальников милиции Иркутского уезда за 1924–1925 гг., которые направлялись в Иркутский административный отдел. По своей структуре доклады 1920-х гг., как правило, представляют собой машинописные тексты с использованием черных, синих, а порой и красных чернил. Нередко встречаются тексты документов, которые напечатаны на бумаге плохого качества, либо на черновиках. Также в документах встречаются надписи и уточнения, нередко подписанные простым карандашом, либо с использованием ярких чернил. Такая ситуация вполне объяснима условиями жизни людей 20-х гг., когда еще не зажили раны гражданской войны, советская власть находилась в стадии становления, само общество переживало трудности послевоенного времени, в условиях дороговизны и острого дефицита на многие товары, нехватки средств, население довольствовалось малым, стараясь экономить на всем. Большой проблемой является также вопрос сохранности архивных документов 20-х гг. и их дальнейшего научного использования, так как многие из них находятся в неудовлетворительном физическом состоянии: имеются ветхие, с угасающим и затухающим текстом, с недостающими фрагментами, или утерянными листами и т.д.

Порой в отчетной документации в самом тексте встречаются опечатки и орфографические ошибки, что тоже вполне объяснимо тем, что в начальный период создания уездной милиции, управляющим и милиционерам порой приходилось совмещать несколько должностей, в том числе и работу в качестве делопроизводителей и машинисток, а уровень грамотности на местах оставлял желать лучшего. В 1920-е гг. в уездах остро не хватало грамотных людей, опытных управленцев, существовала проблема нехватки милицейских кадров.

Рассмотрим структуру отчетного документа — доклада заместителя начальника Иркутской уездной рабоче-крестьянской милиции Кожухова о работе милиции Иркутского уезда в период с 1 октября 1924 г. по 1 июля 1925 г.

Документ состоит из 13-ти разделов под общим названием «Мероприятия и работа в части».

Первый раздел отчетного документа посвящен вопросам политического просвещения и воспитания милиционеров, второй мерам по поднятию культурного уровня сотрудников, третий вопросам профессиональной подготовки, четвертый мерам по повышению авторитета милицейской службы, пятый содержит характеристику личного состава, шестой общей характеристике дознаний, седьмой наиболее подробный о борьбе с самогонокурением, восьмой и десятый разделы посвящены взаимодействию милиции по с органами суда и следствия и другими органами власти. В девятом разделе документа сообщается о результатах борьбы уездной милиции с проституцией и притонами, 11 раздел посвящен условиям работы милиционеров в период с октября 1924 г. по июль 1925 г., 12 раздел связан с вопросом взаимоотношений сельских жителей и органов милиции на местах и наконец, 13-й раздел, завершает отчетный документ и содержит некие пожелания и рекомендации для улучшения работы уездной милиции [6].

В докладе начальника Иркутской уездной рабоче-крестьянской милиции в период с 1 октября 1924 по 1 июля 1925 г. отмечаются следующие мероприятия. Судя по первому разделу документа вопросами политического просвещения уездных милиционеров занимались на местах представители местных ячеек РКП(б), ВЛКСМ и политработники, которые периодически выступали с докладами перед сотрудниками наружной службы на районных совещаниях и при сельсоветах. Культурно-просветительная работа среди милиционеров проводилась на совещаниях через представителей также партийных волостных комитетов, которые читали им доклады и повышали их культурный уровень.

Однако отмечалось, что за неимением политруков, особой работы, «полит-часов» среди милиционеров не проводилось, за исключением вопросов, касающихся усвоения профессиональных милицейских обязанностей. Тогда на районных совещаниях Нарследователям и Нарсудьям средним партсоставом давались разъяснения по руководству уголовно-процессуальным кодексом, а также разъяснялась квалификация преступлений и применение статей Уголовного Кодекса [там же, л. 29]. В документе указаны меры, которые принимались строевыми сотрудниками милиции для поднятия авторитета милицейской службы, которые заключались в том, что милиционеры докладывали о своей работе на совещаниях и в президиумах сельсоветов, выступая перед сельчанами.

Также в докладе замначальника милиции Кожухова дается характеристика личного состава милиционеров. Согласно документу, личный состав милиции состоял из наружной и розыскной службы, сотрудников адмхозяйства, а также в основном из работников, имевших большой боевой опыт, которые в строевом отношении имели довольно значительную военную подготовку, как служившие в Красной армии и старой армии. По социальному составу милиционеры распределялись следующим образом: рабочих — 16, крестьян — 9 и прочих — 31; по партийном составу: членов партии РКП(б) — 10, кандидатов — 3 и членов

РЛКСМ — 2. Штат управления Ирумилиции по состоянию на 1 июля 1925 г. составлял всего 56 чел. Как отмечалось, по качеству штат подобран удовлетворительно и вполне соответствует своему назначению [6, л. 29 об.]. В документе сообщается, что продолжительность производства дознаний — средняя, но не более месяца, что связано с проблемами связи, но это постепенно решается силами среднего комсостава и их выездом на места.

Довольно значительный объем документа посвящен вопросам борьбы умилиции с самогонокурением (самогоноварением) и провозу контрабандного спирта. Отмечается, что ведется настойчивая борьба милиции с этим явлением. За время с 1 октября 1924 по 1 июля 1925 г. было выявлено 1102 случая обнаружения самогона, 1217 лиц привлечено, из них по социальному положению распределение было следующим: кулаков — 36, середняков — 454, бедняков — 727 (стиль и орфография документа сохранены). Выделяются основные причины этих преступлений: экономическая необеспеченность — 433; постоянный промысел — 131; случайные — 376; другие — 277 [там же, л. 29 об.].

Как отмечается в документе, контрабандным спиртом более всего был поражен Кабанский район, прилегающий к Бурреспублике, где имеется свободная продажа спиртных напитков. Кроме того, контрабандный спирт провозится из Ангарского и Эхирит-Булагатского аймаков, примыкающих к Иркутскому уезду с западной и северной стороны. Провозом спирта в большинстве случаев занимается нетрудовой элемент [там же, л. 30]. В отношении самогонокурения указывается, что в большинстве случаев оно производится в тайге, в глухих укромных местах, где особенно в летнее время очень трудно их отыскать.

Усиление самогонокурения, наблюдается обыкновенно в период религиозных праздников: Рождества, Масленицы, Пасхи. В документе указано, что «например, с 1 октября 1924 г. по 1 января 1925 г. обнаружено 308 случаев самогонокурения, а с 1 января по 1 апреля 1925 г. — 557, но после Пасхи самогонокурение идет уже на убыль и за 3-й квартал с 1 апреля по 1 июля было обнаружено только 237 случаев. Ввиду крайней настойчивости борьбы есть основание полагать, что самогонокурение может пойти на убыль» [там же, л. 30].

О том, каким образом, умилиция оказывала помощь другим органам власти в документе, сообщалось следующее: (стиль и орфография документа сохранены), что «содействие органам Н.К.Ю. (Наркомюстиции) выразилось в исполнении поручений прокурорского надзора, а также в исполнении разных поручений Народных Судов и Следователей (производство дознаний, вручение постановлений о прекращении дел, вручение обвинительных заключений, производство арестов и привод лиц, вручение повесток, приведение в исполнение приговоров, приказов и исполнительных листов, конфискация имущества осужденных и др.) [там же, л. 30 об.].

Деятельность милиции по оказанию содействия органам Н.К.Ф. (Наркомфинансов) выразилась в следующем: в исполнении приговоров и постановлений, налагаемых на неплательщиков, как по суду, так и в административном порядке за нарушение декрета о едином сельхозналоге, производстве обысков и выемок у

граждан, а также предварительном задержании последних, как меру пресечения способов уклонения от суда и следствия. Также помощь Н.К.Ф. со стороны милиции заключалась в охране касс и в сопровождении финработников с собранными суммами по сельхозналогу от РИКа до г. Иркутска [6, л. 30 об.].

Кроме того, как свидетельствует документ умилиция оказывала помощь управлению железной дороги по взысканию штрафов за безбилетный проезд по ж.д. Согласно статистике всего с 1 октября 1924 г. по 1 июля 1925 г. было исполнено 1910 приказов УИК (уездных исполкомов), взыскано 110 штрафов за безбилетный проезд по ж.д., исполнено 93 приговора Губсуда и Нарсудей, 32 поручения об аресте, собрано 21 исполнительных листа о взысканиях по гражданским делам [там же, л. 30 об.].

О взаимоотношениях органов милиции с органами суда и следствия в документе сообщалось, что «имеется полный контакт с прокурорским надзором и судебно-следственными властями. На районных совещаниях органами Н.К.Ю. даются разъяснения процессуальной стороны ведения дознаний, а также разъясняется квалификация преступлений и проступков» [там же, л. 31].

Также в отчетном документе содержится информация о борьбе милиции с проституцией и притонами в Иркутском уезде. В частности отмечалось, что «проституции по Иркутском уезду не наблюдается, хотя с 1 октября 1924 г. по 1 июля 1925 г. зарегистрирован только один случай и дело передано в Народный Суд. Что касается притонов, то по уезду выявлено только 4 притона в поселках городского типа, за которыми установлено наблюдение. Какие именно поселки в документе не сообщается» [там же].

В отчетном документе имеются сведения об условиях работы милиционеров в рассматриваемый период с октября 1924 г. по июль 1925 г. Как свидетельствует документ «до 1 октября 1924 г. у старших милиционеров были помощники за счет ВИКов, и милиция была конная, а после 1 октября помощников нет и милиция пешая. Для связи миллионеры пользуются обывательскими подводами, что несколько замедляет темп работы, но благодаря подбору хороших кадров милиционеров и их квалификации, работа все-таки протекает нормально и особых перебоев не наблюдается [там же].

Также в докладе руководителя сообщается об изменении отношения людей к работе милиционеров на местах, в связи с ее деятельностью в деревне. В частности говорится, что «по вопросу осуществления лозунга «Лицом к деревне», умилицией были проведены следующие мероприятия: понижены штрафы за нарушение обязательных постановлений, строго исследуется социальное и имущественное положение нарушителей указанных постановлений; сотрудники имеют большой контакт с населением, разъясняя все то, что касается издаваемых декретов, постановлений и т.д. Кроме того сотрудники наружной службы в сельсоветах делают доклады о своей деятельности и население начинает менять взгляд на наружную милицию. Прежде смотрели на милиционера, как на что-то отдаленное, чуждое, а теперь же, как на сотрудников, работающих на пользу населения [там же, л. 32].

Завершается доклад руководителя Ирумилиции Кожухова подведением итогов о деятельности организации в Иркутском уезде в отчетный период, и высказываются пожелания на будущее. В документе говорится об острой нехватке кадров милиционеров на местах, так как «наличие штата в 56 человек было крайне недостаточно, если учесть, какую обширную территорию занимал Иркутский уезд, составляющий 34 674 кв. версты с населением в 146 477 чел., с 380 населенными пунктами, которые были разбросаны по территории. Кроме того, как отмечалось, Иркутский уезд прилегал к городу Иркутску, в связи с чем, требовал особой бдительности за уголовным элементом, который особенно развился в этот период. Этими причинами объяснялись проблемы, возникающие в работе милиции на местах, когда в таких условиях милиционерам было крайне трудно справляться со всеми возложенными на них обязанностями, поэтому кадровая проблема требовала своевременного решения [6, л. 32].

Таким образом, изучение доклада как разновидности делопроизводственной документации позволяет подчеркнуть его значимость как исторического источника по истории правоохранительных органов в регионе, так как в отчетном документе содержится ценная информация о деятельности милиции в Иркутском уезде в 20-е гг.

Рассмотренный отчетный документ позволяет охарактеризовать штат милиции, условия ее работы, сообщает о взаимодействии с другими органами власти и местным населением, содержит интересные факты по борьбе уездной милиции с самогонокурением, проституцией и т.д. В сочетании с другими видами делопроизводственной документации актуальность использования докладов и других отчетных документов существенно возрастает, что позволяет исследователям глубже рассмотреть изучаемую проблему и лучше понять эпоху.

Список использованной литературы

1. Бойко Ю.Н. Советская милиция в Енисейской губернии в 1920–1925-х гг. / Ю.Н. Бойко, О.В. Коновалова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2021. — № 2 (20). — С. 87–96.
2. Грибунов О.П. Деятельность органов внутренних дел в Иркутской губернии 1921-1926 гг. / О.П. Грибунов, А.Т. Тумурова, Е.Е. Степанова // Юристъ-правоведь. — 2024. — № 1 (108). — С. 7–12.
3. Ефремов И.В. Мероприятия большевиков по профилактике и противодействию вооруженным крестьянским выступлениям в Сибири в 1920–1924 гг. (На материалах Иркутской и Енисейской губерний) / И.В. Ефимов // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. — 2011. — № 1. — С. 143–149.
4. Синиченко В. В. Система профессионального образования советской милиции в Восточной Сибири в 20-х гг. XX в. / В. В. Синиченко, С. А. Карнович, А. А. Кузнецов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2016. — № 3 (78). — С. 53–63.

5. Путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области : [в 2 ч.] / Е.А. Луговская, Н.В. Чичкова, Н.В. Шашкова. — Иркутск : Оттиск, 2023. — Ч. 2, кн. 1 : Советский период. — С. 298–299.

6. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-167. — Оп. 1. — Д. 94.

Информация об авторе

Шаламова Светлана Александровна — к.и.н., доцент, кафедра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: Swetlana15x@ya.ru.

Author

Shalamova Svetlana Alexandrovna — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Russian History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: Swetlana15x@ya.ru.

СЕКЦИЯ II. ОБРАЗЫ СИБИРИ XVII–XX ВЕКОВ В МЕНТАЛЬНОМ ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННОКАМИ И ПОТОМКАМИ

УДК 008(47+57)(091)

В.Н. Казарин

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ЖУРНАЛ «СИБИРСКИЕ ОГНИ» 1920-Х ГОДОВ О ДЕЯТЕЛЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрены вопросы значимости исторической памяти для формирования мировоззрения и ценностно-культурных приоритетов в обществе. Отмечено, что после глубоких социально-политических потрясений революции 1917 г. и Гражданской войны в условиях формирования новых подходов в исторической науке журнал «Сибирские огни» сыграл в этом процессе значительную роль. На его страницах нашли отражение вопросы роли культуры в различные периоды освоения Сибири. Показано, что авторы журнала освещали творческую биографию, основные взгляды и деятельность представителей отечественной культуры, внесших вклад в развитие образования, медицины, изучение прошлого огромного региона Азиатской России.

Ключевые слова: историческая память; журнал «Сибирские огни»; отечественная культура; персоналии.

V.N. Kazarin

REFLECTION OF HISTORICAL MEMORY: «SIBIRSKIYE OGNI» MAGAZINE OF THE 1920TH ABOUT FIGURES OF DOMESTIC CULTURE

Questions of the importance of historical memory for formation of outlook and value and cultural priorities in society are considered. It is noted that after deep socio-political shocks of revolution of 1917 and Civil war in the conditions of formation of new approaches in historical science the «Sibirskiye Ogni» magazine played a significant role in this process. On its pages culture role questions during various periods of development of Siberia found reflection. It is shown that authors of the magazine lit the creative biography, the main views and activity of the representatives of domestic culture who made a contribution to development of education, medicine, studying the last huge region of Asian Russia.

Keywords: historical memory; «Sibirskiye ogni» magazine; domestic culture; personnel.

Сохранение исторической памяти — одна из основных функций исторической науки. Особенно явственно она проявляется в периоды радикальных потрясений общества (революции, гражданские войны, смены политических режимов, экономических моделей общества и переосмысления ценностей). Периоды 1905–1907 гг., Первой мировой, революции 1917 г., Гражданской войны и иностранной интервенции «переформатировали» государственную модель, политическую систему, экономический уклад в России. Происходила идеологическая и ценностно-культурная трансформация общества. В этом процессе значительную роль была призвана сыграть историческая наука. В условиях формирования ее новых основ и приоритетов свой вклад внесла и научно-популярная и общественно-политическая журнальная периодика. В первых ее рядах в Сибири (и не только) выступал авторитетный журнал «Сибирские огни», на страницах которого находили отражение вопросы исторического прошлого России на различных этапах ее развития. Цель данной публикации состоит в рассмотрении журналом «Сибирские огни» культурного развития региона в персональном освещении. Иными словами, кому и почему из отечественных деятелей культуры редколлегия и авторы журнала отдавали приоритет. Каким образом эти материалы формировали историческую память читателей, среди которых прежде всего были люди, так или иначе влиявшие на мировоззрение масс в условиях весьма значимых культурных преобразований.

Источниковой основой послужили статьи, заметки, небольшие публикации, в том числе и некрологи, посвященные деятелям отечественной культуры, начиная с XVIII в. и до современных дней в общественно-литературном и научно-публицистическом журнале «Сибирские огни», наиболее авторитетном и массовом в 1920-е гг.

Журнал «Сибирские огни» стал выходить с марта 1922 г. в Новониколаевске (с 1925 г. — Новосибирске) и быстро стал центром притяжения писателей, журналистов, публицистов, профессиональных историков и экономистов. На его страницах публиковали свои воспоминания деятели общественного и политического движения в Сибири. В условиях становления исторической науки в России и ее обширном регионе в новых социальных реалиях журнал сыграл громадную неопределимую роль. По данным историков журналистики, только за период 1922–1930 гг. в журнале было опубликовано около 100 статей и мемуарных работ по различным вопросам истории Сибири. Наибольшее их количество было посвящено периоду 1917–1920 гг. (борьба за установление советской власти и события Гражданской войны). Вопросы политической ссылки и революции 1905–1907 гг. занимали по количеству публикаций второе место. При этом позиция журнала не являлась строго идеологически направленной только на освещение событий с классово-марксистской точки зрения в том конкретном понимании, особенно в первой половине 1920-х гг. Диапазон подходов в освещении прошлого был гораз-

до шире. Журнал прочно занял свое место в периодических изданиях, став явлением не только сибирского, но и всесоюзного значения. Широкий профиль журнала, выразившейся в разностороннем подходе к освещению различных проблем истории Сибири, снискал ему заслуженное признание [1, с. 126]. А в наши дни эти публикации стали предметом историографического анализа и осмысления.

От публикаций, посвященных персоналиям оппозиционных радикальных по отношению к прежней власти течений, существенно выделяются статьи известного в тот период деятеля сибирского народного образования Д. Чудинова. Статья с весьма красноречивым названием «Забытый предтеча» об Афанасии Прокопьевиче Щапове, которого автор относит к одному из лучших сибиряков, была опубликована в «Сибирских огнях» в 1924 г. Д. Чудинов, желая привлечь внимание читателя к личности и трудам А.П. Щапова, отметил, что последнего помнят «редкие одиночки-интеллигенты», а труды его «лежат на полках библиотек неразрезанными». А между тем, историк рассматривал вопросы колонизации Сибири, разработал областническую теорию, оказал влияние на сибирское областничество. По мнению Д. Чудинова, А. П. Щапов отрицал систему буржуазного хозяйствования, ратуя за кооперативную взаимность, а сознание общества рассматривая как «ключ к социальным преобразованиям».

Значительное место в статье занимал анализ областнической (областной) теории А.П. Щапова. Идея «областности» развивалась Щаповым начиная с его первой публичной лекции в Казанском университете. История России А.П. Щапова в изложении Д. Чудинова, это история народа, его приспособления к естественным условиям природы, его усилиями по завладению пространства от Карпат до «восточного океана». Приспособление народа к «разнообразным климатическим, почвенным и иным условиям» наложило неизгладимый отпечаток на физические, материальные условия существования народа. Отсюда и позиция А.П. Щапова, на которую обращает внимание Д. Чудинов: все историко-юридические теории без «строго реальной и экономической ничего не значат, не имеют под собой основы».

Д. Чудинов представляет А. Щапова «идейным отцом сибирского областничества». Однако областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, «подхватили идеи А.П. Щапова», но его теории «переработали», возглавив «движение колониальной буржуазии». Д. Чудинов явно противопоставляет А.П. Щапова как «открытого борца с сибирской буржуазией» и Н.М. Ядринцева «как защитника сибирских толстосумов и сторонников единения с ней». Со страницы статьи историк предстает «одиноким, физически разбитым, но не побежденным» [2, с. 170, 175, 182, 185, 189].

Вторую статью о А.П. Щапове Д. Чудинов приурочил к 50-летию со дня смерти своего героя. Автор вновь отмечает, что научные труды Щапова «представляют исключительный интерес», а его теории войдут в историю науки. В целом же статья носит познавательный для массового читателя характер. Автор последовательно излагает биографию Щапова, начиная с рождения (с. Анга Иркутской губернии), Иркутская бурса, Казанская духовная академия, пятимесяч-

ное преподавание в Казанском университете, выступления в защиту крестьян в с. Бездна, административная высылка в Иркутскую губернию, роль супруги Ольги Ивановны в судьбе самого Щапова [3, с. 127, 130, 132, 135]. По сравнению с предыдущей статьей автор не затрагивал разбор концепций исторического процесса и русской истории А. П. Щапова. Но, учитывая просветительский профиль журнала, статья информативная и с этой точки зрения, надо полагать, достигла своей цели.

Таким образом, на страницах авторитетного журнала автор выступил со статьями не о политических оппозиционерах, а о деятеле культуры, чьи исторические построения не очень приветствовались официальной исторической наукой XIX в. (в отличие, к примеру, от сочинений Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и др.). В ценностных приоритетах формирующейся советской исторической науки А.П. Щапов был идейно ближе, чем эти авторы. К тому же, А.П. Щапов — сибиряк со сложной личной судьбой, пострадавший от политического режима. А отправка его на родину, в Иркутскую губернию рассматривалась как своеобразная ссылка, от которой сам историк страдал. Но статью можно рассматривать и с другой точки зрения. Это начало серьезного разговора о концепциях русской истории.

Примечательна статья члена редколлегии, заведующего Сибистпарта В.Д. Вегмана, также опубликованная в журнале «Сибирские огни», дополняющая образ А.П. Щапова. Речь идет о так называемом деле «сибирских патриотов» или «сибирских сепаратистов». Эта сравнительно небольшая группа ставила задачу организовать общество «Независимость Сибири» от Урала до Тихого океана и распространяла рукописную прокламацию «К патриотам Сибири». Эти идеи и прокламация не получали какой-либо ощутимой поддержки в обществе. Тем не менее было проведено следствие по делу «о злонамеренных действиях» некоторых лиц, стремившихся к ниспровержению существующего порядка в Сибири. В рамках этого дела рассматривался оговор учителя Иркутского уездного училища Николая Щукина на Афанасия Щапова, для чего последний был препровожден в Омск. Состоялся единственный допрос, текст которого приводит на страницах журнала В. Вегман. Этот факт, а именно публикация ранее неопубликованного документа, имеющего значение для изучения политической и интеллектуальной истории региона, заслуживает признания автору (В. Вегману) и редакционной коллегии журнала в целом. На допросе А. Щапов свою причастность к прокламации отрицал; на очной ставке с Н. Щукиным последний от своих прежних показаний отказался и «на коленях просил прощения у Щапова». Щапов был освобожден и отправлен обратно в Иркутск [4, с. 138, 139, 144]. Статья существенно дополняет складывающийся образ А.П. Щапова как исследователя, не желающего принимать участие в различных «политических комбинациях», отделяет его от «областников–сепаратистов», что ему не раз приписывали и до, и после. К тому же, в сибирской историографии обращение к теме личности и наследия А.П. Щапова в первой половине 1920-х гг., т.е. в иных политических и идеологических условиях, приоритет будет за журналом «Сибирские огни».

Тема же исторического наследия А.П. Щапова получит дальнейшую серьезную научную проработку [5].

Журнал «Сибирские огни» сыграл значительную историко-просветительную роль в пропаганде знаний о деятелях культуры, к сожалению, полузабытых или мало известных читающей аудитории. Одним из таких был Григорий Иванович Спасский, исследователь населения Сибири, ее животного и растительного мира, климата в прошлом и настоящем. Автор статьи, Б. Смирнов, посвященной Г. Спасскому, ознакомился с архивом своего героя, выявил около 90 его произведений. В результате журнал обогатился весьма содержательной статьей, содержащей развернутые сведения об исследователе. Уроженец Рязанской губернии (1783), из семьи священника, обучался в Коломенской духовной семинарии (здесь напрашивается сходство с биографией А.П. Щапова). Затем служил в столице в Берг-коллегии, одновременно слушая лекции в Академии наук и в С.-Петербургском педагогическом институте (впоследствии университете). В 1803 г. губернатор Томской губернии пригласил Г. Спасского переехать на службу в Сибирь. В этом крае Спасский провел 12 лет, пребывая дворянским заседателем в Красноярском уездном суде, Кузнецким земским исправником, служил на Колывано-Воскресенских заводах, изучал горное дело Алтая. Результатом научных исследований стали работы «Сведения о русских и реке Амуре в XVII столетии», «Очерк из быта некоторых сибирских инородцев», «Владимир Атласов, покоритель Камчатки» и др. Кроме этого, им были опубликованы такие заметные работы, как «Взгляд на северную Сибирь», «Изображения обитателей Сибири», «О торговых отношениях России с Западом и Китаем», «О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими». Г.И. Спасский был известным исследователем первой половины XIX в., общался с выдающимися людьми того времени: М.М. Сперанским, Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным, Е.Ф. Канкриным, Н.В. Гоголем, М.П. Погодиным и др. [6, с. 110, 113, 115, 119].

На основании современных сведений можно дополнить, что Г. И. Спасский являлся автором первой в России технической энциклопедии «Горного словаря». Собирает сибирских древностей, был сведущ в древних и новых восточных языках. В июне 1810 г. был избран членом-корреспондентом Российской Академии Наук по разряду Восточной словесности. Издавал журнал «Сибирский вестник». Публиковал статьи востоковедного направления. Публиковал ценные материалы по истории установления русско-китайских отношений. В 1825 г. Спасский переименовал журнал «Сибирский вестник» в «Азиатский вестник». Ввел в научный оборот сведения об азиатских странах: Индии, Персии, Бирме, Тибете, Монголии. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В конце 40–50-е гг. XIX в. вновь обратился к вопросам изучения Сибири и сопредельных с нею стран Востока. Выступал с призывом изучать Китай, уважать китайскую культуру [7, с. 23, 26, 27].

Замечательной особенностью журнала стала публикация статей и заметок, приуроченных к юбилейным датам в жизни ученых-подвижников, исследовате-

лей истории Сибири. Так, к 80-летию известного краеведа, первого директора Читинского краевого музея, основателя Нерчинского музея, Читинской областной и Нерчинской библиотек Алексея Кирилловича Кузнецова опубликовал небольшую статью иркутский археолог и историк П.П. Хороших [8]. Автор познакомил читателя со сложной биографией человека, много внесшего в культурное развитие Забайкалья и северо-востока России. Сосланный за политические убеждения в Забайкальскую область, А.К. Кузнецов активно занимался изучением археологии, истории и экономики этого края. В 1905 г. он был арестован и по распоряжению командующего карательной экспедицией генерала П.К. Ренненкампа был приговорен к смертной казни, от которой его спасло ходатайство Академии Наук и центрального отдела Русского Географического общества. Смертная казнь была заменена десятилетней каторгой. После отбытия Акатуйской каторги его сослали на поселение в Якутскую область. Благодаря подвижничеству А.К. Кузнецова было положено основание организации Якутского отдела Русского Географического общества. Проживая в Забайкалье, А.К. Кузнецов изучал, помимо указанного, местные реки, пчеловодство, организовывал выставки в Чите, занимался просветительной деятельностью [9].

На страницах журнала находили отражение и статьи о современниках, чья деятельность была отмечена значительным вкладом в культурное развитие различных районов Сибири. Двадцатипятилетию общественной и врачебной деятельности Андрея Тимофеевича Трубочеева, первого врача-бурята, как охарактеризовал его автор, Солбонэ Туя, была посвящена специальная статья. Биография А.Т. Трубочеева отразила все изгибы конца XIX — начала XX вв. Уроженец улуса Шунта Боханского аймака Иркутской губернии, он окончил Томский университет. Врачевал в больницах Иркутска, затем в с. Тунка, а с 1910 по 1918 г. заведовал Черемховской участковой больницей и приемными покоями на коях. В 1918 г., в период Гражданской войны организовал первую врачебную амбулаторию в Боханском аймаке, а затем в с. Аларь. С момента образования Бурят-Монгольской автономной республики — ее народный комиссар здравоохранения. Один из зачинателей советской медицины в Бурят-Монголии. Во многом благодаря ему в республике была поставлена санитарно-профилактическая работа [10].

Журнал «Сибирские огни» публиковал и некрологи, небольшие статьи, посвященные памяти ушедших деятелей сибирской культуры. В июне 1926 г. В. Наумова-Широких опубликовала некролог «Петр Иванович Макушин». В нем был описан путь сына сельского священника от студента Пермской семинарии, затем — Петербургской духовной академии до основателя первой частной газеты в Томске, книгоиздательской деятельности, а в советское время — товарища (заместителя) Председателя Сибирского отделения Всероссийского общества «Долой неграмотность». Кроме этого, читатель журнала пополнил свои знания о Макушине как основателе первой на Алтае школы для девочек-туземок, основателе первого в Томске книжного магазина, первой в Сибири и в России «Народной бесплатной библиотеки», основателе в Томске «Дома Искусств», редакторе газеты «Томский листок» [11].

В первом номере журнала за 1927 г. В. Вегман опубликовал некролог о скоропостижно скончавшемся Николае Никитиче Бакае, авторе нескольких статей в «Сибирских огнях» [12–14]. Уроженец Полтавской губернии, Н.Н. Бакай в 1886 г. окончил историко-филологический факультет Харьковского университета, и уже в следующем году отправился в Сибирь, посвятив себя педагогической деятельности. Преподавал в Красноярской мужской гимназии, был директором Енисейской, Иркутской и Томской гимназий. Одновременно активно занимался исследованиями по истории Якутского края, пребывания в Сибири декабристов, М.А. Бакунина, Н.Г. Чернышевского, М.Б. Петрашевского, изучая архивные материалы в хранилищах Иркутска и Красноярска, а также данные Статистического комитета и фонды ВСОРГО. В период существования Института исследования Сибири был его членом и ученым секретарем; читал лекции в Томском университете по истории и историографии Сибири [15].

Журнал «Сибирские огни» стоял у истоков сибирской историографии в первые послереволюционные годы и играл важную роль в историческом просвещении в 1920-е гг. На его страницах публиковались многие публицисты, историки-исследователи, деятели революционного движения и Гражданской войны. Приоритетными были темы, посвященные революционным событиям, оппозиционным движениям прежнему политическому режиму (декабристы, петрашевцы, большевики). Наряду с этим нашли отражение и проблемы культурного развития Сибири. Отсюда и выбор персоналий для освещения их биографий и, отчасти, их идейно-политических взглядов и нравственных ценностей. Следует иметь в виду, что многие публикации обладали явной новизной в освещении тем и привлечением неопубликованных материалов.

Список использованной литературы

1. Шелестов Д.К. У истоков советской историографии Сибири / Д.К. Шелестов // *Вопр. истории.* — 1972. — № 6. — С. 126–132.
2. Чудинов Д. Забытый предтеча / Д. Чудинов // *Сибирские огни.* — 1924. — № 5. — С. 170–189.
3. Чудинов Д. Афанасий Прокопьевич Щапов (к 50-летию со дня его смерти) / Д. Чудинов // *Сибирские огни.* — 1926. — № 1–2. — С. 127–136.
4. Вегман В. Эпизод из жизни А. Щапова (По неопубликованным материалам) / В. Вегман // *Сибирские огни.* — 1926. — № 1–2. — С. 137–146.
5. Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории» / А.С. Маджаров. — Иркутск : Изд-во ОАО «Иркутская областная типография № 1 им. В. М. Посохина», 2005. — 528 с.
6. Смирнов Б. Григорий Иванович Спасский (материалы к биографии) / Б. Смирнов // *Сибирские огни.* — 1927. — № 1. — С. 110–122.
7. Скоблякова А. В. Русский востоковед Г.И. Спасский / А.В. Скоблякова // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность.*

менность. Доклады Второй междунар. науч.-практ. конф. 11–14 августа 1997 г. Кн. Вторая. — Москва ; Иркутск ; Тэгу, 1997. — С. 23–27.

8. Белоус И.П. Хороших Павел Павлович (1890–1977) / И.П. Белоус // ВСОР-ГО в лицах: биобиблиографический словарь. Итоговый выпуск (1851–2021 гг.) / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. — Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. — С. 301–303.

9. Хороших П. Алексей Кириллович Кузнецов / П. Хороших // Сибирские огни. — 1926. — № 1–2. — С. 236–237.

10. Солбонэ Т. Андрей Тимофеевич Трубачеев (К 25-летию врачебной и общественной деятельности) / Т. Солбонэ // Сибирские огни. — 1928. — № 2. — С. 261–262.

11. Наумова-Широких В. Петр Иванович Макушин (Некролог) / В. Наумова-Широких // Сибирские огни. — 1926. — № 4. — С. 156–157.

12. Бакай Н. О литературных занятиях декабристов в Сибири / Н. Бакай // Сибирские огни. — 1922. — № 3. — С. 60–64.

13. Бакай Н. К биографии М.А. Бакунина / Н. Бакай // Сибирские огни. 1924. — № 5. — С. 160–169.

14. Бакай Н. Легендарный Ойрат-Хан (Из истории туземных движений на Алтае) / Н. Бакай // Сибирские огни. — 1926. — № 4. — С. 117–124.

15. Вегман В. Николай Никитич Бакай (некролог) / В. Вегман // Сибирские огни. — 1927. — № 1. — С. 229–230.

Информация об авторе

Казарин Виктор Николаевич — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: kazarinvik@yandex.ru.

Author

Kazarin Victor Nikolayevich — D.Sc. in History, Professor, Head of Department of Russian History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: kazarinvik@yandex.ru.

ОБРАЗ СИБИРСКИХ РЕК В ТВОРЧЕСТВЕ СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА: ВЕЛИЧИЕ ИЛИ УГРОЗА НАВОДНЕНИЙ?

Данная статья посвящена анализу творчества сибирских писателей XX в.: Георгия Мокеевича Маркова, Геннадия Евлампиевича Юрова, Валентина Григорьевича Распутина, Виктора Петровича Астафьева с целью определения изображения рек Сибири в их трудах и взаимосвязи с наводнениями, происходившими на территории Сибири в XX в. Были рассмотрены следующие характеристики, определяющие художественный образ: характер рек, их связь с человеком, роль рек в жизни людей. Был сделан вывод, что реки в произведениях изучаемых авторов не являются источником наводнений и не представляют какую-либо иную угрозу, а предстают в виде символа, живого существа, отражают сложные отношения человека и природы, а также имеют свои эмоции и судьбы.

Ключевые слова: сибирские реки; образ реки; наводнения; Сибирь; человек и природа; экология; символизм; литература XX века.

L.N. Komleva

THE IMAGE OF SIBERIAN RIVERS IN THE WORKS OF SIBERIAN WRITERS OF THE 20TH CENTURY: GREATNESS OR THE THREAT OF FLOODS?

This article is devoted to the analysis of the works of Siberian writers of the 20th century: Georgy Mokeevich Markov, Gennady Yevlampievich Yurov, Valentin Grigorievich Rasputin, Viktor Petrovich Astafyev in order to determine the image of Siberian rivers in their works and the relationship with the floods that occurred in Siberia in the 20th century. The following characteristics that determine the artistic image were considered: character, connection with man, the role of rivers in people's lives. It was concluded that the rivers in the works of the authors under study are not the source of floods and do not pose any other threat, but appear as a symbol, a living creature, reflect the complex relationship between man and nature, and also have their own emotions and destinies.

Keywords: Siberian rivers; image of the river; floods; Siberia; man and nature; ecology; symbolism; literature of the 20th century.

Сибирь — огромный регион Российской Федерации, известный своими богатыми природными ресурсами, обширными территориями и суровым клима-

том. Сибирь славится своими водными ресурсами, в частности такими реками, как Обь, Енисей, Лена, Ангара, а также своим уникальным озером — Байкал, являющимся самым глубоким озером в мире, содержащим 20 % мировых запасов пресной воды. Водные ресурсы Сибири стратегически важны для экологии и экономики России и всего мира.

Сибирь также известна и своими наводнениями, которые становятся все более частыми и разрушительными в результате изменения климата, дефорестации и освоения земель, нарушения речных экосистем и т.д. В XX веке наводнения также не обошли регион стороной. Сибирские реки всегда обладали мощностью и разрушительной силой, а ряд масштабных наводнений прошлого века на территории региона оставил большой след в жизни жителей, создал уникальный культурный контекст, где уважение к природе сочетается с готовностью противостоять ее капризам. А какими видели эти сильные и непредсказуемые реки в XX в. сибирские писатели в своих произведениях? Действительно ли они воспринимались как угроза Сибири и ее жителям?

Писатели XX в. уделяли Сибири важную роль в своих произведениях, рассматривая реки региона как символы величия природы, силы и жизненной энергии. Реки часто становились основой для описания сурового, но прекрасного сибирского пейзажа, символизировали путь к освоению неизведанных территорий и играли роль связующего звена между людьми и природой. Они олицетворяли свободу, движение и неизбежность течения жизни. Многие писатели подчеркивали не только красоту рек, но и их экономическое и культурное значение, акцентируя внимание на их роли в жизни местных народов, рыболовстве, транспорте и формировании самобытной сибирской культуры.

Какой образ сибирских рек создавался авторами в своих произведениях? Этот вопрос важен, поскольку ответ на него позволяет понять, как природа региона влияла на культуру Сибири и ее восприятие людьми. Литература отражает не только фактическую ценность всех водных ресурсов рассматриваемого региона, но и эмоциональное и эстетическое восприятие, помогает формировать уважительное отношение к экологии. Художественные образы создают уникальный культурный облик Сибири, влияя на ее восприятие, как в России, так и за ее пределами, а также подчеркивают важность сохранения природного наследия.

В первую очередь следует обратить внимание на одноименный роман «Сибирь» Георгия Мокеевича Маркова, впервые опубликованный в 1969 г. Действия романа происходят зимой 1916–1917 гг. В своем произведении Г.М. Марков описывает сибирскую жизнь, судьбы сибиряков, местную культуру и, конечно же, природу Сибири. Так, один из героев произведения — Венедикт Петрович, при проведении экспедиций на реке Кеть и Енисей, восхищался природой тех мест. Понять, насколько мощна природа Сибири, со всеми ее богатствами, можно по фразе Венедикта Петровича, произнесенной стоя на берегу одной из этих рек: «Кто б ни сотворил ее, матушку-землю, а сотворил премудро. Ах, сколько здесь загадок хоронится!» [1]. Автор через героя Венедикта Петровича передает восхищение бескрайними просторами, богатствами и загадками сибирской природы.

Также в романе освящена идея того, что водные ресурсы воспринимаются как нечто, принадлежащее не людям, а высшей силе, природе или Богу. Так, одна из героинь романа — Мамика произносит фразу: «Каждый малец знает: между крестьянами делится только земля. Река и озера — боговы» [1]. В отличие от земли, которую можно разделить, приватизировать и использовать для хозяйственных нужд, реки и озера являются общим достоянием, неподвластным человеку. Эта же идея выражена автором во фразе: «...река для всех, богатства ее для всех, и никто не волен заявить свое особое право...» [там же]. Это выражает уважение к рекам, озерам, которые являются чем-то священным и неприкосновенным, что нельзя «разделить» или «присвоить».

Георгий Мокеевич Марков в своем романе описывает силу, мощь и нрав реки Обь вблизи села Нарым: «кромки поймы, по которой в паводок распахивает свою силушку могучая река. На пять, на десять, а то и больше верст отодвигаются тогда ее берега. Только высокие яры и холмы, заросшие на сотни и тысячи верст лесом, смиряют буйный нрав разлившейся реки» [там же]. Также автором указано, что жители этих районов знают буйный нрав реки Обь, поэтому вынуждены строить не только дома, но и целые деревни вдали от зоны затопления.

Таким образом, в творчестве Г. М. Маркова река становится олицетворением гармонии, воплощает идею естественной силы и вечной красоты, которую никто не может себе присвоить и которую человек должен уважать и исследовать, как это делали герои произведения. Этот образ подчеркивает неразрывную связь человека с природой и ее величественность.

Одним из авторов, описывающих образ сибирской реки на протяжении всего своего творчества, является Геннадий Евлампиевич Юров. В его произведениях описана любовь к родному краю, сибирской природе и реке Томь [2, с. 200]. Так, в стихотворении «Мы все перед рекою виноваты» автор передает скорбь и чувство утраты, вызванное разрушением русла реки, вывозом островов на стройки, что приводит к негативным экологическим последствиям: «Моей реки тринадцать километров — / Моих потерь злосчастное число — / Как быстро вас / Индустриальным ветром / В минувшее столетье унесло» [3]. Г.Е. Юров изображает Томь как живое существо, обладающую мощью и красотой, которая теперь сократилась до «тринадцати километров», как в физическом плане, так и в плане жизненной силы. Писатель также испытывает чувство вины за происходящее, он чувствует, что река страдает из-за безразличия и алчности людей. Автор завершает стихотворение тем, что Томь обречена на гибель, он прощается с ней, прося прощения за ту боль, которую люди ей нанесли.

В стихотворении «Половодье» автор описывает эмоциональное пробуждение природы и общества. «На реке ломается лед» [4] — так автор символизирует освобождение от застоя и замкнутости. Он показывает, что с приходом весны сибирская река Томь уносит из жизни жителей все ненужное и приглашает людей освободиться от старых конфликтов и обид. Схоже с вышеуказанным стихотворением Г.Ю. Юрова «Семидесятый ледоход» [5]. В этом стихотворении ледоход также является символом пробуждения и жизни. Г.Е. Юров показывает

сибирскую реку как символ свободы и жизненного потока, который, несмотря на преграды, вырывается на наружу.

Таким образом, в творчестве Г.Ю. Юрова сибирская река показана как живое существо, способное погибнуть от рук человека. Также он показывает реку как символ жизни в природе, так и в человеческой жизни, она имеет характер и, несмотря на препятствия, стремится к жизни.

Еще одним из авторов, описывающих в своих произведениях сибирские реки, является Валентин Григорьевич Распутин. Ангара или реже просто река — занимает одну из ключевых ролей в творчестве В.Г. Распутина. Повесть «Вниз и вверх по течению» В.Г. Распутина заслуживает особого внимания, это обусловлено тем, что в данной повести очень хорошо показан образ сибирской реки. В своем произведении Валентин Распутин показывает реку как «живую» и «мертвую» [6, с. 159]. К характеристике «живой» реки следует отнести ее мощь, уязвимость и беззащитность. Мощь реки автор показывает через воспоминания о ледоходе главного героя Виктора: «...с каким восторгом и страхом, не помня себя, смотрел на дикую, безудержную силу, сталкивающую лед вниз, вздыбливая и кроша неповоротливые, отливающие глубокой синевой глыбы; какой многоголосый и протяжный, со стоном и отчаяньем стоял вокруг гул» [7]. Автор использует образы силы и хаоса природы и передает через них как восторг, так и страх перед стихией. Ледоход представлен как дикое, неконтролируемое явление, которое разбивает лед на куски, символизируя образ величия и непредсказуемости сибирской реки. «Многоголосый и протяжный» гул реки является тем, что пронизывает человека и вызывает тревогу, так автор подчеркивает силу и масштаб природного явления. Человек бессилен перед сибирской рекой. В.Г. Распутин показывает это через «безудержную силу» и «дикие, неповоротливые глыбы» реки. Так раскрывается образ мощной реки не только в физическом плане, но и в ее мощном эмоциональном воздействии на человека.

Уязвимость и беззащитность реки автор передает через воспоминания главного героя Виктора: «река могла исчезнуть, уплыть, кончиться, обнажив на память о себе голое каменистое русло, по которому будут бегать собаки. По утрам, боясь признаться в этом даже самому себе, он осторожно шел проверить, не случилось ли что-нибудь с рекой, и не понимал, почему это больше никого не тревожит, почему все спокойны, что река и завтра будет течь так же, как текла вчера и позавчера» [там же]. Река предстает как нечто хрупкое и подверженное исчезновению. Страх главного героя, что река может исчезнуть, обнажить свое «голое каменистое русло», усиливает восприятие реки как живого существа, существование которого непостоянно и зависит от множества внешних факторов. Страх исчезновения реки заставляет Виктора ежедневно проверять ее, чтобы убедиться, что с ней ничего не произошло. Окружающие спокойно воспринимают присутствие реки как нечто само собой разумеющееся. Автор повести придает реке образ нечто более глубокого и ценного, что делает его восприятие реки более личным и эмоционально насыщенным.

Образ «мертвой» реки В.Г. Распутин показывает в результате деятельности людей во время строительства Братской гидроэлектростанции: «Поднялась вода, выше любого, самого страшного наводнения, какое видывали на своем долгом веку острова, и захлестнула, подмяла их, изо всех сил старавшихся сжаться и закаменеть, чтобы выстоять до солнца, но вода все прибывала и прибывала, скрыла под собой деревья и ушла выше. Теперь она давно уже вымыла и разнесла по сторонам всю землю, на которой росли хлеба и травы, и сровняла острова с дном. Нет больше островов, и названия их, сиротливые и пустые, потеряв свою суть, звучат все реже и отходят все дальше, откуда уже не дано вернуться» [7]. Река, которая ассоциировалась с жизнью, движением и светом, теряет эти качества в результате деятельности человека. Река, вынужденная разлиться, становится источником разрушения, теперь вода захлестывает и подминает под себя острова, поглощая деревья и земли, дававшие когда-то урожай хлеба и трав. Автор повести показывает острова, пытающиеся «сжаться и закаменеть», как сопротивление природы насилию, но острова не могут выстоять перед мощью нарастающего потопа. Вода, вместо того чтобы давать жизнь — смывает и уничтожает, что символизирует гибель природного начала. Исчезновение деревьев, вымывание земли, исчезновение островов показывают катастрофические последствия человеческого вмешательства, которое приводит к гибели природы.

Таким образом, В.Г. Распутин показывает образ сибирской реки в двух противоположных образах, как «живой» реки, что отражает мощь природы, ее дикость и непредсказуемость, так и «мертвой», уязвимой и беззащитной, способной исчезнуть. Автор подчеркивает пагубное влияние в результате вмешательства человека, что уничтожает не только физическую, но и духовную сущность реки.

Река занимает особое место и в творчестве Виктора Петровича Астафьева [8, с. 14]. Какой же представляется образ сибирской реки по его мнению? Отвечая на этот вопрос, следует обратиться к его книге лирических миниатюр «Затеси», где он описывает множество сибирских рек. Так, говоря о красоте рек, В.П. Астафьев упоминал реку Енисей и его притоки: «Но дивней и прекрасней Енисея притоки его, прежде всего малые. На многих речках и речушках, что рвутся изо всех сил к родителю своему, довелось мне побывать, и всюду немел я от восторга, хватал спутников за рукава, просил смотреть, восхищаться» [9]. В.П. Астафьев представляет образ Енисея как величественной и размышляющей реки, берега которой словно открывают путь в пугающую, но манящую даль. Он восхищается малыми притоками Енисея, реками Сисим и Мана, которые отличаются особой красотой и жизненной силой. Эти реки вызывают у писателя не только эстетический восторг, но и личные, духовные чувства, связанные с воспоминаниями о его бабушке, чья жизнь связана с Сисимом. Путешествуя по рекам Сибири, в частности по Енисею и его притокам, автор подчеркивает их уникальность и способность вызывать глубокие чувства, связывает природу с человеческими эмоциями и памятью.

Автор еще ни раз будет говорить об Енисее в своем произведении. Так он описывает свое путешествие на Енисее: «Пароход миновал Осинковский порог, и

сразу Енисей сделался шире, раздольней, а высота берегов пошла на убыль. Чем шире становился Енисей, тем положе делались берега, утихало течение, река усмирялась, катила воды без шума и суеты» [9]. В данном случае В.П. Астафьев показывает изменение характера Енисея после прохождения Осиновского порога, когда стал шире и спокойнее. Это изменение подчеркивается контрастом между бурным течением и его успокоением после преодоления порога. Образ реки показан переходом от дикой силы природы к спокойной, размеренной мощи. Енисей кажется величественным и спокойным. В этом отрывке показано взаимодействие природы и времени. Река, пройдя трудности и препятствия, становится просторной, спокойной, как и жизнь, после преодоления трудностей обретает мудрость и уравновешенность.

Характер сибирских рек писатель показывает через приток Енисея — реку Сым: «...река вся в белых песках, сахарными дюнами, наплывшими на каждый мысок, загогулину, поворот, остров. Бело сверкает пространство над водой, текущей плавно и быстро, но вдруг взрывающейся на перекатах, воронками заваливающейся в омутах и сердито, даже вздыблено налетающей на частые подмоины с упавшим в воду лесом. Вспенно, взлохмаченно, сердито кружась, вылетает из теснин и завалов смятая река, чтобы через несколько сажен успокоиться и побежать, побежать к далекому батюшке-Енисею, припасть к нему, зарыться в его мягкую, упругую воду истосковавшимся лицом, притихнуть на его бугристой груди, успокоиться в нем» [9]. На этом примере автор показывает реку живым существом, которая, как и человек испытывает различные эмоции. Река показана как со спокойным характером, так и с сильным, когда она «взрывается». На пути к цели, которая для нее заключается в гармонии с Енисеем, река преодолевает препятствия. Енисей в данном случае выступает в роли источника защиты и мира, к которому стремится Сым. Река Сым впадая в Енисей обретает гармонию и покой после преодоления всех трудностей на ее пути. Здесь можно увидеть то, что любые сильные и бурные реки становятся спокойными, когда через преодоление трудностей каждая обретает свой покой.

Также В.П. Астафьев показывает реки Малый Абакан и Большой Абакан, которые тоже преодолевают препятствия: «...ледоходы в горных реках бурные — натолкает в завалы камней, курумнику, песку, упрется вода в эту преграду, побьется, побьется и с ревом обогнет ее, сделав еще одну загогулину на своем и без того извилистом, запутанном пути» [там же]. Весенний ледоходы на описываемых реках показаны автором бурными. Горные реки как само собой разумеющееся обладают сильным нравом и находятся в вечной борьбе на пути преодоления препятствий. И в этом случае мощные потоки рек, сталкиваясь с преградами, преодолевают их, находят новые пути для себя, которых раньше для них не существовало.

Таким образом, В.П. Астафьев описывает сибирские реки в образе сильных, настойчивых и живых. Живые реки в его творчестве, как и люди, испытывающие различные эмоциональные состояния, сталкиваются с препятствиями и

преодолевают их. Они могут быть бурными, спокойными, а также сочетать в себе вышеперечисленное.

Подводя итог, следует сказать, что Г.М. Марков, Г.Ю. Юров, В.Г. Распутин и В.П. Астафьев формировали свой образ сибирских рек в произведениях. Они отражали не только красоту и мощь рек, но и придавали им глубокое значение в виде особой связи между ними и человеком. Реки также были показаны уязвимыми перед человеком природными объектами. Следует заметить, что авторы не связывали сибирские реки с наводнениями, которые в период их творчества происходили довольно часто и носили разрушительный характер.

Каждый сибирский писатель видел реки по-своему. Так, у Г.М. Маркова река является олицетворением красоты, силы и гармонии, не принадлежащей человеку. Г.Ю. Юров показывает реку как жизнь, которая находится под угрозой исчезновения ввиду деятельности человека. В.Г. Распутин показывает образ реки с двух сторон, когда она проявляется «живой» и «мертвой», как и у Г. Ю. Юрова, когда река уязвима перед человеком и его деятельностью. Живой и стремящейся к покою показывает реку и В. П. Астафьев. Сибирские реки в произведениях изучаемых авторов являются важными для человека и всей природы объектами. Авторы через них показывают взаимодействие человека и природы, а также гармонию между ними. Они не показывают реки как то, что приносит с собой опасность и разрушения для человека в виде наводнений. В связи с этим возникает вопрос о том, действительно ли сибирские реки — это всегда угроза наводнений?

Список использованной литературы

1. Марков Г. М. Сибирь / Г. М. Марков. — Текст электронный // Изд-во Вече. — 2008. — 512 с. — URL: <https://goo.su/OO7q29Z> (дата обращения: 26.09.2024).
2. Налегач Н.В. Образ сибирской реки в поэзии Г. Юрова / Н.В. Налегач // Литература Сибири в социокультурном пространстве : Материалы Всерос. (с международным участием) науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Василия Прокопьевича Трушкина, Иркутск, 23–24 сент. 2021 г. / Отв. редактор Ю.М. Брюханова. — Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2022. — С. 200–207.
3. Юров Г.Е. Мы все перед рекою виноваты / Г.Е. Юров. — Текст электронный. — URL: <https://goo.su/fCjtzW3> (дата обращения: 26.09.2024).
4. Юров Г.Е. Половодье / Г.Е. Юров. — Текст электронный. — URL: <https://goo.su/uecO> (дата обращения: 26.09.2024).
5. Юров Г.Е. Семидесятый ледоход / Г.Е. Юров. — Текст электронный. — URL: <https://goo.su/l5U9PrJ> (дата обращения: 26.09.2024).
6. Галимова Е.Ш. Архетипический образ реки в прозе Валентина Распутина / Е.Ш. Галимова // Дискуссия. — 2012. — № 5. — С. 156–161.
7. Распутин В.Г. Вниз и вверх по течению / В.Г. Распутин. — Текст электронный // Изд-во Советская Россия. — 1972. — 304 с. — URL: <https://goo.su/qRQo> (дата обращения: 02.10.2024).

8. Гладких Ю.Г. Река в картине мира В.П. Астафьева / Ю.Г. Гладких // Слово. Текст. Контекст. — 2023. — № 3 (15). — С. 7–15.

9. Астафьев В.П. Затеси / В.П. Астафьев. — Текст электронный. — URL: <https://clck.ru/3DjQ4Z> (дата обращения: 04.10.2024).

Информация об авторе

Комлева Лидия Николаевна — аспирант, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: komleva-lidiya@mail.ru.

Author

Komleva Lidiya Nikolaevna — Post-graduate student, Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: komleva-lidiya@mail.ru.

**ВОСТОЧНАЯ И МОНГОЛЬСКАЯ ТЕМАТИКА
В ТВОРЧЕСТВЕ И ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ Г.Ф. КУНГУРОВА: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Статья посвящена сибирскому писателю Г.Ф. Кунгурову (1903–1981), известному ученому, журналисту, краеведу, историку. Он является автором известных исторических повестей «Топка» (1935 г.), «Артамашка Лузин» (1937 г.), «Албазинская крепость», «Путешествие в Китай». Г.Ф. Кунгуров является автором исторического исследования «Аратская революция», написанного совместно с ветераном монгольской революции 1921 г. И.А. Сороковиковым, которая прочно вошла в советское монголоведение. Восточная и монгольская темы являются основным направлением творчества известного сибирского писателя Г.Ф. Кунгурова и заслуживает специального исследования.

Ключевые слова: Г.Ф. Кунгуров; Иркутск; писатель; профессор; исследователь Монголии; «Аратская революция»; журналист.

Yu.V. Kuzmin

**ORIENTAL AND MONGOLIAN THEMES
IN THE WORK AND RESEARCH OF THE WRITER G.F. KUNGUROV:
TO THE 120TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH**

The article is devoted to the Siberian writer G.F. Kungurov (1903–1981), a well-known scientist, journalist, local historian. He is the author of the well-known historical novels «The Furnace» (1935), «Artamoshka Luzin» (1937), «Albazin Fortress», «Journey to China». G.F. Kungurov is the co-author of the historical study «Arat Revolution», together with the veteran of the Mongolian Revolution of 1921 I.A. Sorokovikov, which has firmly entered in Soviet Mongol studies. Eastern and Mongolian themes are the main direction of the work of the famous Siberian writer G.F. Kungurov and deserves special research.

Keywords: G.F. Kungurov; Irkutsk; writer; professor; researcher of Mongolia; «Arat revolution»; journalist.

Эпоха Петра I привлекала и продолжает находиться в центре внимания российских историков, писателей и журналистов. Пристальный интерес российского общества к истории России, юбилейные даты Российской империи и Петра I усиливают научный и общественный интерес к крупным историческим

личностям российской истории и переломным этапам ее развития. В 2022 году было проведено несколько крупных международных конференций, посвященных петровской эпохе и Петру I. Активная внешняя политика российского императора Петра I не только на европейском направлении, но и на Востоке. Так, было направлено несколько дипломатических миссий в Китай, на Средний Восток, создана Академия наук и система образования, а в Иркутске в 1725 г. была создана монголо-русская школа, которая стала готовить переводчиков монгольского, китайского языков.

Историческая тема петровской эпохи была предметом исследований историков и писателей, которые создавали исторические повести о сложном и переломном времени в истории России. К их числу относятся и исторические повести и исследования сибирского писателя и профессора Иркутского университета Г.Ф. Кунгурова.

Гавриил Филиппович Кунгуров (1903–1981 гг.) родился в Забайкалье на железнодорожной станции Сретенск Забайкальской области 25 марта (7 апреля) 1903 г. С 17-ти лет он участвовал добровольцем в гражданской войне, затем получил педагогическое образование в Сретенской учительской семинарии и преподавал в школе, был директором школы. Работал также в разных сферах: был радистом, музыкантом, художником, учителем, что значительно обогатило его творческую биографию и жизненный опыт, так необходимый журналисту и писателю [1; 2].

В 1928 г. Г.Ф. Кунгуров переехал в Иркутск и успешно окончил Иркутский государственный университет. Литературную и журналистскую деятельность Г.Ф. Кунгуров начал в Иркутске в 1930-х годах в качестве журналиста, публициста и литературного критика. Значительное внимание в эти годы Г.Ф. Кунгуров уделил изучению истории литературного процесса в Восточной Сибири, а основное внимание он обратил изучению литературного наследия сибирских писателей, издал несколько книг на данную тему. Профессор преподавал около 40 лет учебный курс «История русской литературы», «История советской литературы» в Иркутском педагогическом институте, был крупным специалистом по истории литературы России и Сибири [2]. В 1959–1962 гг. Г.Ф. Кунгуров занимал должность ответственного секретаря Иркутского отделения Союза писателей РСФСР. Был членом областного комитета защиты мира, председателем иркутского отделения общества советско-китайской дружбы. Здесь серьезную роль сыграли его книги, посвященные истории Сибири, русско-китайским связям и отношениям.

В своей творческой автобиографии, опубликованной в библиографическом указателе, подготовленном Иркутским отделением Союза писателей РСФСР и областной библиотекой им. И.И. Молчанова-Сибирского в 1963 г., в связи с 60-летним юбилеем Г.Ф. Кунгуров написал о своем отношении к Сибири и родным краям: «Я — сибиряк. Родную Сибирь люблю, вижу в ней безгранично много интересного, непознанного... Детство мое прошло в сурово-живописном уголке Забайкалья, на станции Сретенск, Читинской области, эта маленькая же-

лезнодорожная станция стоит на левом берегу судоходной реки Шилки, среди забайкальских сопок, покрытых нетронутым лесом. На правом берегу, против станции, — шумливый, бойкий городок Сретенск, в окрестностях — казачьи села. Родители мои — люди малограмотные, но они рано привили мне вкус к книге и чтению. Окончил я начальную железнодорожную школу, высшее начальное училище, учительскую семинарию, ряд профессиональных курсов, государственный университет. Защитил кандидатскую диссертацию... По профессии я педагог с многолетним стажем, но жить пришлось разным трудом, пробовать силу во многом. Работал телеграфистом, музыкантом, художником, конечно, больше всего учителем» [3, с. 7].

В 1940–1950-е годы в СССР наблюдался значительный научный интерес к Китаю и русско-китайским отношениям, а также истории Восточной Сибири и истории Иркутска. Борьба за национальную независимость Китая, начальный этап становления КНР и помощь Советского Союза соседней социалистической стране вызвали глубокий интерес к истории русско-китайских отношений. Одновременно в Иркутске выходят исторические труды по истории города Иркутска и истории сибирских городов, что не прошло мимо писателя, журналиста и преподавателя Г.Ф. Кунгурова.

Популярно и доступно написан Г.Ф. Кунгуровым очерк по истории Иркутска «Город на Ангаре», не утратило актуальности его исследование «Сады Восточной Сибири». Город Иркутск стал для него родным и близким местом жизни и творчества, поэтому ему хотелось изучить исторические документы и литературные произведения, посвященные старинному сибирскому городу, определить его место в истории и культуре Сибири и России.

Писатель и журналист Г.Ф. Кунгуров основательно изучает исторические документы истории русско-китайских отношений, истории Сибири и освоения русскими казаками этого обширного региона. Особенно его интересуют сложные вопросы взаимоотношений русских казаков и местной администрации с местными народами: бурятами, эвенками, а также российские дипломатические миссии в Китай, сложности и трудности переговоров с китайцами из-за разницы дипломатических традиций России и Китая.

Писатель Г.Ф. Кунгуров длительное время работал по данной теме и оставил читателям известные ныне произведения, которые не утратили своей художественной и научной ценности и в настоящее время: «Артамошка Лузин» (1937 г.), «Албазинская крепость», «Путешествие в Китай» [4; 5].

Первое художественное произведение для детей — повесть «Топка» Г.Ф. Кунгурова была издана в 1935 г. и встречена с большой симпатией читателями того времени [6]. Повесть об эвенкийском мальчике выдержала несколько изданий у нас в стране и за рубежом. Изданная массовым тиражом эта повесть получила широкую известность в Сибири и СССР, неоднократно переиздавалось в нашей стране. В этом произведении были использованы личные наблюдения и впечатления от поездок в удаленные эвенкийские селения и этнографические наблюдения писателя.

Г.Ф. Кунгуров много путешествовал по Сибири, изучал быт, культуру и фольклор коренных народов (бурят, эвенков, тофаларов), в том числе малочисленных и малоизвестных. Были опубликованы сказки и фольклор сибирских коренных народов. После завершения учебы в Иркутском университете был направлен на Север, где создавал первые школы и первые алфавиты для бесписьменных северных народов, собирал этнографический и фольклорный материал, близко общался с местными народами. Именно на основе этого материала затем появилась повесть «Топка», а также сказки народов Севера: «Эвенкийские сказки», «Якутские сказки», «Сказки народов Севера». В дальнейшем это помогло ему основательно изучить быт и культуру монгольского народа.

В 1937 г. вышла его повесть для детей «Артамошка Лузин», привлекающая читателей ярким сюжетом и оригинальными картинками бытовых страниц ранней истории Иркутска и Сибири XVII в., показом жизни простых иркутян и представителей администрации и купечества.

Большой популярностью у читателей пользовалась и увидевшая свет в 1940 г. повесть «Путешествие в Китай», известная в последних изданиях под названием «Албазинская крепость», выдержавшая несколько изданий в Иркутске и Москве [4, 5]. Это многоплановое произведение, действие которого происходит то в Иркутске, Москве, в Нерчинске, на улицах Пекина, то в сибирской глубинке, эвенкийских чумах. Центральное место в повести занимает повествование о русско-китайских отношениях, походах и приключениях русских казаков на Амур, который являлся пограничной рекой между Россией и Цинской империей. Прототипом одного из главных героев повести — атамана Ярофея Сабурова — стал Ерофей Павлович Хабаров, известный землепроходец. Позднее, в своих «Воспоминаниях» Г.Ф. Кунгуров писал: «Исторические темы всегда увлекали меня. Сибирь в прошлом на Востоке играла особенно влиятельную роль... Неподдельная любознательность русского человека — первооткрывателя храброго и умного землепроходца, влекла его вперед и вперед.... Я сделал попытку приоткрыть некоторые страницы этой истории» [3, с. 12].

Г.Ф. Кунгуров создал запоминающиеся образы русских казаков — жителей Иркутска, атмосферу жизни первых жителей города, их нравов и обычаев, что потребовало знаний конкретно-исторических фактов и образа мыслей жителей того времени.

«Албазинская крепость» посвящена героической странице русской истории, созданию крепости на русско-китайской границе и ее сложной истории. Представлена уникальная и героическая защита русской крепости Албазин малочисленным и стойким гарнизоном крепости. Главные герои повести — простые русские люди — казаки, с их житейскими заботами и бедами. Созданные образы очень колоритны и запоминаются читателям надолго. Конечно, проникновение в эпоху и жизнь казачества помогла сибирская биография самого автора, который родился и вырос в Забайкалье и с детства знал эти истории и легенды об этой истории местного русского населения, жившего в пограничном регионе.

Преподаватель Г.Ф. Кунгуров проявлял большой интерес не только к русской и советской литературе, длительное время преподавал ее в институте, но и сибирской литературе и культуре. Он собирал рукописные материалы в Иркутске и Восточной Сибири. Так, иркутская исследовательница книжной традиции и истории редких книг в Восточной Сибири А.Г. Боннер в монографии «Бесценные сокровища» (1979 г.) отмечает, что Г.Ф. Кунгуров передал в дар Научной библиотеке ИГУ иркутский рукописный журнал «Мещанин» за 1856 г. (№ 1), а также драму «Колокольников» неизвестного автора середины XIX века [7, с. 60]. Эти тексты были внимательно изучены и представлены Г.Ф. Кунгуровым в его книге «Сибирь и литература».

Доктор филологических наук, профессор Г.Ф. Кунгуров является автором фундаментального исследования «Сибирь и литература» [8]. Это книга является своеобразной литературной летописью и энциклопедией дореволюционной Сибири и Иркутска, культурной столицы Восточной Сибири.

На значительном фактическом материале, полученном в результате изучения сибирских архивных и рукописных источников, Г.Ф. Кунгуров показал, как возникла, формировалась и развивалась рукописная и печатная публицистика, журналистика и литература в Сибири, формировались литературные традиции и шло накопление книжных богатств Сибири и Иркутска, внимательно изучил круг иркутских читателей, эстетические и читательские интересы сибиряков различных социальных слоев.

Г.Ф. Кунгуров является соавтором исторического исследования «Аратская революция», совместно с ветераном монгольской революции 1921 г. И.А. Сорокиным, которая прочно вошла в советское и мировое монголоведение. Особая ценность данного издания заключается в том, что она подготовлена к печати участником монгольской революции 1921 г. и первых послереволюционных лет, одним из создателей монгольской армии И.А. Сорокиным, включает непосредственные мемуарные данные [9].

«Аратская революция» посвящена истории монгольской национально-демократической революции 1921 г. и подготовлена на основе марксистско-ленинской методологии, содержит мало персональных оценок и носит обзорный характер. Сказалось и серьезное влияние писателя Г.Ф. Кунгурова на жанр исследования. Первоначальное сотрудничество И.А. Сорокина с историком Е.М. Даревской и совместная подготовка биографии Д. Сухэ-Батора привели к суду о плагиате.

Оригинальный исторический материал о первом опыте обучения монгольских школьников в Иркутске до революции был собран писателем Г.Ф. Кунгуровым. Значительное внимание он уделил истории иркутской семьи Чапаловых, в которой жили монгольские школьники, почти как члены семьи. Вот как образно он описал монгольских школьников: «Стоял голубой сентябрьский день 1913 года, тихий, ясный. Над Ангарой сияло солнце, дул колючий ветер. Улицы Иркутска были необычайно оживлены; жители с любопытством разглядывали невиданных гостей: шла группа монгольских подростков и юношей. Одеты они

были в малиновые, синие и голубые широкополые «терлики» — халаты с длинными рукавами. Поверх халатов — делембовые или шелковые пояса, на ногах — мягкие монгольские сапоги-гутули на толстой подошве с круто загнутыми вверх острыми носками. Особенно поражали любопытных черные косички мальчиков да бурханчики и амулеты, которые висели у них на груди. Гости шли, тесно сбившись в небольшую группу, с большим вниманием рассматривали каменные дома, пестрые вывески. За группой монголов спешила довольно большая толпа городских мальчишек. Монголов сопровождал Иван Николаевич Инкижинов. Он привел их в пятую начальную школу. У входа юных гостей сердечно встретила жена Инкижинова — Александра Васильевна. Через год к группе монголов-учащихся присоединился юноша Чойбалсан. Это была первая группа монголов-учащихся; перед ними стояла трудная, но благородная цель — накопить знания, познакомиться с культурой великого русского народа» [9, с. 29]. Обучение монгольских студентов продолжалось в Иркутске четыре года, это событие положило начало образования монголов в Иркутске.

Гавриил Филиппович Кунгуров был большим и искренним другом Монголии, обучал монгольских студентов в Пединституте, выступил с лекциями перед монгольскими студентами в Иркутске, неоднократно выезжал в соседнюю страну и написал об этом книгу рассказов «Золотая степь» [10] и повесть «Оранжевое солнце» [11], которую очень тепло приняли в Монголии. В художественных произведениях Г.Ф. Кунгуров создал интересные и яркие образы монгольских кочевников-тружеников: скотоводов, сказителей, кузнецов, учителей, врачей, ученых. Значительное внимание было уделено советско-монгольской дружбе и плодотворному сотрудничеству СССР и МНР в мирное и военное время.

Произведения писателя Г.Ф. Кунгурова были переведены на болгарский, венгерский, китайский, монгольский, польский, сербский, чешский и другие иностранные языки. За плодотворную писательскую и научно-исследовательскую деятельность к 60-летию со дня рождения он был награжден Орденом «Знак Почета» (1963 г.).

Произведения Г.Ф. Кунгурова, написанные реалистично и образно, привлекают внимание и современных читателей, изучаются литературоведами и историками. Писатель ярко отразил русско-китайские и русско-монгольские связи и отношения, создал оригинальные литературные образы, основанные на исторических источниках. Книга «Аратская революция» известна не только в России, но и современным зарубежным монголоведам, изучающим историю Монголии XX в.

За значительный творческий вклад в изучение монгольской темы, за весомую деятельность по истории, литературе Монголии правительством Монголии Г.Ф. Кунгуров был награжден медалями «Дружба», «50-летие МНР», почетными грамотами соседней страны.

Гавриил Филиппович гордился грамотой, которая была получена от первого секретаря Центрального Комитета Монгольской Народно-революционной

партии Председателя Совета Министров МНР Ю. Цеденбала: «Глубокоуважаемый Гавриил Филиппович! Позвольте от имени ЦК МНРП, Правительства МНР и от себя лично сердечно поздравить Вас, советского писателя, давнишнего друга нашей страны, в день Вашего шестидесятилетия. Мы рады отметить, что Вы своей благородной деятельностью боролись и боритесь за всемерное укрепления дружбы наших народов. От души желаю Вам крепкого здоровья, долгих лет плодотворного труда» [3, с. 38].

Таким образом, творческое и научное наследие иркутского писателя и исследователя Гавриила Филипповича Кунгурова поражает широтой интересов. История российской и сибирской литературы, творческие портреты сибирских поэтов и писателей, восточная тематика. Изучение сибирского фольклора и местных коренных народов, истории Иркутска и Сибири. Восточная и монгольская тематика широко представлена в повестях и рассказах сибирского писателя: «Артамошка Лузин», «Албазинская крепость», «Путешествие в Китай». Рассказы по Монголии «Золотая степь» переведены и изданы на девяти иностранных языках. Историческое исследование «Аратская революция», подготовленная совместно с ветераном монгольской революции И.А. Сороковиковым вошла в золотой фонд российского монголоведения.

Список использованной литературы

1. Кунгуров Г.Ф. И в непогодь и в затишье (мемуары) / Г.Ф. Кунгуров // Сибирь. — 1972. — № 4. — С. 81–90.
2. Макарова Е. Г.Ф. Кунгуров / Е. Макарова // Литературная Сибирь / сост. В.П. Трушкин. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. б. указ. / сост. Р.С. Скаллер. — Иркутск, 1963. — 41 с.
3. Кунгуров Г.Ф. Албазинская крепость : историческая повесть / Г.Ф. Кунгуров. — Москва : Молодая гвардия, 1959. — 252 с.
4. Кунгуров Г.Ф. Артамошка Лузин. Албазинская крепость. Исторические повести для старшего школьного возраста / Г.Ф. Кунгуров. — Иркутск, 1973. — 478 с.
5. Кунгуров Г.Ф. Топка : повесть / Г.Ф. Кунгуров. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. — 132 с.
6. Боннер А.Г. Бесценные сокровища / А.Г. Боннер. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. — 184 с.
7. Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература / Г.Ф. Кунгуров. — Иркутск, 1965. — 203 с.
8. Кунгуров Г.Ф. Аратская революция / Г.Ф. Кунгуров, И.А. Сороковиков. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1957. — 208 с.
9. Кунгуров Г.Ф. Золотая степь. Рассказы о людях Монголии / Г.Ф. Кунгуров. — Москва : Сов. писатель, 1958. — 259 с.
10. Кунгуров Г.Ф. Оранжевое солнце : повесть / Г.Ф. Кунгуров. — Москва : Современник, 1976. — 188 с.

Информация об авторе

Кузьмин Юрий Васильевич — д-р ист. наук, профессор, кафедра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

Author

Kuzmin Yuri Vasilyevich — D.Sc. in History, Professor, Department of Russian History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

ВКЛАД ИНЖЕНЕРА-АРХИТЕКТОРА И.Г. ЕФИМОВА В СОВЕТСКУЮ ЗАСТРОЙКУ ИРКУТСКА 1930–1940-Х ГОДОВ

Статья является первой попыткой представить роль иркутского инженера-архитектора И.Г. Ефимова (1910–1947 гг.), фронтовика-орденоносца, одного из основателей Восточно-Сибирского отдела Союза советских архитекторов, в формирование застройки Иркутска в период социалистической реконструкции 1930–1940-х гг. Дается характеристика проектов зданий, многие из которых получили признание своими стилевыми особенностями и конструктивом. Их внешний облик и объемы до сих пор являются украшениями центральной части города.

Ключевые слова: Ефимов И.Г.; Иркутск; архитектура; конструктивизм; постконструктивизм; сталинская неоклассика; Союз советских архитекторов.

А.А. Kuzmina

THE CONTRIBUTION OF THE ENGINEER-ARCHITECT I.G. EFIMOV TO THE SOVIET DEVELOPMENT OF IRKUTSK IN THE 1930–1940^s

The article is the first attempt to present the role of Irkutsk engineer-architect I. G. Efimov (1910–1947), a veteran of the Great Patriotic War, one of the founders of the East Siberian Department of the Union of Soviet Architects, in the formation of the development of Irkutsk during the socialist reconstruction of the 1930^s and 1940^s. The characteristic of building projects is given, many of which have been recognized for their stylistic features and constructive. Their appearance and volumes are still an ornament of the central part of the city.

Keywords: Efimov I.G.; Irkutsk; architecture; constructivism; postconstructivism; stalin neoclassicism; Union of Soviet Architects.

Долгое время советская довоенная архитектура Иркутска оставалась в тени, с одной стороны, ярких проектов эпохи авангарда, а с другой — крупномасштабного строительства конца 1940–1950-х гг. В настоящее время наблюдается возросший интерес к раннему архитектурному наследию советской эпохи, в стране идет активная реконструкция памятников этого периода. Это повышает интерес к истории проектирования и биографиям их создателей, так как архитектура города — «это призма, через которую можно увидеть реальных людей, задействованных в процессе формирования городского пространства» [1].

В иллюстрированном календаре, выпущенном к трехсотлетию Иркутска в 1961 г., изображены тринадцать самых значимых и узнаваемых зданий областно-

го центра, ставших архитектурными символами города. Авторство трех из них принадлежит иркутскому инженеру-архитектору Ивану Гавриловичу Ефимову: здание Сибирского Финансово-экономического института (БГУ) на улице Ленина, 11, здание Педагогического Института Иностранных языков (ИФИЯМ) и административное здание комбината «Востсибуголь» на сквере им. Кирова, которые сформировали архитектурный ансамбль центральной площади Иркутска.

Летом 2023 года в здании управления комбината «Востсибуголь» — прекрасном образце сталинской неоклассики, началась масштабная реконструкция под гостиничный комплекс. Такое же обновление ожидает гостиница «Ретро» на улице Карла Маркса, 1 Б, известная иркутянам также как «Особняк № 1». Ведомственный дом для ответственных сотрудников аппарата Восточно-Сибирского крайисполкома (1934–1936 гг.) выполнен в редком для Иркутска стиле постконструктивизм и признан объектом культурного наследия регионального значения [2]. Реконструкция таких знаковых зданий в историческом центре города вызвала широкий резонанс в средствах массовой информации и среде городской общности, поставив ряд общекультурных вопросов, связанных с судьбой советского архитектурного наследия этого периода. Однако сведений и материалов, прослеживающих творческий путь автора этих сооружений и его биографию, обнаружено крайне мало.

Таким образом, статья призвана восполнить пробел в региональном краеведении и определить место И.Г. Ефимова в архитектурном сообществе города 1930–1940-х гг. и его роль в формировании архитектурного облика Иркутска на фоне исторических и культурных событий в пространстве крупного сибирского города 1930–1940-х гг. XX в. В основу исследования легли иркутские летописи и немногочисленные материалы периодической печати, а также архивные изыскания в ГАИО, ГАНИИО, ГАТО, ЦАМО, в архиве «Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области», работа с сайтами «Подвиг Народа» и «Память народа». Важным источником научно-технической информации послужили неопубликованные документы, к которым относятся Отчеты о результатах законченных научно-исследовательских работ по реконструируемым зданиям И.Г. Ефимова [3; 4].

В апреле 1935 г. в газете «Восточно-Сибирский комсомолец» вышла статья Б. Курганова «Мечта», в которой описывается начало творческого пути молодого ленинградского архитектора Ивана Гавриловича Ефимова [5, с. 4]. Будущий архитектор родился в 1910 г. в деревне Горки Тверского уезда, в 1929–1934 гг. получил классическое профессиональное образование в высшем строительном учреждении страны — Ленинградском институте гражданских инженеров [6], с 1931–1941 гг. — Ленинградский институт инженеров коммунального строительства, ныне — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, на кафедре архитектурного проектирования, истории архитектуры и рисунка. Получив практические навыки на стройках Володарского и Выборгского районов Ленинграда под руководством известных ленинградских

градостроителей, молодой специалист со столичным образованием приехал в Иркутск в апреле 1934 г.

Каким увидел молодой ленинградский инженер-архитектор Иркутск середины 1930-х гг.? Строятся фабрики и заводы, происходит стремительный рост населения. За предвоенное пятилетие прирост составил 73 000 человек и общее число горожан равнялось уже 243 000 [7, с. 368, 371]. Очевидно, что город стал остро нуждаться в жилье и новых общественных пространствах, в том числе для активно прибывающей в Иркутск инженерно-технической интеллигенции. В материалах Восточно-Сибирского крайисполкома за 1933 г. отмечалось, что Иркутск «задыхается от жилищного кризиса» и отличается чрезвычайно слабо-развитым, отсталым коммунальным и жилищным хозяйством [8, л. 37, 38].

Характер и масштабы строительства определялись относительно сдержанными темпами экономического развития Восточной Сибири, причины низкого роста городского строительства — в необеспеченности рабочей силой, хронических перебоях в финансировании и снабжении, остром дефиците материалов и техники, несогласованностью между архитектурными организациями. Отчетливо ощущается нехватка квалифицированных кадров, сказывается отсутствие генерального плана, который окончательно принят только в 1940 г. Довоенную основу жилого строительства в Иркутске составляло малоэтажное строительство в деревянном исполнении. В целом, жилищное строительство 1930-х гг. характеризуется небольшим объемом, ведомственным размещением и индивидуальным проектированием.

В это время в Иркутске активно трудятся выдающиеся зодчие «старой школы» — К.В. Миталь, А.П. Артюшков, В.И. Коляновский, а также молодые архитекторы, ровесники Ефимова, — Б.М. Кербель, В.Н. Волков, С.М. Заславский. Проектируются такие знаковые для города объекты как Дом Советов, Дворец торговли и ссылки, Управление Восточно-Сибирской дороги, здание Госбанка, строятся первые дома специалистов, началась перестройка пятиклассной школы для нужд Сибирского Финансово-Экономического института.

Начинающий архитектор, владеющий методом функциональной архитектуры и знаниями новых тенденций в строительстве, быстро продвинулся в карьере и самостоятельном проектировании. Сразу по прибытию в город, был принят на работу руководителем бригады в Краевой отдел коммунального хозяйства, где Ефимову было поручено разработать проект здания Читинского Цирка на 2000 зрителей (1934 г.) и проект въездной группы для завода им. Куйбышева (1934 г.). С 1936 г. уже назначен Архитектором Проектно-планировочный Отдела.

И.Г. Ефимов принимал активное участие и в общественной жизни областного центра, став одним из основателей Восточно-Сибирского отделения отделения Союза Советских Архитекторов, где на него в 1936 году возлагаются обязанности ответственного секретаря. Деятельность оргбюро оживила архитектурную жизнь в городе: появляются конкурсные проекты, проводятся архитектурные выставки, прения архитекторов широко освещаются в прессе. Но, одновременно,

по словам М.Г. Мееровича, происходит «огосударствление профессии» [9, с. 27]. Оформление местных отделений ССА ознаменовало централизацию творческой деятельности архитекторов.

Проектное творчество И.Г. Ефимова условно можно разделить на два этапа: довоенное (1934–1941 гг.) и послевоенное (1946–1947 гг.). В первом периоде прослеживаются черты трансформации архитектурных стилей 1930–1940-х гг. в период централизованного управления отраслью: от конструктивизма через «переходный период» — постконструктивизм к советской неоклассике. И.Г. Ефимов смог работать в разных стилях, при этом для него трансформация архитектурных принципов не стала профессиональным сломом, в отличие от архитекторов до-революционной выучки.

В своем первом интервью И.Г. Ефимов четко обозначил позицию против принципов конструктивизма: в Ленинграде ему «не понравились новые сооружения. Эти стандартные дома-кирпичи, с одинаковыми решетчатыми окнами во всю стену походили на гигантские оранжереи, а не на жилые дома» [5, с. 4]. Однако первые проекты И.Г. Ефимова были выполнены в конструктивистском ключе, например, здание общежития для работников ВСЖД (1934–1935 гг.), Банно-прачечный комплекс в предместье Свердлово (1935–1941 гг.), Читинский цирк (1934 г.). Из-за расхождения с реалиями местной строительной практики этот архитектурный стиль не получил широкого распространения в Иркутске. В отличие от конструктивизма, пришедший ему на смену постконструктивизм сводил к минимуму использование стали и цемента, возвращаясь к привычной кирпичной кладке с деревянными полами и перегородками. Ключевым понятием в языке нового стиля становится «красота». Это требование озвучил Л. Каганович еще в 1933 г.: «Пролетариат хочет не только иметь дома, не только удобно в них жить, но также иметь дома красивые» [10, с. 229]. Помимо предписаний свыше «осваивать классическое наследие», это помогает объяснить распространение постконструктивизма в 1930-х гг.

В довоенный период И.Г. Ефимовым были выполнены проекты по переформлению конструктивистских зданий предшественников в соответствии с новыми веяниями, а также самостоятельно построены несколько жилых ведомственных домов: дом специалистов Краевого исполнительного Комитета Местной промышленности на улице Карла Маркса, 32 (1935–1936 гг.), дом для работников завода имени В. Куйбышева по ул. Карла Маркса, дом 32/1 (1933–1940 гг.), дом для ответственных сотрудников аппарата Восточно-Сибирского крайисполкома по улице Карла Маркса 1/Б (1934–1936 гг.), дом для ИТР Иркутского мыловаренного завода в поселке Жилкино (1935–1938 гг.), дом для специалистов завода имени И. Сталина на улице Авиастроителей, 26 (1936–1937 гг.), а также жилой дом для Горжилуправления (1935–1939 гг.) по улице Красной звезды (совр. Сухэ-Батора, 8). На основе материалов местной прессы, летописных сведений и архивных изысканий удалось атрибутировать эти здания, установить год постройки и месторасположение.

Строительство ведомственных домов выполнялось в камне, с использованием качественных материалов и современных технологий, выделялось финансирование, приглашались опытные архитекторы, уделялось особое внимание декорированию фасада. Каждый из рассмотренных жилых домов имеет выраженную индивидуальность и профессиональную принадлежность, демонстрируя характернейшие черты архитектуры второй пятилетки: от функционального устройства до культуры деталей.

Самобытность формообразования постконструктивизма можно проследить и на основе крупных нереализованных общественных проектов архитектора - проектах Финансово-экономического (1935–1936 гг.) и Педагогического техникумов для г. Черемхово (1935–1936 гг.).

Прекрасными примерами постконструктивизма в творческой деятельности И.Г. Ефимова стали два здания — Особняк № 1 (ул. К. Маркса 1Б) и здание Сибирского Финансово-экономического института (ул. Ленина, 11).

Проект «Дома для ответственных работников сотрудников аппарата Восточно-Сибирского крайисполкома (Особняк № 1, 1934–1936 гг.)» стоит отметить, как памятник архитектуры, являющийся ярким примером «переходного» периода в истории архитектуры Иркутска, и является элементом «Градостроительного ансамбля застройки улицы К. Маркса кон. XIX–XX вв.», поставленного решением Иркутского облисполкома № 294 от 24.06.80 г., прил. 3, р. 111, п. 37 под государственную охрану регионального значения и состоит в «Списке памятников истории и культуры г. Иркутска, подлежащих государственной охране». Рег. № 236 [2]. Причем в вышеуказанном перечне в графе «датировка» стоит 1950–1960-е гг., а в графе «архитектор» указана фамилия «Б. Кербель». В архивах не сохранились чертежи проекта, но доподлинно известно, что автором Особняка является И.Г. Ефимов, о чем указано на страницах Иркутской летописи и местной прессе 1934–1936 гг.: «...началось строительство жилого дома для ответственных сотрудников аппарата Восточно-Сибирского крайисполкома на ул. К. Маркса, 1 (автор проекта архитектор И.Г. Ефимов). Введен в строй в 1936 г.» [11]. Памятная доска с этой информацией и указанием автора проекта — И.Г. Ефимова установлена на главном фасаде здания.

Проект «Дома для ответственных работников сотрудников аппарата Восточно-Сибирского крайисполкома (Особняк № 1, 1934–1936 гг.)» стоит отметить, как памятник архитектуры, являющийся ярким примером «переходного» периода в истории архитектуры Иркутска. Оформление фасадов Особняка не несет характер принудительной стилевой трансформации, но сейчас сложно это определить — проектной документации 1934–1936 гг. не сохранилось. Конструктивизм здесь представлен в асимметрии общей формы, в четком ритме вертикальных членений и сдержанным внешним декором, но уже отсутствует ленточное остекление. Классическое наследие выражено тоже не в полной мере: архитектор экспериментирует с традиционной ордерной системой в решении оформления оконных проемов и колонн.

К архитектурным памятникам регионального значения относится и здание Сибирского Финансово-экономического Института, ныне — БГУ (1932–1935 гг.). Крепкий фундамент бывшего Александро-Мариинского училища позволил архитектору К. Миталю надстроить два этажа из шлакоблоков и к марту 1933 года планировал полностью закончить проект. Ефимову было поручено оформление фасадов уже надстроенного здания и возведенного нового четырехэтажного корпуса, о чем свидетельствует мемориальная доска на фасаде строения. Но, так как Ефимов прибыл в город только в сентябре 1934 г., авторство все же нужно разделить с К.В. Миталем, по проекту которого и проводилась первоначальная реконструкция здания. Изначально задуманное как конструктивистское, оформленное Ефимовым здание приобрело черты набиравшего популярность постконструктивизма. Фасад декорирован упрощенными элементами классического стиля, что отразило характернейшие черты архитектуры своего времени: строгость и простота конструктивизма обретают новые переосмысленные элементы неоклассики.

Крепкий фундамент бывшего Александро-Мариинского училища позволил архитектору К. Миталю надстроить два этажа из шлакоблоков к октябрю 1932 года. Здание вполне отвечало образу советского административного здания, совмещая высотность и кубическую массивность. Оформление Ефимовым фасадов административного здания для Сибирского Финансово-экономического института (1934–1935 гг.) уже отразило характернейшие черты архитектуры своего времени: строгость и простота конструктивизма обретают новые переосмысленные элементы неоклассики.

Следует подчеркнуть, что все жилые дома и общественные сооружения, выполненные архитектором Ефимовым в довоенный период, находятся в прекрасной сохранности и по-прежнему украшают улицы города. Как показало время, наследие постконструктивизма меньше подвержено угрозе сноса, чем конструктивистское, «где плохие материалы и где оценка эстетических качеств требует какой-то подготовки» [12].

Таким образом, И.Г. Ефимов реализовал свой творческий потенциал в архитектуре общественных сооружений и в строительстве ведомственных домов, талантливо интерпретировав классическое наследие и наследие конструктивизма в контексте новых задач, поставленных государством перед советскими архитекторами. Объемно-планировочные и стилевые решения архитектора отражали общие направления, которые были характерны для советской архитектуры этого времени.

Ефимов принимал участие в работе над архитектурными ансамблями в центре города и главных его улиц — Ленина и Карла Маркса. С 1934 г. вместе с архитекторами Волковым и Бутенко входил в Техническую комиссию, созданную органами Краевого Партконтроля [13, л. 103]. Позже, в 1940 г., от Союза архитекторов, совместно с С. М. Заславским, участвовал в установлении места закладки фундамента под памятник Борцам революции на могиле погибших сибирских партизан. Тем самым И.Г. Ефимов органично и быстро влился в среду местного архитектурного сообщества.

В 1940 г. Ленинградским отделением Горстройпроекта закончено составление генеральной схемы планировки, реконструкции и перспективного развития города. «Красивые улицы и площади окаймлены изящными многоэтажными зданиями с роскошной облицовкой из мрамора, гранита, лабрадора, порфира и других горных пород, которыми славится Прибайкалье» — о таком городе мечтают иркутяне [14, с. 3]. Планам еще долго не суждено было сбыться — с началом войны все гражданские стройки были остановлены.

С началом Великой Отечественной Войны И.Г. Ефимов был вынужден прервать трудовую деятельность и был призван на фронт Иркутским ГВК 3 марта 1942 года. Закончил военное училище, получил первое офицерское звание и тогда же вступил в коммунистическую партию. Представлен к награде — Орденом Красной Звезды, а также награжден медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией». В 1946 г., после ранения и лечения, Ефимов вернулся в Иркутск, став главным архитектором областной архитектурно-проектной мастерской. За небольшой срок успел спроектировать здание «Востсибугля» и продолжить работу над зданием Института иностранных языков, начатое им в 1941 г.

В послевоенный период окончательно закрепляется политическое руководство сферой архитектуры, а архитектор становится служащим и исполнителем государственного заказа, что отразилось в проектировании и практике строительства. Наиболее ярко это проявляется в формализации и масштабировании черт советской неоклассики и их повсеместном применении. Профессиональная деятельность архитектора в этот период (1946–1947 гг.) представлена в стилистике советской неоклассики на примере двух его крупных проектов послевоенного времени — Учебно-административного здания педагогического института иностранных языков (1941–1950 гг.) и Административного здания комбината «Востсибуголь» (1946–1950 гг.), которые создали высотные доминанты в панораме города и стали архитектурными символами Иркутска. Жизнь архитектора оборвалась сентябре 1947 года, в возрасте 37 лет и объекты были закончены уже после смерти автора. В основе монументальных и уравновешенных проектов зданий комбината «Востсибуголь» и Института иностранных языков лежит синтез искусств и обращение к историческому наследию. Проекты административных и общественных зданий Ефимова полностью отвечали духу времени и запросам эпохи, закрепляя все достижения народа-победителя. Мастерство архитектора позволило удачно дополнить историческую застройку центра в градостроительных традициях конца XIX — начала XX столетия и разнохарактерном решении новых зданий.

Причины того, что спроектированные И.Г. Ефимовым здания Востсибугля и Института иностранных языков так и не вошли в список объектов культурного наследия Иркутской области, являются предметом дальнейшего исследования.

Таким образом, И.Г. Ефимов внес большой вклад в становление современного архитектурного пространства Иркутска, расставив на карте города высотные доминанты монументальных величественных общественных соо-

ружений и целый ряд жилых домов, не похожих друг на друга. Все проекты, осуществленные И.Г. Ефимовым, отличает индивидуальность, общая высокая архитектурная культура и профессионализм. Здания имеют художественно-эстетическую привлекательность и отличную сохранность, до сих пор украшая улицы Иркутска.

Во многом поэтому архитектурное наследие Ефимова сейчас переживает те же тенденции, что и наследие дореволюционной эпохи в 1930-х годах XX века: здания реконструируют и приспособливают к современным запросам, к ним привлечено пристальное внимание крупных инвесторов, городской общественности и СМИ. Спустя много лет иркутский архитектор вновь заставил общество задуматься над проблемой взаимоотношения между советским наследием и культурной памятью, историческими универсалиями и убыстряющимся ходом времени.

Следовательно, имя инженера-архитектора Ивана Гавриловича Ефимова должно встать в один ряд с уже известными и прославленными иркутскими зодчими своего времени — В.А. Рассушиным, А.П. Артюшковым, К.В. Миталем, Б.М. Кербелем, В.И. Коляновским и др., так как фундамент достижений и творчество современных архитекторов опирается на опыт и мастерство иркутских архитекторов довоенного и послевоенного времени.

Список использованной литературы

1. Кузеванов В.С. Сибирские архитекторы в 1930-е — 1950-е гг.: профессиональная деятельность, социальные институты и повседневные практики : на материалах Омска и Новосибирска : дис ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.С. Кузеванов. — Омск, 2015. — 272 с.
2. Перечень объектов культурного наследия [Электронный ресурс]. — URL: <https://irkobl.ru/sites/oknio/neresen> (дата обращения: 06.10.2024).
3. Объект культурного наследия «Застройка ул. Карла Маркса. Особняк (резиденция) облисполкома. г. Иркутск ул. Карла Маркса, 1Б: отчет о НИР / ООО «Наследие». — г. Иркутск, 2021 г.
4. Реконструкция административного здания под гостиничный комплекс по адресу: Иркутская область, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 4. Архитектурные решения 270320-ПР-АР / Проектная документация: ООО «СТБ Проект». — Иркутск, 2022 г.
5. Курганов Б. Мечта / Б. Курганов // Восточно-Сибирский комсомолец. — 1935. — 29 апр. (№ 99). — С. 4.
6. Архив Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. Оп. 1. Ед. хр. № 2.
7. Кудрявцев Ф.А. Иркутск: Очерки по истории города / Ф.А. Кудрявцев, Г.А. Вендрих. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. — 435 с. : ил.
8. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р 600. — Оп. 1. — Д. 1044. — Л. 37, 38.

9. Меерович М.Г. Биография профессии. 32 год и другие / М.Г. Меерович // Кентавр. — 1992. — № 1. — С. 27–31.
10. Селиванова А.Н.: Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР [монография] / А.Н. Селиванова. — 3-е изд. — М. : БуксМАрт, 2023. — 320 с. : ил.
11. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. — Иркутск : Отгиск, 2004. — 848 с.
12. Селиванова А.Н. Новый ордер — это почерк государства / А.Н. Селиванова. — URL: <http://openleft.ru> (дата обращения 05.10.24).
13. Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 103.
14. Кассин П. В энском пятилетии / П. Кассин // Восточно-Сибирская правда. — 1941. — 1 янв. (№1) — С. 3.

Информация об авторе

Кузьмина Анна Алексеевна — аспирант, кафедра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: Akuzal@mail.ru.

Author

Kuzmina Anna Alekseevna — Post-Graduate Student, Department of Russian History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: Akuzal@mail.ru.

ИРКУТСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ АЙДЕНТИКИ И РЕКРЕАЦИОННЫЙ РЕСУРС

Многие города России и мира успешно проводят кампании собственного брендинга среди жителей и гостей города. Применение маркетинговых инструментов в государственном и муниципальном управлении, одним из которых является брендинг, становится все более распространенной практикой. Наличие сильной айдентики места позволяет защищать интересы на высококонкурентном «рынке территорий», а также привлекать необходимые ресурсы, в том числе туристов, инвесторов, жителей и т.д., в зависимости от поставленных задач. Стратегия брендинга города направлена не только на внешнюю, но и на внутреннюю аудиторию, помогает повышать лояльность горожан к месту их проживания. Иркутск, с этой точки зрения, является уникальным примером. В течение большей части XX в. ветхое историческое наследие игнорировалось, а сам город выступал либо в качестве перевалочного пункта алюминиевых производств, если говорить о промышленности, либо, если говорить о туризме, в качестве основного принимающего аэропорта для прибывающих на оз. Байкал.

Ключевые слова: Иркутск; историческое наследие; туризм; айдентика места; городское планирование.

А.В. Rinchinov

IRKUTSK HISTORICAL HERITAGE AS A SOURCE OF REGIONAL IDENTITY AND A RECREATIONAL RESOURCE

A lot of cities in Russia and around the world successfully conduct their own branding campaigns among city residents and visitors. The use of marketing tools in state and municipal management and «branding» is becoming an increasingly common practice. Having a strong place identity allows you to protect your interests in a highly competitive market, as well as attract the necessary resources, including tourists, investors, residents, etc., depending on the tasks at hand. The city branding strategy is aimed not only at the external, but also at the internal audience, helps to increase the loyalty of citizens to their place of residence. Irkutsk, from this point of view, is a unique example. For most of the XX century, the dilapidated historical heritage was ignored, and the city itself acted as a transit point for aluminum production or as the main receiving airport for those moving to Lake Baikal.

Keywords: Irkutsk; historical heritage; tourism; place identity; urban planning.

Сегодня города и крупные логистические хабы, располагающиеся в регионах, имеющих доступ к озеру Байкал, в основном, рассматриваются исключительно с точки зрения перевалочных пунктов. Подавляющее большинство пассажиров, совершающих туристические поездки в республику Бурятия и Иркутскую область, не рассматривают визит в столицы этих регионов как отдельный от посещения озера опыт. «Пакетные» туристы, в основном зарубежные, и вовсе лишены возможности оценить местный колорит и познакомиться с культурным наследием «в живую», так как их трансферы слишком скоротечны для данных целей. Основными «конечными точками» туристических маршрутов для Иркутской области остаются в летний период — остров Ольхон, а в зимний — поселок Листвянка. И в том, и в другом случае, как правило, не обходится и без посещения специального этнографического музея «Тальцы». Перенесенные туда памятники старины, преимущественно из прибайкальской деревни, дают представление о местной истории, однако опыт посещения музея тяжело назвать аутентичным. Напротив, изучение исторических памятников архитектуры в их непосредственной среде, фиксирование их пересечения с современностью, наблюдение за их вплетением в городскую ткань — дают несравненно больший опыт взаимодействия с окружающей культурой.

Данные тезисы призваны обратить внимание на состояние исторических памятников культуры столицы Прибайкалья и предложить методику организации рекреационного пространства внутри городской среды с учетом выделяемых в рамках проведенных автором наблюдений «кластеров» пешей доступности, относящихся, преимущественно, к географическому центру города Иркутск.

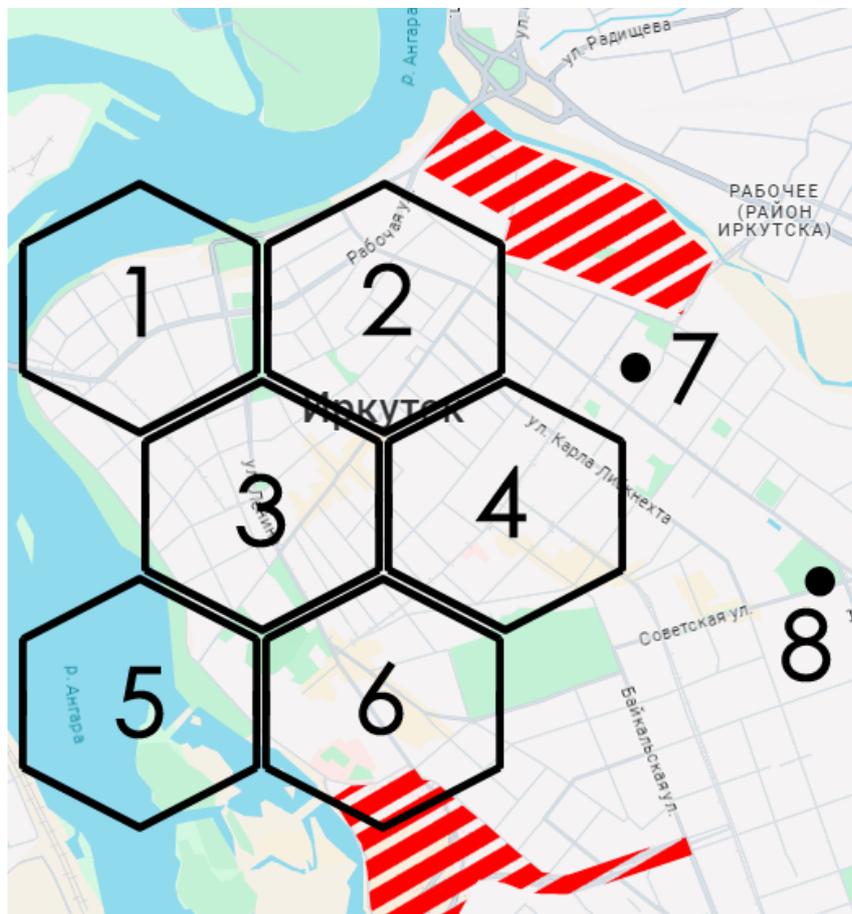
В 1970 г. Иркутск официально был включен в число исторических населенных пунктов с сохранением старинной планировки и застройки. В нем около 685 памятников истории и культуры, из них 108 — федерального значения. Его исторический центр внесен в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО [1].

Стоит отметить, что в качестве основной гипотезы автором использовалась теория организации городского пространства на основе кластеров т.н. «креативных индустрий», разработанную в туристических центрах западной Европы [2]. На данный момент, Москва обращает особое внимание на развитие «креативных индустрий», которые составляют достаточно высокую часть московского ВВП. Что же касается туристического аспекта, то развитие кластеров креативных индустрий, как правило, идут рука об руку с инкорпорированием городского исторического наследия. Заброшенные производства, находящиеся в черте городского центра, получают новую жизнь как офисные и креативные пространства, стимулируя при этом развитие бизнесов в зоне их шаговой доступности, привлекая инвесторов и увеличивая пешую доступность [3].

В качестве примера были выбраны кластеры города Иркутск, образующие, в массе своей, понятие о «городском центре». Данные кластеры представляют собой условные полигоны гексагональной формы с расстоянием от центра до вершины равными 700 метрам (предел пешей доступности) [4, с. 216]. На тер-

ритории данных кластеров расположены основные объекты культурно-исторического наследия Иркутска, офисы крупнейших в регионе компаний. Также на карте можно наблюдать достаточно ярко выраженные зоны отсутствия пешей доступности, которые четко отделяют общеупотребимое понятие о «центре» города от иных городских кварталов [5, с. 286].

1. Северо-западный кластер: сквер им. Кирова, Вечный огонь, ул. Канадзавы, Цесовская набережная
2. Северный кластер: север ул. Карла Маркса, пл. Труда, Сквер Лебединского, ул. Пролетарская, нижняя Набережная
3. Центральный кластер: ул. Ленина, юг ул. Карла Маркса, пл. Ленина, бульвар Гагарина
4. Восточный кластер: Центральный рынок, ул. Урицкого, ул. Горная
5. Южный кластер: пам. Александру III, о. Юности, театр им. Охлопкова
6. Юго-восточный кластер: 130-квартал, ТЮЗ им. Вампилова, театр им. Загурского, Иерусалимская гора
7. Музейный комплекс усадьба Волконских-Шастина
8. Усадьба Сукачева

Кластеры г. Иркутска, образующие понятие о городском центре

Инициативы по улучшению качества городской среды, увеличению пешей доступности, реставрации исторического наследия — заслуживают отдельного упоминания. Традиционно, районом сосредоточения общественной жизни служат улицы Ленина, Карла Маркса, Урицкого, комплекс объединенный под общим наименованием «130-й квартал», район расположения Центрального рынка. Расположенные в этих локациях общественные заведения и торговые центры — создают кумулятивный эффект повседневной экономической и социальной активности. И если о формировании таких «центров притяжения» как улица Ленина или Карла Маркса можно говорить как о произошедших стихийно, то пример «130-го квартала» Иркутска, является одним из наиболее успешных кейсов преобразования городского пространства в России [6]. Важно отметить, что это преобразование произошло не по принципу полной перестройки пространства (в том числе и с архитектурной точки зрения), а при, по меньшей мере, в попытке его инкор-

порации в окружающую среду города. Формально данный проект подразумевал реставрацию обширных территорий внутри географического центра города и, на этапе строительства, подвергался критике, в том числе за недостатки при проведении реставрационных работ. В конечном счете, территория, фактически, была перестроена заново. Все недостатки в проведенных работах, тем не менее, не помешали кварталу стать общепризнанным туристическим сердцем города. До его появления, основные «точки интереса» потенциальных туристов, находились достаточно разряжено на территории «городского центра», выделенного в рамках текста выше.

Появление на карте города «130-го квартала» активизировало проекты реставрации и преобразования прилегающих улиц. На улице Тимирязева начали открываться гостевые дома, в данный момент ведутся активные реставрационные работы на улице Подгорной. Надземный переход, связывающий «130-й квартал» с Музыкальным театром им. Загурского, создает единое пространство пешей доступности с парком мемориального комплекса Иерусалимская гора (по сути, главным парковым пространством городского центра). Квартал имеет прямой выход на основную улицу областного центра, улицу Ленина. За счет коротких (около 300 метров) пеших переходов связан как с парком городской набережной (по улице Красного Восстания), так и, через улицу Седова, с перспективным районом массового жилищного строительства в начале улицы Красных Мадьяр.

К более ранним инициативам по преобразованию пространства центра города можно отнести перекрытие для автомобильного движения улицы Урицкого. Она, также как и «130-й квартал» является центром общественной и туристической деятельности, обеспечивая, в свою очередь, пространство непрерывной пешей доступности между центральным рынком и улицей Карла Маркса. Еще в дореволюционное время здесь сформировалась торговая ось между «Мелочным базаром» (пл. Труда) и «Хлебным базаром» (Центральный рынок) [7, с. 234–235]. Основываясь на исторических материалах, можно предположить, что в начале XX века на торговой улице существовал собственный брендинг, единый стандарт при оформлении вывесок и рекламных конструкций, очевидно, что их внешний вид определяла негласная договоренность собственников.

Еще одним центром туристического притяжения на карте города традиционно является музейный комплекс усадьбы Волконских. Расположенный к северо-западу от трамвайной остановки «Музей Декабристов». Усадьба А.И. Шастина, входящая в данный городской квартал, стала даже неформальным символом города. Дом купцов Шастиных строился в середине XIX в. Он был выполнен в стиле русского барокко. Первое упоминание о нем относится к 1843 г. Как все дома того времени, был богато украшен резным орнаментом. Особый интерес представляют оконные наличники главного фасада с уникальной рельефной резьбой. Постепенно внешний вид усадьбы менялся, но орнамент при этом становился все красивее и ярче. Свой нынешний вид усадьба приобрела в 1907 г., когда в домовладение вступил почетный гражданин города Аполлос Иванович Шастин. По инициативе французской ассоциации сохранения мировых памятни-

ков, дом купцов Шастиных был внесен в список мирового охраняемого наследия и при поддержке мэрии Иркутска спасен от сноса. 28 августа 1998 года постановлением мэра города на базе усадьбы создается муниципальное учреждение «Дом Европы». В 1999 г. закончена полная реконструкция комплекса деревянных строений усадьбы Шастиных. Восстановлена деревянная изгородь с монументальными воротами и дворовые постройки [8, с. 461]. Дом А.И. Шастина — это уникальный историко-архитектурный комплекс, центр международной и культурной деятельности Иркутска, является частью большего проекта «Формирование памятников — заповедных зон в городе Иркутске».

Однако данный пример достойно восстановленного исторического наследия практически не оказывает влияния на общественно-экономическую жизнь вокруг самого себя. Комплекс находится на периферии географии, ассоциирующейся с городским центром, его транспортная доступность обеспечивается исключительно трамвайными маршрутами, а пеший переход от ближайших районов сосредоточения общественной жизни (таких как улица Карла Маркса, районы центрального рынка и недавно созданного общественного пространства в начале улицы Горная) слишком велик. Но даже несмотря на это, общественно-историческое значение комплекса все еще достаточно, чтобы туристы посещали его отдельно.

В ходе реализации данных городских проектов были созданы важные узловые точки как связывающие городское пространство, так и создающие локальные центры притяжения горожан и гостей города. Если рассматривать приведенные примеры, то можно достаточно четко выделить три типа проектов по улучшению городской среды, такие как: связывающий ткань городского пространства, служащий самодостаточной точкой культурного интереса, сочетающий в себе элементы двух вышеперечисленных и, как следствие, создающий вокруг себя самостоятельное поле для развития малых бизнесов и привлечения инвестиций в рекреационную отрасль.

Расположенные на карте центра города точки экономического и культурного интереса, центры общественной жизни, должны иметь хорошую транспортную и пешую доступность. Последняя предполагает не только наличие связи между крупными пересадочными хабами, которыми для Иркутска являются районы центрального рынка, улицы Ленина (включая сквер Кирова), автовокзала, но и обеспечение условий для создания на протяжении этих транзитов общественных пространств, стимулирующих инвестиции. Наиболее ярким примером успеха подобного проекта, безусловно, можно назвать реализацию пешеходной улицы Урицкого. К числу менее масштабных можно отнести проекты сквера им. Сигеки Мори, реставрации Иерусалимской лестницы, реставрации площади Труда, сквера Драматического театра, сквера им. Чехова.

На данный момент существует достаточно большая теоретическая и практическая база сохранения исторического наследия с учетом использования современных тенденции в урбанистике. В 2013 г. авторским коллективом «Сибирской лаборатории урбанистики» под руководством А.П. Козьмина и С.Ю. Мая-

ренкова была разработана и представлена общественности и руководству города концепция развития торговых и рекреационных зон центральной части города под рабочим названием «Торговая ось Иркутска». Подробно были разработаны мастер-планы 11 кварталов [9].

В статье А.Г. Большакова и Р.А. Селиванова «Пространственная интеграция структуры застройки исторического центра г. Иркутска» рассматриваются основные типологизации городских кварталов исторической застройки. Выводятся понятия «достопримечательного» и «функционального места». Представленный в ней анализ, а также методики и способы моделирования позволят более полно формализовать подходы к долгосрочному планированию городской среды. Предлагаемые принципы и алгоритм регулирования оптимизируют процесс интеграции городской ткани.

Ее авторы приходят к выводу, что для регулирования процессов включения новой застройки в историческую ткань города может быть доработан действующий юридический инструмент — Проект зон охраны 2008 г. с корректировками, исключаящими регламентацию вырезанных из общей структурной и пространственно-функциональной канвы «достопримечательного места» фрагментов ткани. Охранное зонирование города и его регламентацию необходимо дополнить способствующим интеграции топологическим регулированием застройки кварталов [10, с. 164–165].

Объекты притяжения туристов и горожан, в том числе из вышеперечисленных образов (130-й квартал, усадьба А.И. Шастина, ансамбль улицы Урицкого и т.д.) формируют общее впечатление о городе. Наличие сильной идентичности: единого визуального стиля, логотипа и его вариаций, орнаментов используемых для оформления общественных пространств и информационных материалов — все эти визуальные отличительные черты и входят в понятие айдентики. Иркутску не следует ограничиваться в своем брендинге исключительной привязкой к Байкалу. Имея на своей территории большое количество центров как культурной, так и экономической жизни, следует стремиться развивать и внутригородской бренд, базирующийся на сильном визуальном воплощении. За формированием айдентики следует и формирование городской репутации, которая позволяет увеличивать как прямые, так и косвенные инвестиции.

Список использованной литературы

1. Исторический центр Иркутска // UNESCO. — URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/1166>.
2. Evans G. Creative Cities, Creative Spaces and Urban Policy / G. Evans // *Urban Studies*. — 2009. — 46 (5&6). — pp. 1003–1040.
3. Development of Creative Industries in Russia: Key Indicators / ed. M. Sokolova // Moscow : HSE. — 2021. — № 1. — 22 p.

4. Leszek S.W. Urban Distances Dimensions of Urban Units and Distribution of Functions in The City in Context of Walking Cycling and Public Transport Distances / S.W. Leszek // Space & Form. — 2020. — 46. — pp. 211–237.

5. Козлова Л.В. Общественные пространства как основа формирования исторического центра крупного города (на примере Иркутска) / Л.В. Козлова // Сборник статей ежегодной Всероссийской научной конференции «Баландинские чтения». — 2016. — № 1. — С. 286–291.

6. 130-й квартал: 1 млрд рублей налогов и 300% прибыли // Газета Дело. — URL: https://sia.ru/?section=398&action=show_news&id=308540.

7. Гаращенко А.Н. Застройка усадьбы М.Г. Писаревского / А.Н. Гаращенко // Известия архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — 2016. — Вып. 8. — С. 234–243.

8. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. / Ю.П. Колмаков. — Иркутск : Оттиск, 2004. — 847 с.

9. Kozmin A. Irkutsk's Quarters: Preamble by the Project Director / A. Kozmin // Project Baikal. — 2015. — № 13 (46). — pp. 74–76.

10. Большаков А.Г. Пространственная интеграция структуры застройки исторического центра г. Иркутска / А.Г. Большаков, Р.А. Селиванов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2023. — № 1 (44). — С. 151–166.

Информация об авторе

Ринчинов Артем Бэликтоевич — к.и.н., старший преподаватель, кафедра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: abri3103@gmail.com.

Author

Rinchinov Artem Beliktoevich — Ph.D. in History, Senior Lecturer, Department of Russian History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: abri3103@gmail.com.

СЕКЦИЯ III. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ СИБИРИ

УДК 94(57)

Н.И. Гаврилова

«КАПИТАЛ ИМЕНИ М.А. СИБИРЯКОВА» В ПРАКТИКАХ «ВЕЧНЫХ ВКЛАДОВ»: АНАЛИЗ ФОРМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ПОЖЕРТВОВАНИЙ КУПЕЧЕСТВА СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена изучению целевых капиталов как формы благотворительных пожертвований купечества Сибири второй половины XIX — начала XX в. В качестве примера «вечного вклада» рассмотрено учреждение и функционирование «Капитала имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова», ставшего одним из первых примеров частного пенсионирования горнорабочих Сибири. Рассмотрены причины пожертвования денежных средств И.М. Сибиряковым, разработка и содержание Положения о «Капитале». Представлена динамика численности рабочих, получающих дотации, изменение размера выплат пенсий и пособий в течение 1895–1917 гг.

Ключевые слова: целевой капитал; благотворительность; пожертвование; купечество; Сибирь.

N.I. Gavrilova

«SIBIRYAKOV CAPITAL» IN THE PRACTICES OF «PERPETUAL DEPOSITS»: ANALYSIS OF FORMS OF CHARITABLE DONATIONS OF SIBERIAN MERCHANTS IN THE SECOND HALF OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the study of target capital as a form of charitable donations of the merchants of Siberia in the second half of the XIX — early XX century. As an example of an «eternal contribution», the establishment and functioning of the «Capital named after the hereditary honorary citizen M.A. Sibiriyakov» is considered.

«Capital» became one of the first examples of private pension provision for Siberian miners. The reasons for the donation of funds by I.M. Sibiriyakov, the development and content of the Regulation on «Capital» are considered. The dynamics of the number of workers receiving subsidies is presented. The changes in the amount of pension and benefit payments during 1895–1917 are analyzed.

Keywords: target capital; charity; donation; merchants; Siberia.

Распространение практики использования эндаументов как значимого механизма достижения финансовой стабильности различных некоммерческих организаций требует осмысления исторического опыта применения данного инструмента. Это способствует осознанию долгосрочных тенденций применения «целевых капиталов», позволяет углубить концептуальное представление о целях, масштабах, эффективности и возможностях оперирования «целевыми капиталами» в современных условиях.

Обращение к анализу «неприкосновенных капиталов» как форме пожертвований обусловлено и внутренней логикой развития современного этапа изучения благотворительности в имперской России: исследование динамики форм благотворительных пожертвований остается слабоизученным вопросом данной темы.

Вместе с тем эвристический потенциал данного вектора исследований значителен. Изучение целевых капиталов, безусловно, способствует уточнению и созданию более полной картины развития благотворительности как социального явления, дополняет представление о механизмах развития социальной сферы российского общества XIX — начала XX в., прежде всего образования, культуры, здравоохранения, социальной поддержки, науки и просвещения. Данный аспект представляется важным и для анализа мировоззренческих установок торгово-промышленных слоев общества, рассмотрения специфики хозяйственной культуры купечества, изучения взаимодействия государства и предпринимательского сообщества.

Пожалуй, впервые в качестве самостоятельного вопроса тема целевых капиталов в историографии благотворительности имперского периода была поднята в 2013 г. Г.Н. Ульяновой, крупнейшим исследователем истории благотворительности в России [1].

С начала 2020-х гг. разработка темы перешла на региональный уровень. Богатый фактический материал по исследованию эндаументов в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Иркутске был собран на страницах первого выпуска альманаха по истории «вечных вкладов» в России, вышедшего по инициативе и при поддержке Национальной ассоциации эндаументов [2]. Изучение роли «вечных вкладов» в финансировании социальной инфраструктуры дореволюционной Москвы было продолжено А.В. Волошиной [3]. Благодаря исследованиям И.В. Масловой [4] и Е.В. Комлевой [5] представлен целостный обзор деятельности купечества Вятской губернии (на материалах Елабуги) и Сибири в сфере учреждения целевых капиталов.

Развитие эндаументов в Сибири имело свои особенности. В литературе отмечено, что первый закон об эндаументах вышел в 1817 г. [1, с. 215]. Первые же целевые капиталы на территории Сибири появляются в 1830-х гг. [5, с. 43]. Именно в этот период (1837 г.) в Иркутске был открыт Сиропитательный дом Е. Медведниковой, финансовое благополучие которого основывалось на специально созданном для этого банке [2, с. 114–130; 5, с. 52]. В 1836 г. вышло соответствующее «Положение о Сиропитательном Доме в Иркутске и частном при нем банке» [6]. Следует отметить, что особенности становления кредитных учреждений в Сибири, в целом, играли значительную роль в развитии целевых капиталов [5, с. 52].

Во второй половине XIX в. целевые капиталы начинают занимать одно из главенствующих мест среди других форм благотворительных пожертвований в Сибири. Не редкими становились и значительные по объему вечные вклады. Среди наиболее крупных эндаументов следует отметить внесение 507 тыс. руб. Н.Ф. Кельхом в счет обеспечения Воспитательного дома имени И.И. Базанова в Иркутске (1893 г.) [7, с. 282], передачу 624 тыс. руб. Ю.И. Базановой и ее дочерью В.П. Кельх (1899 г.) в пользу иркутской Ивано-Матренинской детской больницы: деятельность лечебницы обеспечивалась процентами с данного капитала [8, с. 428].

Одним из первых примеров частного пенсионирования горнорабочих Сибири конца XIX — начала XX в. стал Капитал имени М.А. Сибирякова для вспомоществования приисковым рабочим.

Его основателем выступил крупный золотопромышленник и благотворитель Иннокентий Михайлович Сибиряков (30.10.1860, Иркутск — 6.11.1901, Афон), представитель шестого поколения иркутского купеческого рода Сибиряковым. Экономическую базу широкой благотворительной деятельности создавало участие И.М. Сибирякова в крупнейших золотопромышленных компаниях в Ленском районе, «Прибрежно-Витимской Компании» и «Компании Промышленности в разных местах Восточной Сибири», полученное им вместе с братьями и сестрами по Мировой сделке после смерти отца, иркутского купца 1-й гильдии Михаила Александровича Сибирякова (1815–1874 гг.). Прибыли компании были колоссальными.

Однако положение приисковых рабочих, труд которых создавал миллионные доходы золотопромышленников, оставался крайне тяжелым. Условия труда и быта на золотых приисках Сибири приводили к массовым заболеваниям, преждевременной старости и дряхлости. Высокой была и смертность среди приисковых рабочих. Так, количество умерших от болезни и несчастных случаев на промыслах Олекминского округа Ленского золотопромышленного района в среднем за 1879–1884 и 1887 гг. составляло 112 человек в год. Общее же число рабочих обоего пола, занятых на приисках округа в 1880-х гг. варьировалось от 10,5 до 13 тыс. человек [9, с. 10].

Социальные противоречия И.М. Сибиряковым переживались как острая морально-нравственная проблема. Учреждение же Капитала для вспомо-

вания приисковым рабочим Якутской области виделось одним из важнейших итогов осмысления проблемы. Не случайно И.М. Сибиряков в период разработки положений о Капитале (октябрь, 1893 г.) напишет: «Дело это меня занимало всю жизнь» [10, л. 22].

Интересна сама история организации данного Капитала. Впервые мысль об его организации была озвучена И.М. Сибиряковым осенью 1893 г. С этой идеей он обратился к историку В.И. Семевскому, которого глубоко уважал и ценил как прекрасного исследователя и человека выдающихся личных качеств. Важно отметить, что еще в 1885 г. И.М. Сибиряков предложил В.И. Семевскому заняться изучением жизни и быта приисковых рабочих. Итогом стал вышедший в 1898 г. двухтомник «Рабочие на сибирских промыслах: историческое исследование» (Санкт-Петербург, 1898). Именно В.И. Семевскому Сибиряков и предложил разработать проект правил выдачи пособия из процентов жертвуемого капитала [11, л. 4–5].

Вскоре Иннокентий Михайлович принимает решение увеличить жертвуемый капитал с 200 тыс. руб. до 410 тыс. руб. в 4 % государственных бумагах по номинальной их стоимости. В окончательной версии размер жертвуемого И.М. Сибиряковым капитала составлял 420 тыс. руб. А сам дар был сделан от лица жертвователя: анонимный характер этой благотворительной инициативы И.М. Сибиряковым был отвергнут [10, л. 22, 23].

К концу ноября 1893 г. проект был готов. А 15 марта 1894 г. Положение о Капитале имени потомственного почетного гражданина Михаила Александровича Сибирякова для вспомоществования приисковым рабочим Якутской области было утверждено министром государственных имуществ с Высочайшего соизволения [12, с. 96]. Событие получило широкий общественный резонанс. «Это пожертвование обеспечит лишь часть нуждающихся в помощи», но «...до сих пор не было сделано никем такой крупной жертвы в пользу рабочих», — писали современники [9, с. 10].

Согласно утвержденному Положению, капитал (420 тыс. руб.) являлся «насегда неприкосновенным». Он заключался в государственных или правительством гарантированных процентных бумагах. Местом его хранения было определено Иркутское отделение Государственного банка (§ 3) [13, с. 78]. Проценты от 410 тыс. руб. предназначались на выдачу пособий и почтовые издержки по их пересылке, проценты от 10 тыс. руб. — на производство дел по выдаче пособий (§ 1). Выдавались пособия исключительно деньгами. Устройство богаделен и оказание «вспомоществования натурой» не допускалось (§ 8).

Указывалось, что в случае учреждения в Иркутске общества вспомоществования приисковым рабочим Восточной Сибири, капитал, по воле жертвователя, мог быть передан весь или частью в пользу организуемого Общества (§ 20).

Право на получение пособия было предоставлено рабочим, получившим увечья на золотых промыслах или потерявшим здоровье и силы на приисковых работах и «вследствие этого неспособных к пропитанию собственным трудом», их семьям, а также семьям рабочих, лишившихся жизни на золотых промыслах от болезни или несчастных случаев (§ 2). Из числа лиц, имеющих право на посо-

бие, преимущества отдавались: «а) тем, которые находились или пострадали при горных работах, и б) тем, материальное положение которых оказывалось наиболее затруднительным, а увечья — наиболее тяжкими». Для определения этот преимущества Присутствие по горнозаводским делам должно было собирать «самые обстоятельные сведения» (§ 12). Причем, при «прочих равных условиях» рабочим «К^о Промышленности» и «К^о Прибрежно-Витимской» отдавалось преимущество (§ 12).

Членами семейства умершего увечного рабочего, имеющими право на получение пособия, признавались: жена, состоящая с ним в браке во время его смерти или поучения им увечья; дети, неотделенные и не достигшие шестнадцатилетнего возраста, а также отец и мать потерпевшего, если они были неспособны к труду или если он был их единственной опорой (§ 13).

Различия вероисповедания, сословия и прав состояния значения не имели (§ 5). Все выдаваемые пособия подразделялись на единовременные, продолжительные (от 1 до 5 лет) и постоянные (пенсии) (§ 5). Из процентов с капитала четыре десятых (4/10) назначались на пенсии, четыре десятых (4/10) — на продолжительные пособия и две десятых (2/10) — на пособия единовременные (§ 9).

Размер пенсий и продолжительных пособий составлял не более 10 руб. в месяц (120 руб. в год), единовременных пособий — не более 50 руб. (§15). Для сравнения: пенсия нижних чинов служащих Иркутского отделения Госбанка составляла около 500 руб. в год [14, с. 58]. Пособия предполагалось выдавать с периодичностью раз в 2 месяца (§ 16).

В декабре 1898 г. Министерством земледелия и государственных имуществ в текст Положения о капитале было внесено уточнение: «Право на получение пособий сохраняется и за теми лицами, кои пострадали до утверждения сего Положения» [15, с. 45].

Прошения рабочих и их семей должны были поступать в Иркутское Горное управление (§ 17). Их рассмотрением и назначением пособия занималось специально создаваемое Присутствие по горнозаводским делам при Иркутском Горном Управлении. Заседания Присутствия должны были проходить не реже 1 раза в месяц. В обязанности Присутствия входило наблюдение за правильным хранением и расходованием процентов с капитала, взаимодействие с представителями администрации и золотопромышленниками, сбор сведений о нуждающихся рабочих и их семьях (§ 6).

Присутствие по горнозаводским делам должно было вести подробный список всем лицам: а) получающим из Капитала пенсии; б) получающим продолжительные пособия; в) получившим единовременные пособия, и г) обратившимся с ходатайством об оказании помощи, но «по недостатку свободных сумм его не получившим» (§ 11).

Ведение же делопроизводства по выдаче пособий поручалось по выбору Присутствия по горнозаводским делам при Иркутском Горном Управлении, особому лицу, служащему в этом Управлении, которому назначалось Присутствием

вознаграждение за этот труд из процентов с капитала в 10 000 руб., внесенных жертвователем в этой целью (§ 19).

Выдача пособий рабочим должна была начаться не позднее, чем через полгода после утверждения Положения о капитале.

До времени создания Присутствия заведование Капиталом возлагалось на особый комитет (§ 4). В него вошли: от МВД — губернский секретарь В.В. Мартин, от золотопромышленников Витимской системы Якутской области — уполномоченный «Компании Промышленности» — А.А. Шамарин, представитель жертвователя — Н.Н. Стрижев, от Иркутского Общества врачей Восточной Сибири — доктор П.П. Асташевский, а также губернский прокурор Н.И. Харизоменов. Возглавил Комитет начальник Иркутского Горного Управления горный инженер И.С. Боголюбский [16, л. 26, 36, 44, 45, 52]. 15 декабря 1894 г. Комитет официально открыл свои действия.

В первый год функционирования Капитала (1895 г.) было выплачено 6 пенсий (720 руб.) и 2 пособия (156 руб.). На 1 января 1897 г. было выплачено уже 10 пенсий (1092 руб.) и 6 пособий (612 руб.). В последующие годы число рабочих, получающих пособия, и объем самих выплат возрастает. Так, в 1898 г. была выдана 31 пенсия (3168 руб.) и 14 пособий (1692 руб.) [17, с. 76]. В течение 1899 г. пожизненная пенсия была назначена еще 22 рабочим (2460 руб.) и 2 рабочим — продолжительные пособия (180 руб.). Всего же в 1899 г. состоялось 13 заседаний Присутствия по горнозаводским делам, было выдано пенсий на сумму 4561 руб. и продолжительных пособий — на 2290 руб. [18, л. 31–32].

К 1 января 1900 г. пенсиями пользовались уже 50 рабочих и членов их семей, 15 заявителей получали продолжительные пособия [там же, л. 32].

Подводя итог 5-летию функционирования Капитала, Присутствие по горнозаводским делам отмечало: «Из 5-летнего опыта выдачи пособий видно, что ежегодно сумма назначений всех видов пособий не поглощает поступающих процентов с капитала, поэтому расходный капитал возрастает быстрее, чем расход из него на выдачу пособий. Так как на выдаваемые пособия расходуется сполна причитающиеся проценты с капитала, то на оставшийся избыток процентов, получаемых по купонам с неприкосновенного капитала и с обращенного в государственные процентные бумаги остатки расходного капитала, журналами присутствия на основании 2-го примечания к § 3 Положения о капитале приобретены процентные бумаги на сумму номинальной стоимости 13 300 руб. Общий запасный расходный капитал увеличился к 1900 г. до 82 376 руб. 2 коп.» [там же, л. 32].

В течение 1901 г. пенсии были назначены 55 рабочим (4740 руб. в год) и двум вдовам с детьми (216 руб. в год). Продолжительные пособия получили 45 рабочих (3348 руб. в год), единовременные — два рабочих (75 руб. 32 коп.). Всего же на 10 заседаниях Присутствия было рассмотрено 119 заявлений [18, л. 5–5об]. Как и прежде, среди получателей были люди разных сословий и национальностей, уроженцы не только Сибири, но европейской России и Средней Азии. Крестьяне, мещане, нижние воинские чины, поселенцы и ссыльно-поселенцы — несколько сотен человек, кому пособия помогали выжить.

На 1 января 1902 г. из Капитала выплачивалось уже 138 пенсий (13 728 руб.) и 65 продолжительных пособий (5384 руб.) [18, л. 12]. Через 3 года, на 1 января 1905 г. при капитале числилось 123 пенсионера (2180 руб.), было выдано 261 продолжительное пособие (18 764 руб.) и 31 пособие единовременное (1095 руб.) [17, с. 76]. Среди получателей — ссыльно-поселенец Василий Иванович Рожков: в 1904 г. получал по 6 руб. в месяц [19], вдова Дергунова: с октября 1900 г. по январь 1907 г. она ежемесячно получала по 10 руб. [20].

Функционирование Капитала продолжалось и в следующие годы. Только на четырех заседаниях комитета в марте — сентябре 1916 г. было рассмотрено 97 ходатайств [21, л. 96, 109; 22, л. 3, 5], на шести заседаниях в феврале — декабре 1917 г. — 533 заявления приисковых рабочих [21].

Важно отметить, что эффективность функционирования Капитала являлась предметом пристального внимания общественности. В 1912 г. в журнале «Сибирские вопросы» вышла статья с резкой критикой сложившейся практики выдачи пособий из Капитала. Основную причину создавшейся ситуации автор материала видел в том, что «дело попало в руки чиновников, несколько не заинтересованных в возможно полном достижении цели и сразу же отнесшихся к нему чисто формально» [23, с. 22]. Отмечалось, что «вина в этом всецело падает на заведующее делом казенное учреждение купно с окружным инженером Ленского горного округа, своим формализмом и бездушием в сильной степени обесценивших дар жертвователя» [там же, с. 25]. Подчеркивалось, что «существование и назначение Капитала Сибирякова остается неизвестным... широкой массе рабочих. Обращавшиеся же за помощью направлялись куда следует случайно частными лицами, главным образом, двумя врачами Протасовым и Абрамовичем и, несомненно, составляют незначительную часть всех нуждающихся в пенсии или пособия и имеющих на то право» [там же, с. 24–25].

Один из последних списков лиц, получающих пособия, был составлен 26 октября 1917 г. [21, л. 71]. За период с 1 мая по 1 ноября 1917 г. одиннадцати рабочим было начислено 227 руб. Один из них получал пожизненную пенсию по 6 руб. в месяц, другие 10 человек пользовались пособиями от 6 до 12 месяцев, получая ежемесячно 3–5 руб.

Установление Советской власти в Иркутске имело свои особенности. Противостояние противоборствующих сторон продолжалось до декабря и вылилось в вооруженное столкновение. Последнее заседание Комитета по заведованию Капитала прошло 7 декабря 1917 г. [там же, л. 89], а на следующий день в городе началось вооруженное столкновение. Почти две недели в Иркутске шли ожесточенные бои. С установлением советской власти в январе 1918 г. местное отделение Госбанка, где хранился Сибиряковский капитал, перешло в подчинение Государственному банку РСФСР. Функционирование Капитала имени М.А. Сибирякова было прекращено.

Список использованной литературы

1. Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности в России XIX века: «Приступить к учреждению ... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» / Г.Н. Ульянова // Материалы XXII общероссийской ежегодной богословской научной конференции, организуемой Свято-Тихоновским богословским университетом. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. — С. 215–218.
2. Бессолицын А.А. «Вѣчный вкладъ»: целевые капиталы как основа филантропии с дореволюционной России / А.А. Бессолицын, Н.И. Гаврилова, Е.Н. Грачева, Е.Ю. Сафонова, Г.В. Филимонова. — Москва, 2021. — 162 с.
3. Волошина А.В. Целевой капитал как средство развития социальной инфраструктуры дореволюционной Москвы (на примере городских больниц) / А.В. Волошина // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2022. — Т. 13. — № 4. — С. 26–41.
4. Маслова И.В. Целевые капиталы как форма организации благотворительной деятельности в дореволюционной и современной России / И.В. Маслова // Вопросы истории. — 2023. — № 3–2. — С. 84–93.
5. Комлева Е.В. «С капитала, навсегда им пожертвованного...»: эндаументы в купеческой среде Сибири (XIX — начало XX века) / Е.В. Комлева // Журнал Фронтальных исследований. — 2022. — № 4. — С. 42–58.
6. Положение о Сиропитательном Доме в Иркутске и частном при нем банке // Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 2. — Т. XI. — № 9332. — Санкт-Петербург, 1833. — С. 741–747.
7. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 годы / Н.С. Романов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. — 544 с.
8. Гаращенко А.Н. Здания Ивано-Матренинской детской больницы / А.Н. Гаращенко // Иркутск: события, люди, памятники : сб. ст. по материалам журн. «Земля Иркутская» / сост. А.Н. Гаращенко. — Иркутск : Оттиск, 2006. — С. 425–432.
9. Семевский В.И. Крупное пожертвование в пользу рабочих / В.И. Семевский. — Санкт-Петербург, 1894. — 15 с.
10. Архив Российской академии наук (РАН). — Ф. 489. — Оп. 3. — Д. 630.
11. Архив РАН. — Ф. 489. — Оп. 3. — Д. 30.
12. Положение о Капитале имени М.А. Сибирякова // Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 3. — Т. XIV. 1894. — № 10403. — Санкт-Петербург, 1898. — С. 96–97.
13. Положение о Капитале имени М.А. Сибирякова // Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 3. — Т. XIV. 1894. — № 10403. — Приложение «Штаты и табели». — Санкт-Петербург, 1898. — С. 78–80.
14. Гаврилова Н.И. Служащие сибирских региональных отделений Государственного банка второй половины XIX — начала XX в.: динамика социального состава (по материалам Иркутского отделения Госбанка) / Н.И. Гаврило-

ва // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. — 2018. — Т. 26. — С. 52–61.

15. О дополнении Положения о капитале имени М.А. Сибирякова для выдачи пособий приисковым рабочим в Якутской области // Горный журнал. — 1899. — Т. 1. — Февраль. — С. 45.

16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 135. — ОЦ. Д. 17.

17. Зиновьев В.П. Страхование горнорабочих Сибири в конце XIX — начале XX вв. / В.П. Зиновьев // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 407. — С. 73–77.

18. ГАИО. — Ф. 135. — Оп. 1. — Д. 1650.

19. ГАИО. — Ф. 135. — О. Д. 96.

20. ГАИО. — Ф. 135. — Оп. 1. — Д. 1939.

21. ГАИО. — Ф. 135. — Оп. 1. — Д. 1847.

22. ГАИО. — Ф. 135. — Оп. 1. — Д. 1791.

23. Я. С-ча. Сибиряковский капитал / Я. С-ча // Сибирские вопросы. — Санкт-Петербург, 1912. — С. 19–36.

Информация об авторе

Гаврилова Наталья Игоревна — к.и.н., старший научный сотрудник научно-исследовательского центра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: nig2312@yandex.ru.

Author

Gavrilova Natalya Igorevna — Ph.D. in History, Senior Researcher at the Scientific Research Center of Russian History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: nig2312@yandex.ru.

О РОЛИ ТЕАТРА В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматривается роль театра в общественной и культурной жизни губернского и областного центров Восточной Сибири — Красноярска и Читы второй половины XIX в. Театральная и музыкальная жизнь городов представляет собой важный показатель развития культуры. В этой области проявлялась в том числе и частная инициатива чиновников, которые стремились сделать провинциальную жизнь более интересной и отвлечься от бюрократического однообразия. Поэтому чиновники сыграли большую роль в судьбе Красноярского театра, которым занималось городское самоуправление и общество любителей театра. В Чите профессиональный театр так и не появился, но существовала театральная самодеятельность, которая помогала скрасить провинциальное существование, восполнить дефицит культурного общения и реализовать свои способности и таланты.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; театр; чиновничество; Чита; Красноярск; генерал-губернаторы; культурная жизнь.

А.А. Kuznetsov

ON THE ROLE OF THE THEATER IN THE SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF THE CITIES OF EASTERN SIBERIA IN THE POST-REFORM PERIOD

The article examines the role of theater in the social and cultural life of the provincial and regional centers of Eastern Siberia — Krasnoyarsk and Chita in the second half of the 19th century. The theatrical and musical life of cities represents an important indicator of the development of culture. In this area, there was also a private initiative of officials who sought to make provincial life more interesting and distract from bureaucratic monotony. Therefore, officials played a large role in the fate of the Krasnoyarsk Theater, which was engaged in urban self-government and a society of theater lovers. A professional theater never appeared in Chita, but there was an amateur theatrical activity that helped to brighten up the provincial existence, fill the shortage of cultural communication and realize their abilities and talents.

Keywords: Eastern Siberia; theatre; officialdom; Irkutsk; Chita; Krasnoyarsk; governor generals; cultural life.

Театр как важный элемент культурной жизни общества появился в России значительно позже, чем в европейских странах, где эта традиция имела корни

еще в античности. В нашей культуре самостоятельному зарождению или заимствованию театрального искусства долгие века препятствовал ряд обстоятельств (в первую очередь противодействие со стороны православной церкви) и потому только при дворе царя Алексея Михайловича в последние годы его правления были предприняты первые осторожные попытки создания придворного театра.

Настоящее включение театра в отечественную культуру произошло только благодаря петровским реформам. Он довольно быстро превратился в одно из любимых развлечений образованной части общества, но одновременно также воспринимался как важная часть учебного и воспитательного процесса в создаваемой государством системе элитного образования. Учащиеся Шляхетского корпуса или Смольного института именно через свой учебный театр живо общались к идеям эпохи Просвещения и достижениям европейской культуры. Синтетическая природа театрального искусства позволяла соединить на сцене художественную литературу, живопись, музыку, пение, танец и пластику. Это оказывало очень сильное воздействие на всех вовлеченных в процесс.

Кроме того, довольно скоро стало понятно, что театр способен активно влиять на формирование общественного мнения. В отсутствие открытой прессы и политических свобод даже для дворянства театральная сцена давала возможность для метафорического выражения определенных идей и ценностей, протеста против уродливых явлений общественной жизни. Иногда сама власть поощряла довольно острое осмеяние со сцены тех или иных пороков или социальных проблем, если считала это полезным. Поэтому, например, Екатерина Великая вполне благожелательно воспринимала сатирические образы из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», а ее внук Николай с удовольствием смотрел «Ревизор» Н.В. Гоголя. С другой стороны, цензура очень бдительно следила за деятельностью драматургов и репертуаром театров, поскольку хорошо понимала воздействие театра на сознание общества.

В рамках новой повседневной культуры европеизированного русского дворянства, чиновничества и формирующейся интеллигенции постепенно сложилась интересная традиция любительского домашнего театра. Конечно, речь не о специфическом феномене русского крепостного театра, который в определенном смысле был профессиональным. Его участники обычно получали специальную подготовку и занимались этим отнюдь не по собственной инициативе. Зачастую крепостные актеры и музыканты были очень высокими профессионалами своего дела.

В данном случае подразумеваются те театральные представления, которые собственными силами готовили и показывали в своем кругу сами представители образованной российской элиты. Предпосылкой для этого служили те навыки, которые предполагало их воспитание — умение танцевать и музицировать, знакомство с художественной литературой. Домашний театр был в этом кругу не только развлечением и удовольствием, но также немаловажным способом самореализации для тех из них, кто обладал художественными способностями (или полагал, что обладает). Особенно актуально это было для жителей отдаленных

от центра провинциальных городов, где настоящий театр отсутствовал или находился в зачаточном состоянии.

Восточная Сибирь с этой точки зрения в пореформенную эпоху представляла собой пространство, где театральная культура только начинала формироваться под влиянием столичной культурной жизни. Приезжавшие из центра страны чиновники и члены их семей, политические ссыльные и другие оказавшиеся за Уралом представители образованной элиты пытались по мере возможности сохранить привычные увлечения и формы досуга. С другой стороны, сами образованные сибиряки активно стремились способствовать развитию театральной традиции в своих родных городах

Города Восточной Сибири в тот период были слишком малы и отдалены от центра, чтобы иметь развитую театральную культуру с достаточно долгой традицией. Постоянный профессиональный театр в то время был только в Иркутске. В других городах этого региона увлеченные театром чиновники могли реализовать свое пристрастие только благодаря заезжим гастролерам или постановке самодеятельных спектаклей. Среди образованной части населения этих городов было широко распространено увлечение самодеятельным театром.

Красноярск, другой крупный губернский город Восточной Сибири, имел стационарный деревянный театр, появившийся в конце 1850-х гг. Это довольно большое и эффектное здание с высокими галереями-портиками построили на месте пересыльной тюрьмы на Староострожной площади, переименованной позднее в Театральную. Репертуар красноярского театра был обычным для русской сцены того времени — водевили, комедии и бытовые драмы А.Н. Островского [1].

На примере Красноярска хорошо заметно то, как с развитием города и ростом его населения росли культурные запросы горожан, в том числе и их интерес к театру. Большое влияние на это оказало также и бурное развитие золотопромышленного бизнеса, способствовавшее созданию больших капиталов. Любовь к театральному искусству в первое время удовлетворялась, как правило, за счет посещавших город гастрوليрующих трупп. Однако художественный уровень их постановок и состав репертуара далеко не всегда соответствовали высоким вкусам хорошо образованной публики. Кроме того, заезжие артисты не могли обеспечить жителям города возможность постоянно радовать себя посещением театра.

В 1868 г. иркутский купец 2 гильдии И. О. Краузе обратился к губернской администрации с просьбой «об отдаче в 24-летнее арендное содержание участка земли» с целью строительства нового театра. Поскольку у него уже был опыт организации театра в Иркутске, представители власти решили в 1870 г. выделить ему участок на Староострожной площади [2]. Благодаря этому вскоре на месте старого театра появилось новое здание для театральных представлений. Оно, как и предшествующее, тоже было деревянным. Но для строительства капитального каменного театра требовалось, конечно, гораздо больше средств.

Как и в любом другом российском городе, постановки красноярского театра и вообще всю антрепренерскую деятельность И.О. Краузе контролировали губерnsкие власти. Но если возникали какие-то спорные вопросы, то ловкий

антрепренер, используя свои связи в Иркутске, время от времени обращался за помощью к генерал-губернатору. Например, в апреле 1870 г. он жаловался М.С. Корсакову на действия местных властей по довольно обычному тогда поводу. Красноярская администрация не позволяла ему организовывать театральные представления во время Пасхи, хотя генерал-губернатор дал на это свое разрешение.

Следует отметить, что запрет на устройство разного рода развлечений в определенные дни церковного календаря был тогда обычной практикой и серьезной проблемой для российских антрепренеров. Обойти его можно было при помощи определенных уловок (например, концертный вариант исполнения отрывков спектакля). Но надежнее всего было опереться на поддержку первых лиц в администрации, которые своей властью могли обходить такие запреты. По просьбе И.О. Краузе председательствующий в Совете ГУВС генерал Н.П. Дитмар телеграфировал находившемуся в Верхнеудинске М.С. Корсакову жалобу обиженного антрепренера и уже через два дня в Красноярск губернатору ушла телеграмма с предписанием разрешить представления [3].

Судя по всему, образованное общество в Красноярске было тогда активно увлечено театром. В начале 1870-х гг. спектакли своими силами ставили и местные любители Мельпомены, в них охотно принимала участие городская интеллигенция и чиновничество. Некоторые из них достигали в этом заметного успеха. Например, известный красноярский общественный деятель статский советник И.Т. Савенков, отдавший много времени и творческих сил театру, был прекрасным актером.

В это же время в Красноярске предпринималась и попытка создания постоянной труппы профессиональных артистов. В 1874 г. антрепренер А. Егоров организовал в Красноярске такую труппу, но вскоре она распалась. Из ее остатков сложилось первое в Сибири актерское товарищество, которое тоже просуществовало недолго из-за трудностей финансового характера [4]. В декабре 1874 г. генерал-губернатору Восточной Сибири П.А. Фредериксу поступило из Красноярска прошение от Е.Г. Петухова, собравшего труппу из 8 актеров. Он просил генерал-губернатора разрешить выходить им на сцену. Красноярский полицмейстер не допускал этого под тем предлогом, что сам Е.Г. Петухов и большинство актеров его труппы были ссыльными. П.А. Фредерикс принял живое участие в этой коллизии. После непродолжительной переписки с енисейским губернатором тайным советником А.Д. Лохвицким он решил, что «ссылному Е. Петухову и труппе его, состоящей из ссыльных, не могут быть дозволены театральные представления» [5].

Все это свидетельствует о том, сибирская администрация очень серьезно относилась к профессиональному и самодеятельному театру на своей территории. На примере красноярского полицмейстера очевидно, что она пристально следила за его деятельностью, контролируя не только сами представления, но также активность антрепренеров и даже состав исполнителей. Интересно, что полицмейстер ставил в известность губернатора о состоявшихся спектаклях как о важных и достойных его внимания событиях. Так, 18 января 1877 г. он доносит

енисейскому гражданскому губернатору А.Д. Лохвицкому о том, что «антрепренер Новиков дал спектакль в пользу инвалидов. 83 рубля передано в Красноярское губернское казначейство» [6].

В 1880-е гг. красноярский театр управлялся дирекцией, состоявшей из члена городской думы с правами председателя и любителей драматического искусства, избираемых и утверждаемых городской думой. В соответствии с «Правилами по управлению театром» дирекция при заключении соглашения с антрепренерами должна была выговаривать право «...любителям давать до двух представлений в месяц с репетициями по вечерам в дни, свободные от представлений» [7]. Это свидетельствует о существенной роли любительского театра в культурной жизни города. С другой стороны, данное правило учитывало существующую реальность. Профессиональный театр еще не сложился, спектакли давались нерегулярно, постоянной труппы и антрепренеров в городе еще не было. Поэтому нужно было создать благоприятные условия для любителей, которые своими усилиями заполняли эту лакуну в культурном пространстве. «Играют приезжие артисты, иногда же дают спектакли с благотворительной целью любители из числа жителей Красноярска» [8].

Однако создание этих условий было не таким уж простым делом, поскольку в системе российского государства многие даже несущественные решения принимались на самом верху властной вертикали. Иногда это приобретало почти комический характер. Чтобы повысить свой статус, красноярские актеры-любители в 1883 г. попытались объединиться в официально утвержденное сообщество. Для этого они подготовили проект устава «Музыкального кружка», который был 3 октября 1883 г. отправлен енисейским губернатором И.К. Педашенко генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину на утверждение. Генерал-губернатор поручил рассмотреть ходатайство красноярских любителей театра члену совета ГУВС управляющему 4-м отделением А.Ф. Усольцеву, который был известным деятелем ВСОРГО и литератором. Тот изучил представленный документ и подготовил подробный аргументированный ответ. А.Ф. Усольцев сравнил красноярский проект с уставом иркутских любителей искусства и нашел его «составленным крайне неудовлетворительно», поэтому предложил изменить и доработать документ. Для этого А. Ф. Усольцев 6 декабря 1883 г. отправил в Красноярск экземпляр устава иркутского общества любителей музыки и литературы вместе со своими замечаниями и предложениями [9]. Но по каким-то неизвестным нам причинам новый проект устава красноярского Общества любителей музыки и литературы был отправлен в Иркутск только через два с половиной года, 12 июня 1886 г. В этом варианте он и был утвержден министром внутренних дел 29 октября 1886 г., о чем А.Ф. Усольцев уведомил И.К. Педашенко 5 декабря 1886 г. [10].

Таким образом, создание в Красноярске своего общества любителей театра растянулось на три года и вопрос об этом решался высшими чиновниками в столице страны с такой серьезностью, как будто речь шла об основании города или заключении международного соглашения. Тем не менее, красноярские любители

искусства, наконец, получили официальное разрешение заниматься тем, к чему стремились душой.

Инициаторами создания этого общества были статский советник, председатель губернского правления В.Н. Булатов и статский советник, директор Красноярской учительской семинарии И.Т. Савенков. После получения официального статуса В.Н. Булатов стал председателем общества, И.Т. Савенков — товарищем председателя [11]. Из них двоих именно И.Т. Савенков наиболее хорошо знал театр и разбирался в тонкостях театрального администрирования, поскольку с 1870-х гг. принимал активное участие в любительских спектаклях. С другой стороны, он как чиновник был и о. распорядителя театра и членом дирекции театра, а в 1880 г. составил «Проект правил по управлению Красноярским городским театром». По этим правилам театр и управлялся до передачи его обществу любителей [12]. В руководстве этого общества активную роль, конечно, играли не только В.Н. Булатов и И.Т. Савенков. Следует упомянуть и таких членов правления, как титулярный советник в отставке И.А. Матвеев, коллежский асессор, служащий банка С.В. Карпович, статский советник, преподаватель губернской гимназии И.Л. Регаме, коллежский советник, наставник учительской семинарии Д.В. Никитский, жена чиновника и общественного деятеля Н.А. Шепетковского З.И. Шепетковская [13].

Декларируемая направленность деятельности общества была довольно широкой, она значительно выходила за пределы собственно театрального искусства. Особый акцент делался на социокультурном значении его деятельности для жителей города. Своей целью оно ставило «распространять и поддерживать в г. Красноярске любовь к музыке, пению и литературе, преследуя не только удовольствие и развлечение, которые могут доставить эти искусства, но и способствуя усовершенствованию исполнителей, направлению и развитию новых сил и вообще стремясь придать своей деятельности свойственное музыке и литературе образовательное значение» [14].

Однако именно театр в силу своей синтетической природы давал наилучшую возможность реализовывать все эти заявленные цели. Поэтому вполне закономерным является стремление руководства общества иметь в своем распоряжении местный театр. По его инициативе функции попечения над театром были переданы обществу из ведения городской управы. Спустя 5 лет, в 1892 г. общество ходатайствовало о продлении срока владения театром еще на 5 лет и городская дума пошла навстречу этой просьбе, а в 1896 г. аренда театра была продлена еще на 2 года [15].

Интересен и вопрос о формировании репертуара сибирских театров. Конечно, он не мог кардинально отличаться от общероссийского. Основой его были дозволенные цензурой произведения русских и зарубежных авторов. Далеко не все они были шедеврами, многие пьесы (особенно столь любимые публикой водевили) были вполне заурядными. Однако в провинциальных городах всегда ощущалась потребность в местной драматургии. Были свои драматурги и в Красноярске. В 1891 г. в городском театре любителями была поставлена пьеса крас-

ноярского адвоката, поэта и драматурга Ф.Ф. Филимонова «В краях сибирских». Но енисейский губернатор действительный статский советник Л.К. Теляковский из соображений осторожности сразу после премьеры спектакль запретил, а автора даже хотел выслать. Его смутило то, что в пьесе Ф.Ф. Филимонова главными действующими лицами оказались ссыльные [16].

Следует понимать, что даже самые даже самые увлеченные и активные любители искусства не могли своими силами в полной мере удовлетворить потребности горожан в театральные представлениях. Поэтому при отсутствии постоянной профессиональной труппы большое значение приобретали заезжие гастролеры и деятельность организующих эти гастроли антрепренеров, арендовавших местные театральные здания. Судя по всему, местная сибирская администрация осознавала это значение и стремилась по возможности оказать помощь в организации гастролей. Поэтому антрепренеры нередко обращались к представителям власти, иногда даже высшей администрации генерал-губернаторства, по поводу возникавших у них проблем и решали их с помощью администрации, которая, как правило, реагировала оперативно и жестко. Например, 30 декабря 1893 г., в канун новогодних и рождественских праздников, антрепренер красноярского театра Мирон Васильев «с разрешения господина красноярского губернатора», явно побоявшегося лишиться горожан праздничных зрелищ, в пространной телеграмме пожаловался генерал-губернатору А.Д. Горемыкину на возникшее затруднение. Из-за некоего «еврея Хейсина», который обязался контрактом поставлять театру оркестр, но перед самыми праздниками нарушил контракт, перестал оркестр давать и «...пользуясь тем, что нет других музыкантов, ставит каждый день другие условия» антрепренер оказался в тяжелом положении. В результате случившегося он несет убытки, не может платить актерам и потому просит его высокопревосходительство «защитить меня и труппу от еврейской монополии» [17].

Нужно отдать должное А.Д. Горемыкину, который не стал принимать решения тотчас, но вместе с тем отнесся к ситуации вполне серьезно. В тот же день (!) он отправил красноярскому губернатору Л.К. Теляковскому ответную телеграмму, в которой просил губернатора оказать «антрепренеру Васильеву немедленное законное содействие» а о поведении Хейсина предоставить подробную справку. Из полученной спустя месяц докладной от красноярской администрации следовало, что Хейсин «поведения хорошего, под судом и следствием не состоял» однако в данном городе проживает без соответствующего разрешения. Генерал-губернатор на это отреагировал сразу же и приказал выслать Хейсина в г. Енисейск на место его причисления [18]. Из этого видно, что начальник края, при всей своей загруженности делами, не перекладывал на свою администрацию связанные с театром проблемы, а решал их лично и быстро.

Серьезной проблемой для развития профессионального и любительского театра в городах Восточной Сибири было его финансовое обеспечение. Материальные нужды театра покрывались за счет частных пожертвований членов общества и кассовых сборов. При довольно малой численности горожан это было сложно. Репертуар театра был очень велик, каждую неделю давалась премьера,

что плохо сказывалось на художественном уровне постановок и на выборе пьес. Нередко они были низкого качества. Однако театр знакомил зрителя и с лучшими образцами мировой и русской драматургии — пьесами В. Шекспира, Ф. Шиллера, А.С. Грибоедова, А.Н. Островского [19].

Но к концу XIX века красноярским любителям становится все труднее содержать театр. Их финансовые, организаторские и творческие возможности не позволяли делать это на должном уровне. Томич В. А. Долгоруков в своем «Путеводителе по Сибири» так описывает красноярский театр конца 1890-х гг.: «Благодаря местному обществу любителей драматического искусства, взявшему в долгосрочную аренду красноярский городской театр, и зимою красноярцы получают такое разумное развлечение, как спектакли, лишь урывками. Любители и сами дают только два-три спектакля в год, и профессиональным антрепренерам с трудом сдают театр, вследствие чего Красноярск вот уже несколько лет подряд не имеет постоянной труппы... Кроме того, лицам, не желающим рисковать своим здоровьем... положительно нельзя рекомендовать посещение Красноярского театра: он устроен во всех отношениях плохо, очень небезопасен в пожарном отношении, чрезвычайно холоден, так что сидеть в нем без верхнего платья опасно, тем более, что в нем вечно царят невыносимые сквозняки» [20].

Опасения В.А. Долгорукова относительно пожарной опасности театра вскоре подтвердились. Красноярский театр не миновала печальная судьба пострадавших от пожаров иркутских театров. В ночь с 14 на 15 октября 1898 г. его деревянное здание сгорело дотла. Незадолго до пожара начавшая в нем сезон-труппа разорилась, а ее антрепренер В. И. Розеноэр-Эрве покончил жизнь самоубийством [21]. Общество любителей искусства обратилось к городской думе с предложением восстановить театр, но дума отказала. Такие затраты, судя по всему, не вписывались в городской бюджет. Поэтому к концу XIX в. Красноярск остался как без здания театра, так и без труппы. Однако потребность в этом виде искусства сохранялась. Театральные представления в Красноярске возобновились после некоторой паузы. В 1902 г. их начали давать в народном доме-театре, построенном на пожертвования красноярцев по инициативе общества попечения о начальном образовании совместно с любителями драматического искусства.

В целом же можно отметить, что красноярский театр во второй половине XIX в. находился в куда более худших условиях, чем иркутский. В Иркутске, где театр нередко был в центре внимания администрации, улучшению его положения парадоксальным образом отчасти способствовали пожары. Возникала очередная необходимость восстановления сгоревшего театрального здания, администрация активно участвовала в этом процессе и в результате начальники края относились к вновь отстроенным театрам как к своим детищам, заботились о них.

В Красноярске же театр оказался пасынком губернской администрации. Его делами управляла городская дума, а в последние 13 лет XIX в. он вообще был передан Обществу любителей драматического искусства, у которого не было достаточных средств даже на текущий ремонт театра. Да и качественные театральные постановки тоже, как правило, невозможны без довольно больших финансовых

вложений. С другой стороны, развитие актерского мастерства и искусства режиссеров в профессиональном театре оставляло все меньше шансов для любителей составить ему достойную конкуренцию. Поэтому, как ни старались любители драматического искусства Красноярска (а среди них было немало талантливых людей, достойных общественных деятелей и чиновников, больших любителей театра), без помощи губернской администрации они так и не смогли дать городу достойное культурное учреждение.

Следует также отметить, что подобные процессы развивались в общественной и культурной жизни не только губернских городов, но и областных центров Восточной Сибири. Образованная часть их населения (прежде всего, конечно, чиновники) также стремилась с помощью театра и музыки сделать провинциальную жизнь насыщеннее и разнообразнее. Хорошим примером проявления этих тенденций является Чита. Она стала областным центром в 1851 г., в результате чего ускорилось развитие экономики и культуры, в городе появился кружок любителей драматического искусства. Толчком к возникновению любительского театра была инициатива местных энтузиастов, отвечавшая назревшим потребностям читинского общества, в котором значительную роль играли чиновники и военные.

Бывший чиновник особых поручений при губернаторе Забайкальской области М.С. Корсакове Н.П. Поливанов писал в своих воспоминаниях: «В Чите устраивался приют для сирот, и мы надумали устроить в его пользу спектакль», — явно подразумевая под местоимением «мы» чиновников областной администрации. Ставить решили комедию Грибоедова «Горе от ума» и какой-то водевиль. Автор воспоминаний попробовал себя в качестве декоратора. Все роли исполнили местные любители театрального искусства, проявившие в этом свой талант. Помощь губернатора выразилась в том, что он предоставил для спектаклей подходящее помещение — залу атаманского дома. Усилия участников увенчались успехом, поскольку в пользу приюта удалось собрать более 100 руб. (по тем временам, достаточно большая сумма). С особым удовольствием Н.П. Поливанов вспоминает о том, что некий присутствовавший на представлении москвич сказал, что забылся, думая, что в Малом театре [22]. Этот эпизод позволяет утверждать, что именно чиновники оказались основателями любительского театра в Чите. Благодаря их энергии и инициативе горожане получили возможность приобщиться к искусству Мельпомены.

Более простым и доступным вариантом любительского театрального представления была постановка так называемых живых картин, которые устраивали перед балами и на праздники. Они представляли собой некий вариант пантомимы или композиции, участники которой изображали известное художественное произведение, историческое событие или общественное явление. Это требовало значительно меньше усилий, творческих способностей и навыков, чем участие в полноценном спектакле. Тематика картин обычно перекликалась со вкусами участников представления и зрителей, общественными настроениями, резонансными событиями. Это хорошо заметно, если проанализировать названия живых

картин, поставленных чиновниками областного правления в Чите в атаманском (губернаторском) доме на рождество 1860 г. к приезду генерал-губернатора Н.Н. Муравьева: «1. Девочка с крынкой молока на голове... ; 2. Русская пляска... ; 3. Аллегория: река Амур... через которую китаец передает Русскому крестьянину корзину с плодами; 4. Все народы Восточной Сибири в национальных костюмах, перед ними Русский крестьянин держит на блюде хлеб-соль. При этом оркестр играл Амурский марш. Картины чрезвычайно удались, граф Муравьев был очень доволен... » [23]. В самом деле, графу было очень приятно увидеть эти аллегории, отражавшие его успешную административную деятельность и идиллию в общественной жизни.

В этот же период в Чите появился любительский драматический кружок. Его деятельность началась в 1857 г. с постановки спектакля «Свадьба Кречинского» по пьесе А.В. Сухова-Кобылина, который прошел с большим успехом. Следует отметить, что это достаточно сложная пьеса, такой выбор указывает на большие амбиции участников кружка. Это подтверждается и тем, что в дальнейшем их репертуар включал серьезные произведения (например, сцены из «Гамлета» и др.) [24].

Деятельность этого кружка определенно повлияла на рост интереса к театру в образованной верхушке читинского общества. Среди ее представителей все большую популярность приобретали домашние спектакли, которые из приятного времяпрепровождения для отдельных семей все чаще становились событием, интересующим едва ли не все читинское общество [25]. Для многих жителей Читы и приезжих эти спектакли были самыми яркими и запоминающимися моментами в довольно скучной и монотонной провинциальной жизни.

Известный ученый и философ князь П.А. Кропоткин, вспоминая свою службу чиновником особых поручений в Чите в 1862–1866 гг., писал: «Чтобы уже не обойти молчанием ни одного из «явлений нашей общественной жизни», оживлявших на время хотя бы часть общества, скажу, что у нас устроился спектакль... приходилось бороться с недостатком играющих на сцене дам и с трудностью выбора пьес, так как в Чите нет библиотеки» [26]. Отсутствие библиотеки очень существенно характеризует всю глубину проблем в развитии культуры Читы того периода. Библиотека — базовое культурное учреждение, без которого жизнь образованной части городского общества в XIX в. уже не может быть нормальной. Впрочем, в скором времени этот недостаток был исправлен. Для читинцев, например, одним из последствий отсутствия библиотеки в тот период были проблемы с выбором пьес для любителей театра. Их репертуар отличался крайней пестротой. Объяснялось это не столько отсутствием вкуса и неразборчивостью читинских поклонников Мельпомены, сколько отсутствием у них больших возможностей для выбора. Однако можно отметить, что предпочтение они чаще всего отдавали бытовому психологическому реализму на сцене. Их привлекали понятные и близкие сюжеты, герои, обстоятельства. Поэтому преимущество было на стороне классической и современной отечественной драматургии (пьесы Н.А. Островского, А.П. Чехова, А.В. Сухова-Кобылина, Н.В. Гоголя) [27].

Состав читинского кружка любителей театра был достаточно пестрым по социальному составу, но объяснимым в существовавших обстоятельствах: местная интеллигенция, купцы, но в основном военные и чиновники, которых заносила в Читю служба, т. е. все более-менее образованные люди с выраженными культурными запросами. Именно они были инициаторами постановки спектаклей, так как имели зрительский опыт и потребность в театральном зрелище, а также определенные знания и навыки (знакомство с литературой, умение музицировать, петь и танцевать).

Не стоит также забывать о том, что любительские спектакли часто устраивались не только с развлекательными, но и с благотворительными целями. В этом случае участники такого представления не без основания могли считать себя выполняющими важную общественную функцию. Благотворительность для верхушки российского общества к этому моменту давно уже стала частью поощряемого властями и церковью поведения, элементом хорошего тона. Если спектакль имел благотворительные цели, это возвышало его участников в своих глазах и в глазах общества, придавало их деятельности дополнительный смысл.

Однако для успешной и постоянной работы провинциального любительского театра недостаточно было одного энтузиазма его участников. Зачастую обстоятельства не способствовали их увлечениям. Например, многие чиновники и военные по долгу службы меняли место жительства, а это могло лишить кружок его активных участников. Источники показывают, что после 1860-х гг. в деятельности читинского кружка любителей театра, видимо, был довольно длительный перерыв. Следующий кружок любителей театра появился в городе только в 1893 г.

Однако традиция любительского театра полностью не исчезала, нерегулярные театральные представления в Чите все же были время от времени. В своих воспоминаниях о Восточной Сибири американский путешественник Дж. Кеннан, посетивший Читю в середине 1880-х гг., упоминал: «В городе есть библиотека, хорошая народная школа и большое здание, в котором бывают иногда театральные представления. Т. о. и в общественном значении Чита может считаться важнейшим городом области» [28].

Интересно рассмотреть те причины, по которым люди вовлекались в деятельность любительского театра. Они были весьма различны. В большинстве случаев, конечно, это было очевидное стремление избавиться от скуки провинциальной жизни, завести новые знакомства, создать привычную культурную атмосферу, приятно провести время на репетициях. Если спектакли были благотворительными, то к этому прибавлялось ощущение общественной значимости участия в их постановке, причастности к полезному и важному делу. Были среди любителей театра и те, кто искренне желал посредством спектаклей способствовать культурному просвещению горожан. В этом смысле они следовали давно сложившимся в обществе традициям.

Для официальных лиц участие в деятельности любительского театра давало дополнительную возможность улучшить свой имидж, прославив активным деятелем на поприще культуры. Хорошим примером этого являлся вице-губерна-

тор Н.Ф. Ницкевич, он был инициатором и руководителем кружка любителей музыки, пения, литературы и драматического искусства в 1895–1896 гг. Позже его в этом качестве сменил генерал-майор А.Г. Сандецкий, начальник штаба войск забайкальской области. Чиновники такого уровня располагали множеством дополнительных возможностей за счет использования своего служебного положения поддержать деятельность любительского театра. Например, А.Г. Сандецкий позволял любителям театра использовать для постановок военное собрание, так как своего помещения они не имели [29].

Возможно, активное участие чиновника высокого ранга было одним из главных условий успешной деятельности провинциального любительского театра. На примере Читы мы видим, что возглавляемый Н.Ф. Ницкевичем кружок образовался в 1893 г. и уже в 1896 г. насчитывал 140 членов [30]. Под руководством вице-губернатора любители театра энергично пытались восполнить отсутствие в городе профессионального театра. Они не только ставили спектакли, но и т. наз. устраивали «кружковые пятницы» с целью популяризировать театральное искусство. Деятельность эта была настолько важным элементом городской культурной жизни, что ее регулярно, практически еженедельно, освещала газета «Жизнь в Восточной окраине». Автор одной из таких заметок в январе 1896 г. жалуясь на скудость и однообразие местных развлечений в период рождественских и новогодних праздников, писал: «Праздничный пробел этот представители артистического кружка любезно обещают пополнить в ближайшем будущем рядом спектаклей и литературно-музыкальных вечеров... не могу не упомянуть о кружковых «пятницах», о которых могу только пожалеть, что их не семь на неделе...» [31].

Автор этой статьи особо отмечает заслуги руководства кружка, благодаря которым его деятельность приобрела такой размах и значение. По сути дела, это были единственные зрелищные мероприятия, доступные тогда жителям Читы. И те достаточно высоко ценили возможность посещать любительские представления — билеты на спектакли и вечера раскупали за несколько дней до их начала. Часть спектаклей члены читинского кружка устраивали с благотворительными целями. Например, 26 января 1896 г. это сделали, чтобы материально поддержать проезжавшего через Читку старика-артиста. 8 мая этого же года спектакль «Доходное место» был дан в пользу публичной библиотеки, в июле сбор от спектакля «Лес» по пьесе А. Н. Островского передали больной горожанке, в августе был дан спектакль в поддержку народных чтений и др.

Все это свидетельствует о том, что читинский любительский театр уже через три года после своего возникновения стал важным центром культурной и общественной жизни города. А залогом этого успеха явно послужило активное участие высокопоставленного чиновника и использование административного ресурса. Горожане хорошо осознавали ту огромную роль, которую в деятельности любителей театра играл вице-губернатор Н. Ф. Ницкевич. Когда он на отчетном собрании кружка в октябре 1896 г. отказался от должности его председателя, по Чите распространились слухи о «прекращении существования кружка» [32].

К счастью, этого не произошло, читинские любители театра продолжили радовать земляков своим творчеством.

Хотя в руководстве кружка произошли некоторые изменения, общий характер ситуации остался прежним — основную роль в нем все также играли чиновники, военные и государственные служащие. Председателем кружка стал генерал-майор А.Г. Сандецкий, распорядителем музыкальной части — надворный советник, член Забайкальского статистического комитета М.Ю. Арнольд (в конце 1880-х гг. он был секретарем Иркутского общества любителей музыки и литературы), распорядителем общих дел — военный следователь, подполковник А.М. Ермаковский. Руководство драматической частью возложили на сотника, учителя военной гимназии В.Н. Николаева, казначеем и секретарем стал надворный советник, управляющий 4 отделением Забайкальского областного правления К.С. Евтушевский (его позднее заменил на этом посту титулярный советник, заседатель Забайкальского окружного суда И.М. Шишковский). Из пяти членов и кандидатов в члены ревизионной комиссии все были чиновниками. Таким образом, все руководство кружка состояло из чиновников — 70 % и военных — 30 % с явным, как мы видим, преобладанием чиновников. Местом устройства собраний и вечеров кружка было определено военное собрание [33].

С новым руководством кружок продолжил свою активную деятельность в привычных уже формах: любители театра знакомили публику с новыми пьесами, проводили традиционные пятницы. Их репертуар постоянно расширялся, новые спектакли ставились очень часто. Так, на окончание зимнего сезона 1897 г. правление предложило своим зрителям 8 пьес за 1 неделю:

- 16 февраля: «Свадьба Кречинского» и «Рассказ Мармеладова»;
- 19 февраля: «Бедность не порок» и водевиль «Барыня почивает»;
- 21 февраля: «На рельсах» и «По ревизии»;
- 23 февраля: «В родственных объятиях» и «Молчание» [34].

Это говорит не только о популярности любительских спектаклей и активности их организаторов, но также о том, круг посещающих эти вечера зрители достаточно невелик. Как и в других провинциальных сибирских городах, эта публика состоит в основном из чиновников и военных, членов их семей, а также самих участников драматического кружка. Потому репертуар нужно было постоянно менять и разнообразить. Участники кружка всеми силами стремились удерживать внимание своей публики.

Их усилиями в Чите удавалось развивать интерес к театру, хотя в городе не было ни постоянной театральной труппы, ни здания театра, а гастроли приезжих артистов случались редко. Но представители местной образованной элиты (прежде всего, чиновники) своими силами стремились воссоздать привычную атмосферу культурной жизни европейского города. С помощью театральной и музыкальной самодеятельности, которая помогала скрасить провинциальное существование, восполнить дефицит культурного общения и реализовать свои способности и таланты, они по мере возможности развивали и наполняли социокультурное пространство своих городов.

Таким образом, мы видим, что в общественной и культурной жизни городов Восточной Сибири пореформенного периода происходило постепенное утверждение театра как важной сферы творчества. Потребность в этом была очень велика и местное образованное общество проявляло большой интерес к театру. Появление и развитие профессионального театра в сибирских городах было затруднено по ряду объективных причин (прежде всего, этому препятствует отдаленность от центра страны, малая численность городского населения и экономические факторы). Но это частично восполнялось за счет развития самодеятельного театра, который опирался на уже сложившиеся в центральной части страны традиции театрального искусства, а также на развивающуюся в тот период национальную драматургию. В этом процессе обычно наиболее важную роль играло местное чиновничество как наиболее активная и влиятельная часть образованного населения сибирских городов.

Список использованной литературы

1. Быконя Г.Ф. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, Л.П. Бердников. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. — С. 139.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). — Ф. 173. — Оп. 1. — Д. 2238. — Л. 1.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 24. — Оп. 10. — Д. 199. — К. 1665. — Л. 10–12.
4. Лифшиц Л. Театр в Красноярске / Л. Лифшиц. — Красноярск, 1957. — С. 8.
5. ГАИО. — Ф. 24. — Оп. 9. — Д. 25. — К. 2034. — Л. 15–17.
6. ГАКК. — Ф. 595. — Оп. 1. — Д. 105. — Л. 1.
7. ГАКК. — Ф. 161. — Оп. 2. — Д. 1292. — Л. 3.
8. ГАКК. — Ф. 595. — Оп. 1. — Д. 2102. — Л. 1.
9. ГАИО. — Ф. 24. — Оп. 9. — Д. 32. — К. 2687. — Л. 1–3 об.
10. ГАИО. — Ф. 24. — Оп. 9. — Д. 32. — К. 2687. — Л. 8.
11. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. с адрес-календарем. — Красноярск, 1891. — С. 41.
12. ГАКК. — Ф. 173. — Оп. 1. — Д. 2450. — Л. 1–2.
13. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем. — Красноярск, 1890. — С. 41.
14. ГАИО. — Ф. 24. — Оп. 9. — Д. 32. — К. 2687. — Л. 11.
15. ГАКК. — Ф. 161. — Оп. 2. — Д. 1385. — Л. 16–18, 30. ; ГАКК. — Ф. 161. — Оп. 2. — Д. 2054. — Л. 1.
16. Быконя Г. Ф. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века / Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, Л. П. Бердников. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. — С. 269.
17. ГАИО. — Оп. 2. — Д. 105. — К. 113. — Л. 1.
18. ГАИО. — Оп. 2. — Д. 105. — К. 113. — Л. 4, 5.

19. Быконя Г.Ф. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, Л.П. Бердников. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. — С. 247.
20. Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России / В.А. Долгоруков. — Томск, 1897. — С. 51.
21. Лифшиц Л. Театр в Красноярске / Л. Лифшиц. — Красноярск, 1957. — С. 11.
22. Из воспоминаний Н.П. Поливанова о Восточной Сибири // Русский архив. — 1898. — № 12. — С. 577.
23. Из воспоминаний Н.П. Поливанова о Восточной Сибири // Русский архив. — 1898. — № 12. — С. 582.
24. Петряев Е.Д. Люди и судьбы. Очерки из истории культуры Забайкалья / Е.Д. Петряев. — Чита. — 1957. — С. 32–33.
25. Севостьянова Е.В. Любительский театр в Чите во второй половине XIX века / Е.В. Севостьянова // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Омск, 1995. — С. 162–164.
26. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири / П.А. Кропоткин. — Иркутск, 1983. — С. 67.
27. Севостьянова Е.В. Любительский театр в Чите во второй половине XIX века / Е.В. Севостьянова // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Омск, 1995. — С. 164.
28. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка (Очерки из жизни политических ссыльных) / Дж. Кеннан. — Санкт-Петербург, 1906. — Ч. 2. — С. 40.
29. Севостьянова Е.В. Любительский театр в Чите во второй половине XIX века / Е.В. Севостьянова // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Омск, 1995. — С. 163.
30. Памятная книжка Забайкальской области на 1896 г. — Чита, 1896. — С. 33.
31. Жизнь в Восточной окраине. — 1896 — 10 янв. (№ 6).
32. Жизнь в Восточной окраине. — 1896 — 10 янв (№ 173).
33. Памятная книжка Забайкальской области на 1896 год. — Чита, 1896. — С. 36.
34. Жизнь в Восточной окраине. — 1897. — 14 февр. (№ 31).

Информация об авторе

Кузнецов Алексей Александрович — к.и.н., доцент, кафедра отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: alalkuz@mail.ru.

Author

Kuznetsov Alexey Alexandrovich — Associate Professor, Department of Russian History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: alalkuz@mail.ru.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИКО-САНИТАРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассматривается проблема формирования медико-санитарных мероприятий в условиях массовых миграционных потоков, устремившихся в Иркутскую губернию в начале XX в. Приводятся факты и обстоятельства преобразования санитарной службы в Иркутской губернии с точки зрения ситуационного подхода, реализация мероприятий под влиянием разных волн мигрантов, указывает на отсутствие централизованного подхода в деле оказания медицинской помощи и проведении противоэпидемических мер. На основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, приводится статистика по оказанию медицинской помощи прибывшему населению.

Ключевые слова: Иркутская губерния; медико-санитарные мероприятия; беженцы; переселенцы; раненные; военнопленные; китайские рабочие.

I.V. Orlova

ORGANIZATION OF MEDICAL AND SANITARY MEASURES IN IRKUTSK PROVINCE IN THE CONDITIONS OF MIGRATION ACTIVITY OF THE POPULATION AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The article examines the problem of developing medical and sanitary measures in the context of mass migration flows that rushed to the Irkutsk province at the beginning of the 20th century. The article presents facts and circumstances of the transformation of the sanitary service in the Irkutsk province from the point of view of the situational approach, the implementation of measures under the influence of different waves of migrants, indicating the lack of a centralized approach to providing medical care and conducting anti-epidemic measures. Based on archival materials introduced into scientific circulation for the first time, statistics on the provision of medical care to the arriving population are presented.

Keywords: Irkutsk province; medical and sanitary measures; refugees; migrants; wounded; prisoners of war; Chinese workers.

Привлечения рабочей силы на строительство Транссибирской магистрали и легализация крестьянского переселения привели в движение российское население, сформировав массовые миграционные потоки на восточные окраины

империи, в том числе и в Иркутскую губернию. В 1896 г. было образовано особое Переселенческое управление, в компетенцию которого входило попечение об устройстве переселенцев на местах их водворения. В регионах, получивших статус переселенческих, были созданы комитеты Переселенческого управления и переселенческие пункты. Заинтересованность государства в закреплении «новоселов» на сибирских просторах отразилась не только на прокладке дорог, устройстве поселений, но и на формировании медико-санитарной части. В первую очередь, миграция переселенцев из европейской части империи, обусловила появление нового типа лечебных учреждений — переселенческих больниц и амбулаторий. Развитие железнодорожного сообщения и массовое перемещение людей способствовали выработке новых медико-санитарных регламентов, касающихся оказания медпомощи, санитарно-эпидемиологических норм на транспорте и предупреждения распространения инфекций.

В Иркутской губернии переселенческие больницы и амбулатории, наблюдательные пункты были организованы при Иркутском и Тулуновском переселенческих пунктах. Созданные, для оказания медпомощи прибывающим по Сибирской железной дороге на рубеже XIX–XX вв., эти учреждения сохраняли свою актуальность, становясь неотъемлемым элементом сети лечебных учреждений, обеспечивая амбулаторной и поликлинической помощью переселенцев разных волн: крестьян пореформенного периода, столыпинских аграриев-переселенцев, а также раненых, военнопленных и беженцев с территорий, охваченных Первой мировой войной, трудовых мигрантов из Китая.

Иркутская губерния, наряду с другими сибирскими регионами, была открыта для переселения еще с конца XIX в. Потоки прибывших переселенцев в пунктах регистрации обеспечивались направлением на работу, жильем, пайком, медицинским пособием. Длительное пребывание в скученных вагонах, пренебрежение санитарно-гигиеническими нормами в пути следования становились главными источниками «прилипчивых» болезней. Среди комплекса проблем, связанных с размещением прибывающего населения, постоянной угрозой был занос на территорию сибирских губерний эпидемических заболеваний. Архивные источники содержат сведения по контингенту Иркутской переселенческой больницы за период с мая по август 1901 г. За так называемую «майскую треть», медицинская помощь в больнице была оказана 204 больным, при этом спектр инфекционной патологии был весьма широк: корь (13 человек), дифтерит (1), инфлюэнца (13), дизентерия (3), крупозная пневмония (7), туберкулез легких (2), рожа (2), малярия (12), сифилис (2), болезни бронхов (12) [1, л. 30]. Только за август 1901 г. больница разместила 3 переселенцев и 28 самостоятельно прибывших ходяков, дневное содержание которых, с учетом содержания, лечения, затрат на комиссариатские припасы, вино и водку, составляло 36 коп. Одновременно амбулаторией Иркутского переселенческого пункта за тот же период было принято первично 39 переселенцев, 16 детей, 10 ходяков, старожил; повторно — 16 переселенцев и 12 прочих [там же, л. 1–2]. В условиях дефицита кадров Иркутская переселенческая больница привлекала гражданских фельдшеров.

В более сложных условиях находилась Тулуновская переселенческая больница. Это было связано со значительно большим объемом прибывающего контингента и скудными ресурсами села. Несмотря на то, что Транссиб послужил основным фактором для развития села Тулуновское и ко времени массовой миграции населения оно располагало приемным покоем, врачебным пунктом, вольной аптекой, село не было готово к приему переселенцев. На 1 августа 1901 г. в Тулуновском переселенческом пункте находились прибывшие из Центра России (126 взрослых и 73 ребенка, имеющих разрешение на переселение, 69 взрослых и 49 детей без разрешения, 23 человека со статусом «ходоки»), а также прибывшие из сибирских губерний (144 взрослых, 88 детей с разрешениями, 302 взрослых и 252 детей без разрешения, 609 ходоков) [2, л. 9]. В переселенческой больнице Тулуна на 1 августа 1901 г. было 46 взрослых, 19 детей, 6 ходоков [3, л. 21].

В табл. 1 представлены сравнительные данные по первым полугодиям 1903 и 1904 гг., которые демонстрируют превосходящее количество призреваемых переселенцев в Тулуновской переселенческой больнице.

Таблица 1

**Объем медицинской помощи,
оказанной переселенцам в переселенческих больницах***

Переселенческий пункт	Амбулаторных больных		Сделано посещений		Стационарных больных		Проведенных дней	
	1 полугод. 1903 г.	1 полугод. 1904 г.	1 полугод. 1903 г.	1 полугод. 1904 г.	1 полугод. 1903 г.	1 полугод. 1904 г.	1 полугод. 1903 г.	1 полугод. 1904 г.
Село Тулуновское	3 233	2 181	5 740	3 282	291	262	7 235	6 535
Город Иркутск	563	–	583	–		15	245	260

* Составлена по: [4, л. 22, 31].

Наиболее остро многоведомственное управление медицинской помощью проявилось в период всплеска миграции столыпинских крестьян. Популяризация условий переселения, введение ссуд (от льготного железнодорожного проезда до ссуды на домообзаводство) способствовали новому импульсу переселенчества за Урал. Вопросы: кого и за чей счет призывать, стали доминирующими в отчетных документах, направляемых в центр: «пока больница получит гарантии о направлении средств из ведомства, теряется драгоценное время для обнаружения инфекции и прекращения ее циркулирования в среде перемещающихся» [5, л. 24].

Одновременно в правительственных кругах остро обсуждался вопрос об организации врачебно-санитарного контроля на железнодорожном транспорте. Ситуация осложнялась угрозой заноса чумы, холеры, тифа. 6 ноября 1906 г. для организации перевозки крестьян-переселенцев и ходоков были введены «Временные правила врачебно-санитарного надзора за передвижением переселенцев» № 12438, согласно которым врачебно-санитарный надзор закреплялся за двумя ведомствами. При следовании переселенцев по железным дорогам и водным путям контроль возлагался на медицинский персонал Министерства путей

сообщения и Переселенческое управление. При этом в комплекс врачебно-санитарного надзора входило: 1) принятие необходимых мер к предупреждению эпидемических и острозаразных заболеваний среди переселенцев; 2) изоляция и лечение заболевших в пути; 3) выявление «вредных условий, влекущих за собой развитие среди переселенцев заболеваемости и смертности»; 4) изыскание способов устранения этих условий. На обязанности железнодорожного медперсонала возлагался осмотр переселенцев перед посадкой в поезд (строго в дневное время); наблюдение за здоровьем переселенцев в пути и на местах стоянок, где нет переселенческих пунктов; надзор за содержанием вагонов в чистоте, предназначенных для перевозки переселенцев, санитарных вагонов и станционных помещений, обслуживающих нужды переселенцев; надзор «за доброкачественностью» питьевой воды и пищевых продуктов [3, л. 14–16].

Данный государственный регламент, несмотря на статус «временных правил», положил начало санитарной службе на транспорте, способствовал введению должностей санитарных врачей и дезинфекторов, лег в основу последующих противоэпидемических норм. По данным Д.Н. Беянина, с 1908 г. по всей линии железной дороги до Иркутска был образован ряд медицинских пунктов с санитарными вагонами и необходимым фельдшерским персоналом, при этом все виды медицинской помощи оказывались переселенцам во время следования и в дорожных больницах, оборудованных при крупных узловых станциях, бесплатно [6, с. 319]. В 1908 г. в Иркутске, на ст. Иннокентьевской была учреждена Дорожная больница с хирургическим и туберкулезным отделениями, состоящая в ведении Министерства путей сообщения. Через год в штате больницы было 9 врачей.

В связи с эпидемическим напряжением по чуме Высочайше утвержденная комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумой 11 августа 1915 г. отпустила кредит на проведение противоэпидемических мероприятий в Иркутской губернии. Единовременно было выделено 131 255 руб., а также в распоряжении Иркутской городской управы направлялись ежемесячные суммы в размере 9 828 руб. на постройку заразных барачков в Знаменском и Глазковском предместьях по 50 коек, на усиление ассенизационного обоза на организацию двух подвижных отрядов для борьбы с эпидемиями [7, л. 12]. Местным органам управления выделялись средства на постройку заразных барачков в Тулуне, Зиме, Черемхово, Усолье, Витиме — на 20 коек, в Тайшете Куйтуне, Тырети, Качуге, Жигалово, Балаганске, Киренске — на 10 коек. Был одобрен кредит на 20 000 руб. на противоэпидемические мероприятия (в том числе 6 000 руб. на сооружение дезинфекционной камеры в заразных бараках Знаменского предместья) [8, с. 46].

В конце 1914 г. в Иркутскую губернию с фронта стали поступать покалеченные воинские чины. Несмотря на то, что при иркутских общинах Красного Креста продолжалось обучение сестер милосердия, ощущался их острый недостаток, так как наиболее квалифицированные выезжали на фронт. Для размещения раненных в губернии были отведены места в переселенческих больницах, а пополнение медицинского персонала шло за счет сестер милосердия. Вновь, в период острой потребности в медицинской помощи возник вопрос: за счет ка-

кого ведомства будет содержаться медицинский персонал и больные, в лечебном учреждении какого ведомства будут выделяться койки под раненых. Безусловно, в первую очередь раненные направлялись в военный госпиталь и госпиталь Красного Креста, а также в гражданскую, железнодорожную, переселенческую больницы. Вопрос возмещения расходов за содержание и лечение больных, принадлежащих непрофильному ведомству, осложнялся бюрократической волокитой и недоимками. В декабре 1914 г. Иркутская переселенческая больница на ст. Иннокентьевская приняла военнопленных. Согласно архивным источникам, в период 11–24 декабря 1914 г. с поезда № 21 в больницу были доставлены «на излечение» 14 военнопленных, 31 декабря — 28, 24 января 1915 г. — еще 31 человек. Так, на 5 февраля 1915 г. по местам приписки военнопленные распределились следующим образом: германская армия — 4 человека из нижних чинов, австрийская армия — 2 офицера и 23 нижний чина, турецкая армия — 17 нижних чинов (из них 1 армянин, 1 араб, 1 курд) [9, л. 3–20].

В переписке с Управлением железнодорожной врачебно-санитарной частью врач Иркутской переселенческой больницы М.П. Герасимов сообщал о движении больных и опасности распространения инфекционных патологий. На штатное количество 50 койко-мест в период с 11 декабря 1914 г. по 1 апреля 1915 г. было принято 33 гражданских и 59 военнопленных, при этом у 37 военнопленных был брюшной тиф, 17 — возвратной тиф, 3 — рожистое воспаление и 2 — дизентерия [10, л. 3]. Врач Герасимов бил тревогу не только по поводу угрозы распространения внутрибольничной инфекции и малочисленного штатного состава персонала (1 врач, 4 фельдшера, 14 санитаров), но и по поводу скопившихся недоимок за призрение военнопленных. Так, с 1 января по 1 сентября 1915 г. было недополучено 2 614 руб. за лечение 82 военнопленных [9, л. 77–78].

Вопрос регистрации и распределения военнопленных по лечебным учреждениям Иркутска решался ситуативно, в авральном порядке. Вопросы финансирования вызывали особую напряженность и сохраняли прежнюю систему перечисления средств между ведомствами по представленным формулярам о пролечившемся контингенте и составленным по ним расходным ведомостям, что затягивалось на месяцы. С учетом нестабильного ценообразования на продукты и медикаменты, услуги по содержанию и ремонту больниц в военный период, это ослабляло финансовую основу больничных хозяйств. Забегая вперед, следует отметить, что вопрос прямого субсидирования лечебных учреждений из государственной казны на призрение военнопленных был решен только в 1919 г.

В июне 1915 г. военными врачами Иркутска был организован приют для увечных и больных участников войны. За период с 15 июня 1915 г. по 1 июня 1916 г. через этот приют прошло 1 300 военнослужащих, которые провели в приюте 7 376 дней. Но существенные изменения с размещением раненых в Иркутске произошли в 1916 г., когда в октябре строительной компанией, финансируемой из средств Главного управления Российского Красного Креста, были сданы три отстроенных корпуса Иаково-Александринской общины Красного Креста рядом с Иркутской Кузнецовской гражданской больницей. А 4 июля 1916 г. состоялось

освящение нового помещения приюта для раненых и больных воинов при Иркутском комитете Всероссийского союза городов.

Первые беженцы в Иркутской губернии появились в конце июля 1915 г. В Тулузе еще в апреле был организован наблюдательный пункт. Накопившийся опыт и отработанный механизм по размещению «пришлого контингента», убеждал, что размещение беженцев целесообразнее осуществлять через переселенческие пункты. 13 июля 1915 г. в помещении городской думы состоялось заседание Иркутского комитета Всероссийского союза городов, благотворительной организации, созданной с целью оказания помощи фронту и переселенцам с фронтовых территорий. Обсуждался вопрос о возможности привлечения местной промышленности для нужд военного времени. Представители местной промышленности, тюремного ведомства и местного Военно-промышленного комитета, присутствовавшие на заседании, не приняли окончательного решения, да и количество беженцев до конца августа 1915 г. было относительно невелико. Поэтому на этом этапе к размещению прибывающих из европейских территорий были привлечены национальные общины (польская, еврейская, литовская), из средств этих общин предполагалось покрывать затраты на медицинскую помощь.

Катастрофическое положение на фронте привело к оттоку населения с охваченных войной регионов. В преддверии надвигающейся волны беженцев 15 августа 1915 г. при Иркутском комитете Всероссийского союза городов была создана врачебно-санитарная комиссия помощи беженцам, которая совместно с городским санитарным советом приняла участие в разработке санитарных и противоэпидемических мероприятий. Комиссию возглавил врач М.Л. Блюменфельд. Для консолидированной работы городской медико-санитарный совет делегировал санитарного врача Е.И. Якимовича.

24 августа 1915 г. в Иркутск прибыла вторая партия беженцев, состоящая из 80 латышей и евреев. Далее количество беженцев стремительно нарастало. По данным О.М. Долидович число беженцев, прошедших через Иркутский переселенческий пункт с августа по ноябрь 1915 г., достигло 15 611 человек. Из них в Иркутской губернии осталось 7 711 человек, проследовали далее в Забайкалье — 1 812, в Приамурье и Маньчжурию — 6 088 [11, с. 22].

Иркутск наводнялся беженцами и уже 5 ноября 1915 г. гласный городской думы, доктор И.П. Михайловский отмечал: «Стихийное движение беженцев и массовое оседание их в Иркутске угрожает городскому и окрестному населению и размещенным войсковым частям заносом заразных болезней. Поэтому городское самоуправление нравственно обязано, помимо оказания той или иной помощи страдальцам русского народа — беженцам, экстренно выбрать план противоэпидемических мероприятий, какого, несмотря на двухмесячное беженское движение, дума не знает» [12, с. 20]. Доктор И.П. Михайловский настаивал на том, что при наличии медико-санитарного бюро, химико-бактериологической лаборатории, амбулаторий и больниц, совместно с Иркутским комитетом Всероссийского союза городов, губернским комитетом по призрению беженцев, с гражданскими

и военными ведомствами можно ослабить заболеваемость и смертность среди беженцев, населения и расквартированных в городе войск.

Подобные призывы к консолидированным действиям, при отсутствии централизованного управления, были воплощены в следующие практические действия. 19 ноября врачебно-санитарной комиссией было вынесено постановление о необходимости предохранительных прививок по убежищам беженцев, а также всем вновь прибывающим. В связи с тем, что переселенческая организация не могла с этим справиться в одиночку, было решено прививать беженцев по всем 75 убежищам при участии добровольческого фельдшерского персонала. 21 ноября было закрыто фельдшерское училище, в его здании были размещены койки для беженцев с инфекционными заболеваниями. 21–22 ноября состоялось специальное совещание по инициативе Иркутского комитета Всероссийского союза городов для обсуждения всех вопросов, связанных с приемом и размещением беженцев. Присутствовали представители администрации иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева, иркутского губернатора А.Н. Югана, городов Красноярска, Ачинска, Канска, Енисейска, Иркутска, Нижнеудинска, Усолья, Читы, Нерчинска, уполномоченные от губернского комитета помощи беженцам, врачи переселенческого ведомства, чиновники Восточного переселенческого района, ведомства переселения и землеустройства, иркутского комитета Красного Креста, а также польской, латышской национальных организаций помощи беженцам [11, с. 21].

Хлынувшая волна переселенцев, не давала возможности врачам проводить даже поверхностное медицинское освидетельствование. В ноябре 1915 г. среди беженцев были зафиксированы случаи сыпного тифа, ситуация стремительно приобретала эпидемический характер. Помещение переселенческой больницы оказалось переполненным. С 3 декабря медико-санитарное бюро экстренно эвакуировало больных корью из одной половины Знаменского заразного барака для размещения сыпнотифозных. В этих условиях Иркутский комитет Всероссийского союза городов создал платную врачебную организацию для обслуживания беженцев в составе врача, фельдшера и 2 санитаров, нанял 2 экипажа, ввел ежемесячное ассигнование 10 000 руб. Параллельно с этим шло активное привлечение добровольцев из иркутских врачей и фельдшеров. Для изоляции заразных больных был предоставлен барак на 50–60 коек и дополнительные койки в больницах, из средств противочумного фонда. Подготовленные 70 убежищ из расчета по 2 человека на квадратную сажень «под предлогом более удобного обслуживания», были признаны большой ошибкой, так как скученность, теснота, «негигиеничность» привели к тому, что убежища стали рассадником инфекции, приобрели названия «морилка», «склеп». Руководитель врачебно-санитарной комиссии помощи беженцам М.Л. Блюменфельд писал, что надо иметь в виду не столько цифры заболевших, сколько обстановку и все условия заболеваемости среди беженцев [13, с. 9]. В противовес устоявшемуся мнению, М.Л. Блюменфельд настаивал, что не беженцы привезли сыпной тиф, они получили его на месте (в Иркутске), что занос сыпного тифа, произошел осенью 1914 г. военнопленными, и перекрестными путями проник в различные социальные груп-

пы. Позже, об этих событиях врач отдела беженцев Иркутского комитета союза городов В.А. Радус-Зенькович писал: «По далеко не полным данным эпидемиических карточек, присылаемых военным госпиталем в городское медико-санитарное бюро, среди воинских частей не переводится ни брюшной тиф, ни рожа. Осенью 1915 г. были случаи сыпного тифа настолько частые, что по слухам мы знали определенные части и роты, которых надо было остерегаться, как гнезд сыпного тифа». Иркутский врач Л.С. Зисман заявлял: «...в последнее время, в связи с расквартированием в городе огромных войсковых масс, сифилидизация городского населения приняла угрожающие размеры...» Доктор И.П. Михайловский обратил внимание на необходимость создания наблюдательного пункта на ст. Иннокентьевской, подчеркивая, что стихийное движение беженцев и массовое оседание их в Иркутске угрожает заносом заразных болезней.

Карточная регистрация заболеваний среди беженцев за ноябрь 1915 г. содержит сведения о 944 незаразных заболеваниях и 544 острозаразных инфекциях среди взрослых и детей, таких как натуральная оспа (76 человек), скарлатина (40), дифтерия (12), тиф брюшной (85), тиф сыпной (2), тиф возвратный (29), тиф неопределенный (8), корь (166), коклюш (2), дизентерия (9), рожа (9), заушница (4), грипп (68), ветряная оспа (34) [14, с. 42]. Для оспопрививания беженцев было привлечено 20 учениц фельдшерской школы, из которых был создан отряд оспопрививательниц, разделенный на группы по убежищам беженцев. Только в течение ноября-декабря 1915 г. было вакцинировано 2 677 человек. В городе было зафиксировано 254 случая заболевания оспой (для сравнения, в 1913 г. — 31, в 1914 г. — 19) [15, с. 256]. Ситуация обострялась с каждым днем, а статистика смертности детей из числа беженцев за эти месяцы достигла 371 случая. Устрашающему характеру эпидемий психологически не могли противостоять даже профессиональные медики, женщина-врач В.Г. Зисман категорично отказалась от работы в городском тифозном бараке, туда был направлен врач из беженского эпидемического отряда. Впервые за многие годы сыпной тиф был зафиксирован у местного населения. В Иркутске за период относительного спада дифтерии, был зарегистрирован максимум этого заболевания — 934 случая. На 6 000 беженцев за первые 3 месяца 1916 г. было зарегистрировано 894 случая инфекционных заболеваний, на 140 000 местных жителей — 3 581 случай.

В подобных условиях Иркутск отчаянно искал новые методы по стабилизации эпидемиологической ситуации. Так, в феврале 1916 г. начал работать отряд по наблюдению за состоянием здоровья беженцев в составе 1 врача и 2 фельдшеров. В их обязанности входили ежемесячные профилактические осмотры, обеспечение медицинской помощью беженцев по ежедневным вызовам, вакцинация против оспы и скарлатины. Очевидность того, что подобные меры не способствовали улучшению положения обусловила созыв I Областного съезда врачей, представителей городов Восточной Сибири. В работе съезда, проходившего с 15 по 16 апреля, приняли участие член Государственного совета Зубашев и член Государственной думы Востротин. В ходе работы была декларирована необходимость разработки и проведения системы врачебно-санитарных мер, охватывающих население

городов и сел Сибири. К осени 1916 г., острота инфекционных заболеваний в Иркутской губернии снизилась.

Таблица 2

Показатели эпидемических заболеваний, ноябрь 1916 г.*

Уезды	Брюш. тиф	Нат. оспа	Скарлатина	Дифтерия	Корь	Коклюш	Дизентерия	Рожа
Иркутский	4	8	6	59	7	9	22	3
Балаганский	32	45	30	12	44	17	17	11
Нижнеудинск	5	47	41	42	21	4	17	7
Киренский	17	18	18	4	6	70	4	1
Верхоленский	18	14	42	26	18	13	–	1
По губернии	76	132	137	143	96	113	60	23

* Составлена по: [14, с. 47].

Данные, представленные в таблице 2 демонстрируют показатели инфекционной заболеваемости населения Иркутской губернии и ее значительный спад, что можно отнести на счет внедрения медико-санитарных мероприятий.

Прокладка железной дороги открыла путь на территорию России трудовой миграции из Китая. В конце 1901 г. иркутский губернатор И.П. Моллериус докладывал в Санкт-Петербург, что прежде в Иркутск прибывало незначительное количество китайцев, но «благодаря проведению железной дороги китайцы, и особенно чернорабочие, двинулись в пределы Иркутской губернии целыми партиями» [16, с. 76]. Уже в 1910-х гг. китайские рабочие в Иркутской губернии были заняты на кирпичных заводах и на железной дороге, работали на судах, ходивших по Ангаре и Байкалу, на ангарских рыбных промыслах и пр.

В 1910 г. в Россию стали поступать сведения об участившихся вспышках чумы в Маньчжурии: 15 октября было получено сообщение о 9 умерших от чумы китайцах на ст. Маньчжурия; 26 октября стало известно о 81 больном; 16 ноября там было уже 299 заболевших; к 23 ноября было зафиксировано 336 больных чумой на ст. Маньчжурия, 14 человек — в Петровском Заводе, 9 заболевших на ст. Даурия, 1 человек — на ст. Оловянная [15, с. 214]. 25 ноября 1910 г. в газете «Речь» была опубликована тревожная телеграмма доктора Беньяша следующего содержания: «По долгу врача беру смелость обратить внимание правительства на маньчжурскую легочную чуму, дающую 100 % смертности. Борьба с чумой — дело государственное, крайне серьезное и трудное, особенно в Маньчжурии... Нужны крайние меры немедленно, иначе вся Россия, даже Европа — в страшной опасности» [17]. Случаи инфицирования чумой были типичным для Маньчжурии и обусловлены ее природно-очаговым статусом. Миграция населения и контакт с очагами чумы усилился после окончания строительства КВЖД, но реальные условия для заноса инфекции появились, когда на европейском рынке резко вырос спрос на тарбаганы шкурки. Инфицированные китайские торговцы, передвигаясь по железной дороге, становились потенциальными переносчиками заразы.

В связи с тем, что Иркутск по своему географическому положению занимал центральное место в торговых отношениях Забайкалья с Европейской Россией, а со времени проведения железнодорожной магистрали стал главным переселенческим пунктом, на заседаниях Иркутского санитарного совета и медико-санитарного бюро в январе 1911 г. стали разрабатываться локальные меры по предупреждению завоза чумы на территорию губернии. Идея председателя иркутского городского медико-санитарного бюро, доктора Е.С. Касторского о необходимости создания санитарных попечительств вскоре была воплощена в жизнь. На очередном заседании санитарного совета 22 января 1911 г. Иркутский губернский врачебный инспектор В.П. Никитенко сообщил, что силами губернской санитарной организации по линии Забайкальской железной дороги создано 9 обсервационных пунктов, для перевозки больных выделены телеги, обитые железом, и почти такие же — для перевозки трупов [18, с. 5]. Для организации мероприятий по чуме были созданы санитарно-исполнительные комиссии (губернская, городские, уездные), главная железнодорожная санитарная комиссия и подкомиссии. Одновременно в Иркутске, в районе дачи «Звездочка» были подготовлены 3 здания, фургоны для перевозки инфицированных больных и умерших. Особое внимание было уделено прибывающим с Востока, ночлежным домам и дезинсекции по уничтожению блох. Предлагалось временно прекратить допуск китайцев в Иркутск [14, с. 117]. Все эти мероприятия, требовали колоссальных финансовых затрат и человеческих ресурсов, Иркутск находясь в беспрецедентных условиях, стал центром разработки программных мер, которые легли в основу общероссийских врачебно-санитарных правил. Иркутские врачи (Е.С. Касторский, Н.В. Кирилов) первыми организовали врачебно-санитарное наблюдение в пределах Монголии, в приграничных с Китаем Приморской и Забайкальской областях, оказали влияние на преобразования противозидемическим нормам, придав им не временный, а регулярный характер, независимый от администрации железной дороги.

На правительственном уровне вопрос о борьбе с чумой был поднят 4 января 1911 г. на заседании Совета министров. После, в Петербурге прошла череда заседаний и совещаний по бактериологии и эпидемиологии при Управлении внутренних водных путей и железной дороги. Однако для выработки практических мер был выбран Иркутск, где с 7 по 14 февраля 1911 г. прошел Противочумный съезд. На съезде присутствовали представители губерний и городов от Приморья до Томской губернии, а также Восточно-Китайской, Забайкальской и Амурской железных дорог. Среди участников съезда были губернаторы, генералы, купцы, фабриканты, инженеры, священники, врачи, учителя, ветеринарные врачи. Из 120 членов съезда, по разным источникам, присутствовало от 38 до 50 врачей, в том числе врачебный инспектор Приморской области Виноградский (на протяжении 5 лет, служивший губернским врачебным инспектором в Иркутске), врач переселенческого управления Кирилов, врач морского управления Дончаков, председатель Владивостокской противочумной комиссии Гедговут и др. Съезд проходил под председательством главного медицинского инспектора Л.Н. Малиновского. По итогам были выработаны положения по мероприятиям в городах; в отношении переселенцев и боль-

ных на железных дорогах. Съезд единогласно признал желательным: 1) отнести расходы по борьбе с чумой на государственные средства; 2) командировать врачей в Харбин для практического ознакомления с бактериологическими исследованиями; 3) устроить особые помещения, дезинфекционные камеры, ванны для медицинского персонала. Решения съезда принимались большинством голосов, но так как иркутское представительство было преобладающим, это давало значительный перевес над мнением представителей других городов, что вызывало недовольство участников съезда. Съезд носил характер межведомственного административного совещания, а не медицинского съезда. Большую дискуссию вызвал вопрос о запрещении пропуска китайских рабочих в связи с ненадежностью обсервационных мероприятий и о принятии расходов за счет государства [19, с. 26].

Особенность адаптации китайских мигрантов к российскому укладу заключалась в создании закрытой социальной группы, основанной на непринятии и непризнании российского образа жизни. Подобная диаспориальная модель, сохранившаяся на долгие годы, стала существенным фактором влияния на медико-санитарное состояние мест труда и жительства китайцев. Компактное размещение китайцев: артельные квартиры, чрезвычайная скученность, нечистоплотность, размещение в подвалах часто в два яруса, — принесли новую эпидемическую угрозу. Китайские рабочие, не обладающие российским подданством, также остро нуждались в медицинской помощи, как и подданные самодержца российского. Только за май 1915 г. в переселенческой больнице Иркутска на лечении находилось 20 китайцев [20, л. 1]. Вопросы оплаты за пребывание в переселенческих больницах в условиях военного времени и китайской миграции вновь обострились. Однако вопросы по финансовому обеспечению китайских подданных, размещенных в переселенческие больницы, остались без внимания государственных чинов, поэтому журналом Иркутского губернского правления было принято решение взимать расходы за китайских рабочих с владельцев предприятий. Подобная мера привела к тому, что владельцы, не желая быть обремененными, попросту скрывали данные по заболевшим, не стремились направлять их в больницы или вызывать врача.

По приблизительным подсчетам, с конца 1915 по 1917 г. в Россию из Китая было завербовано более 150 000 человек [16, с. 72]. Наиболее привлекательным для китайских рабочих среди всех восточных регионов Российской империи было Забайкалье и Иркутская губерния. По данным исследователей дореволюционная промышленность Иркутской губернии была представлена 119 предприятиями, на которых работало 18 000 человек [21]. В 1916 г. в связи с острой нехваткой рабочих рук в российской промышленности и сельском хозяйстве, российским правительством была разрешена трудовая миграция китайцев. Безусловными лидерами производства в регионе были объединение «Лензолото», угледобывающие и солеваренные предприятия. В декабре 1916 г. начался серьезный приток китайских рабочих на территорию Иркутской губернии. Первыми из Китая прибыли чернорабочие по земляным, каменным и строительным работам, затем ремесленники (сапожники, хлебопеки, кондитеры), мелкие торговцы. Тысячи китайских мигрантов, официально именуемых в документах «желтыми рабочими»,

влились в поселения и осели на правах экстерриториальности. Иркутская губерния, будучи вторым после Забайкалья районом значительного китайского присутствия в Сибири, испытывавшая на себе разнообразие видов миграционных потоков и путей потенциального заноса инфекции. В марте 1916 г. были «Временные правила санитарного надзора за движением желтых рабочих по железным дорогам в пределах Иркутского генерал-губернаторства» [16, л. 1–8]. В документе оговаривались территориальные границы распространения правил: от ст. Манчжурия до Иркутска, для «наиболее бдительного контроля в целях устранения всякой возможности занесения опасной инфекции». Согласно документу, на ст. Манчжурия осмотр должен был производиться двумя врачами с помощью фельдшерского и санитарного персонала (не менее четырех человек). Поэтому стоянка поездов на ст. Манчжурия была 6 часов. В распоряжении медицинского персонала было 20 теплушек на запасных путях для помещения изолированных «подозрительных по инфекции». Вблизи теплушек устанавливался воинский вагон-кухня для питания изолированных и снабжения их кипятком. Пункт 9 Временных правил гласил: «Осмотр желтых на станции Манчжурия должен производиться обязательно вне вагонов. При осмотре желтого врачом, английской булавкой прикрепляется к одежде китайца особый знак (ярлык), без которого желтые рабочие к посадке не допускаются, за чем должны следить не только медицинский персонал, но и агенты движения Забайкальской железной дороги. Во время осмотра людей, вагоны приводятся в должную чистоту». При обнаружении больных, мигранты из Китая помещались в больницу Китайской железной дороги и больницу переселенческого пункта.

По пути следования от Маньчжурии до Иркутска партия китайцев, превышающая 500 человек, обязательно сопровождалась санитарным вагоном Забайкальской железной дороги и изоляционной теплушкой с соблюдением правил, применяемых для переселенцев. В пути от Маньчжурии до Иркутска китайские рабочие подлежали повторному осмотру в поездах, без высадки их из вагонов. А также на изоляционно-пропускных пунктах Забайкальской железной дороги на ст. Карымская и на фельдшерских переселенческих пунктах ст. Чита и ст. Мысовая. При этом осмотр производится только в светлое время суток «в виду почти полной безрезультатности ночного осмотра».

По прибытии в Иркутск поезда подавались на переселенческую платформу. Далее шла дифференциация ответственности:

– санитарный надзор за прибывшими осуществлялся медицинским персоналом Иркутского переселенческого пункта, который усиливался 2 фельдшерами. И здесь производился уже поголовный осмотр и термометрия, для чего продолжительность стоянки поездов увеличивалась до 8 часов;

– тщательная очистка вагонов, а при подозрении на наличие инфекции — проведение дезинфекции поездов шла за счет средств Забайкальской железной дороги. Особо загрязненные вагоны по требованию дежурного лица медика должны были промываться горячим паром и заменяться на чистые;

– обнаруженные больные эвакуировались в переселенческую больницу, в случае переполнения — в Иннокентьевскую железнодорожную больницу.

При обнаружении заразного заболевания в обязательном порядке применялась дезинфекция вещей и платья в парофармалиновой камере. После осмотра и выделения подлежащих эвакуации или изоляции, все пассажиры поезда перемывались в эвакуационной бане.

Эти правила распространялись на всех станциях Восточного региона передвижения переселенцев, при подключении всех ресурсов изоляционно-пропускных пунктов железной дороги, обсерваторов на станциях Чита, Петровский Завод, Мысовая, Иркутск, Тулун, Нижнеудинск, Иланская, Боготол, Канск, Ачинск, Красноярск. Больные, снятые с поездов на этих станциях, помещались в железнодорожные и переселенческие больницы. На задержанных больных составлялся краткий акт с указанием: 1) имени эвакуированного; 2) наименования учреждения или лица, нанявшего рабочего и, по возможности, его адрес; 3) места направления рабочих и на какие именно работы. Акт подписывался врачом и агентом, сопровождающим поезд с китайскими рабочими. Благодаря внедрению документационного сопровождения, мы располагаем источниковой базой по оказанию помощи в переселенческих пунктах Восточного участка железной дороги. Так, по данным на 16 января 1917 г. в больницах Иркутского переселенческого пункта содержалось 53 китайских рабочих с инфекционными патологиями брюшного и возвратного тифов, оспы и дизентерии [23, л. 6].

Таблица 3

**Показатели обращений за медицинской помощью
в амбулаторию Иркутского переселенческого пункта, 1917 г.***

	Январь 1917 г.		Апрель 1917 г.		Июнь 1917 г.		Сентябрь 1917 г.	
	Абс, чел.	Отн. %	Абс, чел.	Отн. %	Абс, чел.	Отн. %	Абс, чел.	Отн. %
Переселенцы	29	36,2	–	–	21	11,1	15	14,7
Военнопленные	–	–	–	–	–	–	1	0,9
Местные жители	24	30,0	24	9,4	6	3,1	5	4,9
Рабочие русские	2	2,5	11	4,3	4	2,1	7	6,8
Раненные	–	–	14	5,5	11	5,8	10	9,8
Беженцы	12	15,0	50	19,7	4	2,1	4	3,9
Рабочие китайские	13	16,2	102	40,3	139	73,5	60	58,8
Амнистированные	–	–	52	20,5	4	2,1	–	–
<i>Всего</i>	80		253		189		102	

* Составлена по: [23, л. 13, 15, 17].

Согласно представленным сведениям в таблице 3 амбулатория Иркутского переселенческого пункта была открыта для различного контингента нуждающихся в медицинской помощи. Несмотря на то, что в 1917 г. количество военнопленных значительно сократилось, поток беженцев и раненных оставался значительным, но терял былой масштаб, закрепление этих групп населения за

переселенческими лечебными учреждениями сохраняло актуальность. Наибольшую долю обращений составляли китайские рабочие, в июне 1917 г. до 73,5 %.

Подводя итог, следует отметить, что усиление санитарного контроля в условиях активной миграции населения способствовало трансформации модели медико-санитарной службы региона, включавшей сеть лечебных учреждений и санитарных регламентов. Появившиеся в начале XX в. переселенческие больницы, в условиях военного времени и трудовой миграции были дополнены врачебными и фельдшерскими пунктами по пути следования перемещающегося населения, а также обсервационными пунктами для изоляции инфицированных пассажиров. Так, в Тулуне, наряду с существовавшей переселенческой больницей с апреля 1915 г. начал действовать обсервационный пункт, а в сентябре 1917 г. — Тулуновский врачебный пункт. Через Тулуновский врачебный пункт к концу года прошло 262 стационарных больных (5 497 проведенных дней) и оказана амбулаторная помощь 2 403 прибывшим, которые сделали 4 667 посещений с сентября по декабрь 1917 г. Годовая статистика деятельности Тулуновского обсервационного пункта демонстрирует следующие данные: за неполный 1915 г. прошло 448 больных, за 1916 г. — 515, за 1917 г. — 586. В череде предпринимаемых противоэпидемических мер наиболее действенными оказались те, что были подкреплены строгими инструкциями и правилами, а также реализуемые совместными усилиями. Противоэпидемические меры, прошедшие практическую апробацию на участках Транссиба, обеспечили системную организационно-надзорную деятельность санитарных организаций российских губерний, которые в условиях Первой мировой войны стали испытывать колоссальное напряжение от массовых перемещений мобилизованных, раненных, беженцев и военнопленных. Однако, существенное препятствие в этой работе оказывала многоведомственная система оказания медицинской помощи. В первую очередь это касалось финансовых расходов. Бюджеты городов Иркутской губернии не выдерживали расходов по содержанию переселенцев. Проблему приходилось решать посредством определения ответственного ведомства за содержание и лечение конкретных категорий прибывших, использовать правительственные кредиты и субсидии, что затягивало решение вопросов, зачастую требующих оперативного решения.

Список использованной литературы

1. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 2.
2. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 3.
3. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 27.
4. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 23.
5. ГАИО. — Ф. 90. — Оп. 2. — Д. 249.
6. Белянин Д.Н. Медицинская помощь переселенцам во время следования в Сибирь в 1906–1914 годах / Д.Н. Белянин // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 315–334.

7. ГАИО. — Ф. 32. — Оп. 9. — Д. 753.
8. Вестник Иркутского городского общественного управления, 1916. — № 1–2. — С. 46.
9. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 53.
10. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 55.
11. Долидович О.М. Совещание 21–22 ноября 1915 г. о приеме и размещении беженцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства / О.М. Долидович // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — № 3. — С. 20–26.
12. Протоколы врачебно-санитарной комиссии ИКВСТГ // Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. — 1915. — Октябрь — декабрь, № 10–12. — С. 17–23.
13. Блюменфельд М.Л. К реализации плана противоэпидемических мероприятий (приложение к протоколу №10 заседания врачебно-санитарного совета // Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. — 1915. — № 7–9. — С. 1–17.
14. Секулович А.Ф. Из истории борьбы с заразными болезнями в Иркутской области. Очерки / А.Ф. Секулович. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. — 240 с.
15. Орлова И.В. Хроника провинциальной медицины: Иркутск и его окрестности в досоветский период / И.В. Орлова. — Иркутск : ООО «Репроцентр+», 2022. — 336 с.
16. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке / В.Г. Дацышен // Историческая энциклопедия Сибири. — 2009. — С. 72–80.
17. Опасность с Востока // Речь. — 1910. — 12 (25) нояб.
18. Никитенко В.П. О предохранительных мерах против острозаразных инфекций в Иркутской губернии / В.П. Никитенко // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губернии. — 1911. — № 1–3. — С. 3–14.
19. Голубинский Е.П. О чуме в Сибири / Е.П. Голубинский, И.Ф. Жовтый, Л.Б. Лемешева. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 244 с.
20. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 54.
21. Промышленный потенциал Иркутской области. В кн.: Экономика Иркутской области / М.А. Винокуров, А.П. Суходолов. — Иркутск : Байкал. гос. ун-т экономики и права, 1999. — Т. 2. — С. 14–39.
22. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 2. — Д. 2.
23. ГАИО. — Ф. 122. — Оп. 2. — Д. 20.

Информация об авторе

Орлова Ирина Вячеславовна — к.и.н., доцент, кафедра общественного здоровья и здравоохранения, Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, e-mail: irina_orlova7@mail.ru.

Author

Orlova Irina Vyacheslavovna — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Public Health and Healthcare, Irkutsk State Medical University, Irkutsk, e-mail: irina_orlova7@mail.ru.

МЕДПОМОЩЬ КРАСНОГО КРЕСТА НАЦМЕНАМ КИРЕНСКОГО ОКРУГА В 1920-Е ГОДЫ

В статье выявляется место Российского общества Красного Креста в борьбе за оздоровление условий жизни и быта населения Севера России, что является частным проявлением советской политики инкорпорации автохтонного населения Сибири в российский социум. Основное внимание сосредоточено на деятельности 2-го лечебно-обследовательского пункта Красного Креста в Ербогачене на севере Киренского округа в 1920-е гг. Приводятся сведения об условиях жизни населения, вредных для здоровья привычках, наиболее распространенных заболеваниях, а также о работе медицинского персонала в отдаленных регионах.

Ключевые слова: история здравоохранения; история медицины; нацмены; Красный Крест; РОКК.

V.A. Shalamov

MEDICAL ASSISTANCE OF THE RED CROSS TO THE NATIONAL MINORITIES OF THE KYRENIAN DISTRICT IN THE 1920^s

The article reveals the place of the Russian Red Cross Society in the struggle for improving the living conditions of the population of the North of Russia, which is a particular manifestation of the Soviet policy of incorporation of the indigenous population of Siberia into Russian society. The main attention is focused on the activities of the 2nd medical examination center of the Red Cross in Erbogachen in the north of the Kiren district in the 1920^s. Information is provided on the living conditions of the population, unhealthy habits, the most common diseases, as well as on the work of medical personnel in remote regions.

Keywords: history of healthcare; history of medicine; national minorities; Red Cross; RRCS.

В ходе Октябрьской революции советская власть произвела радикальное реформирование всех органов власти. Все старые органы власти прошли проверку на целесообразность. Еще в дореволюционное время в среде медицинской интеллигенции зародилось движение за объединение всех медицинских служб и организаций, существовавших едва ли ни при каждом ведомстве, в единую структурную единицу, отстаивающую интересы народного здравоохранения. Так сложился принцип единства медицины. В связи с этим принципом в июле 1918 г. был образован Народный комиссариат здравоохранения, вобравший

в себя все учреждения медицинского профиля, включая Российское общество Красного Креста (далее — РОКК). Все имущество и капиталы подлежали переходу в ведение Наркомздрава [1, с. 87, 101, 118]. В Сибири фактически Красный Крест прекратил свое существование в ходе гражданской войны в 1920 г.

Голод в Поволжье в 1921 г. подтолкнул советские власти к воссозданию Красного Креста в Советской Сибири в конце 1921–1922 гг. Его первоначальная деятельность в Сибири была связана с необходимостью обеспечения беженцев из голодающих местностей. Когда проблема голода отодвинулась на второй план, возникла проблема неопределенности воссозданной организации. Тем не менее, советские власти не стали ломать принцип единства медицины и создавать общественный аналог Наркомздрава. С 1923 г. работа РОКК приняла плановый характер. Его основной целью стало оздоровление условий жизни наиболее отсталого населения, в том числе нацменов. В Сибири в этом плане перед Красным Крестом представились широкое раздолье для деятельности [2, с. 4–5].

Во второй половине XIX в. областники (в их числе Н.М. Ядринцев, П.М. Головачев и др.) в пику власти отстаивали мысль о том, что взаимодействие русских и автохтонного населения Сибири приводит к вымиранию последнего, главным образом, из-за эпидемий, заносимых русскими мигрантами. Конечно, указывалось на общую забитость и некультурность местного населения, которые, наряду с нежеланием имперской администрации развивать систему здравоохранения для всех, и служили причиной вымирания сибирских аборигенов. Это настолько плотно вошло в историографию, что воспринималось на веру, поскольку подтвердить в тех условиях это было непросто, а в качестве доказательств приводились примеры вымирания от оспы или тифа того или иного рода из числа автохтонного населения, главным образом, северных территорий [3, с. 96–103]. Исходя из этой логики, представители Красного Креста в Сибири (СибРОКК) и предприняли первые шаги к тому, чтобы выяснить размеры проблемы и выработать пути ее решения.

28 января 1924 г. в Киренск в местное отделение РОКК прибыл от уполномоченного СибРОКК циркулярный запрос о численности туземного населения в регионе и заболеваемости трахомой и венерическими болезнями. Делалось это с целью выбора места предполагаемой работы передвижных отрядов. По всей видимости, в СибРОКК плохо представляли себе ситуацию на местах. В ответ местный уполномоченный Смолянинов 4 марта ответил телеграммой, что автохтонное население — тунгусы числом около 6 тыс. чел. и немного якутов кочуют по лесам Нижней Тунгуски в Преображенской волости и частично на реке Лене. Отмечались многочисленные случаи трахомы у тунгусов. У якутов чаще встречались венерические заболевания. Кроме того, уполномоченный сообщил об особенностях работы в регионе. Летом можно было перемещаться на лодке и верхом на лошадях, а зимой — по льду на санях. Только в сентябре 1924 г. в Киренск была направлена телеграмма от главы Иркутского губернского отделения РОКК М.М. Эттингера. В ней киренский райуполномоченный Красного Креста уведомлялся, что в его распоряжение была направлена врач-окулист Ю.И. Меду-

нина-Филатова для работы в глазном пункте Киренского уезда. Также сообщалось, что райуполномоченный был обязан предоставить под пункт помещение. Все хозяйственные расходы ложились на бюджет уездного здравоохранения. Медицинская часть финансировалась из средств СибРОКК [4, л. 11, 14–15, 64].

В январе-феврале 1925 г. Ю.И. Медунина-Филатова работала в Преображенке и Ербогачене. Местная администрация и кооперативы широко оповестило население, собиравшееся к тому времени на ярмарку. Однако в ходе работы возникли сложности. В регионе вспыхнула эпидемия кори. Тунгусы предпочитали не выходить из лесов при известиях об эпидемических заболеваниях, чему их научила эпидемия оспы в 1920 г. Сама врач переболела дифтеритом с осложнением. Кроме пациентов по офтальмологической специализации пришлось по просьбе населения принимать пациенток по гинекологии. Результативность работы оказалась не очень впечатляющей. Всего было принято 252 человека, из них 209 русских и 32 тунгуса. Трахома действительно была распространена. Из всех обратившихся за помощью она фиксировалась в 37,2 % случаях. При этом особой разницы от принадлежности к этносу не отмечалось, хотя врач и оговаривала, что судить об этом пока рано из-за мизерности материала по тунгусам. В ходе работы Ю.И. Медунина-Филатова вела профилактические беседы с населением о мерах предосторожности против трахомы. В заключение своего отчета она рекомендовала систематически работать по линии санпросвета в избах-читальнях, сельских советах и т.д. Регион нуждался в дальнейшем исследовании, поскольку ей не удалось провести тщательное изучение заболеваемости туземного населения. Много времени отнимала езда. Требовалась более или менее продолжительная работа на месте. Требовалось помещение для того, чтобы была возможность проводить исследования и операции [5, л. 9–11].

Рекомендации Ю.И. Медуниной-Филатовой не были единственными в своем роде. С других направлений приходили такие же отчеты. В итоге было принято решение отправлять на места лечебно-обследовательские отряды, которые по необходимости могли работать стационарно в виде медицинского пункта или передвигаться по определенному маршруту. Во главе отрядов назначали врачи, у которых была определенная свобода в принятии решений. Они должны были вести изучение автохтонного населения, его быта и заболеваемости, а чтобы привлечь людей к себе в их обязанности входило оказание медицинской помощи. Таким образом, они выступали в качестве дополнительной помощи для местных крайне недостаточных медицинских сил.

19 июля 1927 г. в Ербогачене начинает свою деятельность 2-й лечебно-обследовательский пункт РОКК под руководством врача М.С. Биммана. Судя по тому, что его имени нет в списках врачей за 1924 г., то можно предположить, что он был молодым выпускником и не имел большого жизненного опыта. В Ербогачене не было свободного помещения, поэтому отряд разместился в здании фельдшерского пункта. СибРОКК взял содержание фельдшера Ф.М. Белова на себя, поэтому глава местного здравотдела и по совместительству уполномоченный РОКК по Киренскому округу Н.П. Дворцов стал продвигать идею слияния

отряда Красного Креста с фельдшерским пунктом ради высвобождения бюджета, но руководство СибРОКК жестко пресекло этот маневр.

В своем отчете М.С. Бимман писал, что помещение занимаемое пунктом для полного развертывания работы не соответствует своему назначению. В будущем он предлагал заняться поиском более подходящего здания для пункта и квартир для персонала. Согласно распространенной практике того времени, персонал занимал часть помещения медпункта, что было крайне неудобно. На содержание стационарных больных выделялось всего 30 коп. в сутки, но при дороговизне продуктов питания в северных регионах на эти средства пациентов можно было держать только на голодном пайке, поэтому с января 1928 г. стационарное лечение было прекращено. На разъезды выделялось всего 50 руб. По мнению врача на разъезды с целью изучения туземного населения с полным охватом требовалось не менее 150 руб., а также второй врач.

Результаты работы пункта выглядят скромно по сравнению с работой обычного медпункта. До марта 1928 г. было привито против оспы 207 человек и ревакцинировано 43 человека. Из болезней отмечались дифтерит — 3 случая, туберкулез — 7, сифилис — 26 и гонорея — 23. О каком-либо этническом разграничении при таких мизерных цифрах врач не стал писать. Так же он указал, что проводил беседы с матерями по охране материнства и младенчества, но без указания какой-либо конкретики. Зато указаны планы борьбе с детской смертностью на будущее.

Судя по всему, врач не понимал специфику своей работы и превратил свой пункт в обычный медицинский пункт, принимавший амбулаторно всех, кто обращался за медицинской помощью. Председатель Комитета Севера Иваненко в мае 1928 г. направил Дворцову записку, в которой изложил многочисленные жалобы на действия врача М.С. Биммана. Утверждалось, что он позволял себе грубость. При обследовании Ангачевской школы-интерната из-за брезгливости выслушивал больных через рубашку. Часто и вовсе выписывал рецепты, на основании простого опроса пациента. В своей деятельности совершенно не учитывал местные особенности. Например, рекомендовал тунгусам есть яйца, которые были недоступны для них.

Сегодня сложно судить насколько все вышеизложенное соответствовало действительности. Случаи очернения медработников фиксировались неоднократно. Можно предположить, что в силу своей неопытности он не смог справиться со столь ответственной работой. Уже в октябре 1927 г. он стал запрашивать информацию кому сдать имущество пункта. Окончательно он передал все в руки фельдшера А.П. Жданова без права использования по акту от 5 апреля 1928 г. Дольше задерживаться в регионе он не стал и свой контракт с Красным Крестом не продлевал. По-видимому, опыт работы в отдаленном регионе в общественной организации произвел на него негативное впечатление. Однако Красный Крест не имел достаточного финансирования для найма более квалифицированных специалистов [6, л. 1, 3, 8, 24, 41].

На смену Бимману летом 1928 г. прибыл такой же молодой доктор Козельский. Ему платили 250 руб. в месяц. Кроме него работал лекпом (125 руб.) и

2 сиделки (по 35 руб.) [7, л. 120]. Работа в пункте заметно оживилась. За август-ноябрь 1928 г. было принято 520 первичных больных, а всего 1 071. Из этого числа 72,7 % были русскими, 22,0 % тунгусами и 5,3 % якутами. При обращении в пункт РОКК мужчины составляли более половины, главным образом, в силу своей экономической подвижности. Так, среди русских пациентов они оставляли 53,5 %, у тунгусов — 71,6 %, у якутов — 69,6 %. Остальные были женщинами и детьми. Удаленность местожительства пациентов порой доходила до 300 км. В основном являлись жители 13 сел и выселков и 3 рек: Тетеи, Непы и Илимпеи. Таким образом, всецело заниматься только автохтонным населением не удавалось из-за большой потребности в регионе в медпомощи. Тем не менее, появляются вполне конкретные данные с опорой на статистику.

Среди болезней выделялись 4 группы: кожно-венерические 37,5 %, желудочно-кишечные 23,9 %, органов дыхания 19,8 % и глазные 18,8 %. Для лечения врачом было произведено 1132 манипуляции: выдано 883 рецепта, сделано перевязок 163, спринцеваний 19 и т.д. Кроме того, было сделано 132 лабораторных анализа, из которых 109 на яйца глистов. При этом отмечалось, что русское население материал для исследования доставляли весьма неохотно.

В августе 1928 г. было произведено первое обследование жителей вверх по течению реки Нижней Тунгуске до выселка Кривое, а в сентябре — вниз по реке до выселка Санара. Всего было обследовано 16 пунктов на расстоянии до 100 км. За время поездки врач осмотрел 67 семей, состоящих из 318 человек, в том числе: 55 русских семей (263 человек), 10 тунгусских (44) и 2 якутских (11). То есть в поездках число туземного населения, осмотренного медработником Красного Креста не превышало и 20 %. В основном преобладали кожные и глазные заболевания.

Текстовая часть отчета врача Козельского представляет особый интерес наличием интересных бытовых подробностей. Он отмечал, что за последние 10 лет «инородцы» стали оседать на землю и заниматься сельским хозяйством. Многие из них стараются улучшить свое хозяйство, заводят хороший молочный скот, лошадей, разводят овец и т.д. Их быт был намного более обустроен по сравнению с кочевыми собратьями. Большинство оседлых тунгусов и якутов по чистоте и опрятности не уступают русскому населению.

В ходе обследования было выявлено 6 семей, страдающих застарелым сифилисом (39 человек). Во всех случаях заболевание было принесено в семьи извне: либо с фронтов Первой мировой войны, либо из царских тюрем.

Отмечалось большая смертность детей до 1 года (28,1 %). В качестве причин указывается удаленность медицинских пунктов. Кроме этого большую роль играл неправильный уход за ребенком. Кормление грудью затягивалось до 2-х лет и даже старше. Считалось, что ребенку не хватает питания, поэтому его начиная с 3–4 месяцев начинали прикармливать жеваным хлебом, зеленью и т.д. Естественно, что ни о какой гигиене полости рта речи не шло. Большая доля выкидышей (7,1 %) и мертворождений (2,4 %) объяснялось тем, что местные женщины выполняли всю тяжелую работу даже в последние месяцы беременности наравне с мужчинами. Часто в это время происходили травмы. Плюс влияние сифилиса.

Среди вредных бытовых привычек Козельский называет употребление в пищу сырой, свежей или мороженной рыбы или мяса. Употребление местной рыбы (карась, щука, налим), зараженной паразитарными червями, приводило к тому, что до 80 % населения страдало гельминтозом. Распространению заболевания способствовали также собаки, которым хозяева отдавали явно зараженную рыбу, после чего они свободно проникали в избы и играли с детьми. Из 249 обследованных лиц 211 употребляли сырую рыбу. Из 41 тунгуса сырую рыбу кушали 35. 8 из 9 якутов поступали аналогично. Отсюда почти поголовное заражение гельминтозом.

Широко было распространено табакокурение. 23 % из 144 опрошенных человек систематически курило табак. Курили 48,4 % мужчин и 16,6 % женщин. Интересно сообщение об алкоголизме. За отсутствием продукции винтреста, запрещенной для ввоза в регион, население стало варить пиво. В погоне за градусами в пиво добавлялись различные суррогаты, вредно отражавшиеся на здоровье. Употребляли такое пиво не только взрослые, но и подростки.

Кроме обследовательской работы Козельский вел работу по санпросвету. В ноябре 1928 г. был открыт кружок первой помощи. В частности, проводилась беседа с женщинами по охране младенчества, лекция «Чистота — залог здоровья», вечер вопросов и ответов. За отсутствием пособий объяснять приходилось с опорой на воображение слушающих [8, л. 2–9].

Финансирование пункта в Ербогачене ежегодно увеличивалось. За 1927–1928 гг. хозяйственный год было выделено 8631 руб., за 1928–1929 гг. — 9467 руб., а за 1929–1930 г. — 12 390 руб. [9, л. 60]. Это указывает на то, что СибРОКК был доволен работой пункта и видел его перспективность. Тем не менее, в своем отчете в феврале 1930 г. врач Козельский жаловался, что не имеется собственного здания под стационар и амбулаторию. Прием приходится вести в здании фельдшерского пункта. Здесь же размещалось 5 коек. Правда, к стационарной помощи приходилось прибегать крайне редко. Так, в сентябре 1929 г. лежал всего один пациент по офтальмологии, а в ноябре — 3 человека. Можно сказать, что стационар не функционировал как таковой.

Нужно сказать, что Козельский понимал, что пункт мог давать гораздо больше эффекта, поэтому на основе приобретенного опыта стал отстаивать идею смены местоположения пункта. Отсутствие собственного помещения и мизерное количество стационарных пациентов было только частью его доказательной базы. Он отметил, что район обслуживания пункта вниз по течению Нижней Тунгуски простирается до 180 км, а также охватывает реки Ерема и Тетя, где локализуется всего 54 чума (около 260 человек). При этом медпомощь им может оказывать фельдшерский пункт Наркомздрава, в котором и находился одновременно врачебный пункт Красного Креста. Население по речкам Еремы и Тетя в количестве 106 человек тяготеют к соседнему врачебному участку, расположенному в 100 км. Отсюда острой необходимости в услугах врача Красного Креста не виделось.

Амбулаторно через пункт РОКК с 1 августа 1928 по 1 декабря 1929 г. прошло первичных и повторных посещений 7807, из них русскими 5240 (67,1 %), тунгусами 2125 (27,2 %) и якутами 442 (5,7 %). «...туземцы посещают пункт в большинстве в июле и декабре, когда выходят в Ербогачен на суглан и за продуктами (декабрь 1928 г. — 338 человек, июль 1929 г. — 435 человек) в остальное время посещаемость сильно падает... до 2 человек в день», — писал врач. Выезды в районы были сильно затруднены из-за отсутствия собственного транспорта, а обследования в основном были завершены еще в 1928 г.

Наконец, главным аргументом Козельского стало намеченное к открытию в 1930 г. в устье реки Илимпии резиденции Охотсоюза, куда явно будет тяготеть все автохтонное население низовьев Нижней Тунгуски, которое раньше не было охвачено обследованием и не имело систематической медпомощи. С точки зрения задач Красного Креста это было целесообразно. Вдобавок указывалось, что достаточно было бы двух выездов в год на суглан и июле и декабре, чтобы охватить большую часть туземного населения [10, л. 5–14].

По всей видимости, врач Козельский отработал три года. В документах Комитета Севера про него записано, что он вряд ли продлит договор с Красным Крестом [11, л. 24]. К сожалению, последующих отчетов обнаружить не удалось. Однако на 1932 г. врачебный пункт РОКК в Ербогачене все еще функционировал. Его возглавляла врач Вербицкая. Также работал фельдшер. Более того, в планах стояло строительство стационара на 16 коек [12, л. 23, 34]. Следовательно, доводы врача Козельского о переносе местоположения врачебного пункта не были приняты во внимание.

В целом работа Российского общества Красного Креста по обследованию условий быта автохтонного населения Севера и оказанию ему медицинской помощи стала одним из звеньев советской политики инкорпорации этой части российского социума в состав многонационального народа России. В условиях, когда государство не могло напрямую содержать значительные медицинские силы в слабозаселенных регионах, общественная организация успешно освоила образовавшуюся нишу. Информация, полученная из рук квалифицированных специалистов, помогла в будущем скорректировать политику по отношению к малочисленным народам Севера России.

Список использованной литературы

1. Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти (1917–1924 гг.) : сб. док. / ред. кол. М.И. Барсуков, А.С. Дремов, А.П. Куропатов. — Москва : Изд-во «Медицина», 1966. — 544 с.
2. Пять лет работы Общества Красного Креста в Сибири / под ред. М.И. Баранова. — Новосибирск : [б. и.], 1927. — 33 с.
3. Башкуев В.Ю. Историография проблемы взаимодействия России и монгольских народов в области медицины и охраны здоровья (вторая половина XIX — первая половина XX в.) : дореволюц. и совет. сегменты / В.Ю. Башкуев // Вестник БНЦ СО РАН. — 2018. — №1 (29). — С. 96–103.

4. Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 5.
5. ЦДНИ ГАИО. — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 8.
6. ЦДНИ ГАИО. — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 14.
7. ЦДНИ ГАИО. — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 20.
8. ЦДНИ ГАИО. — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 17.
9. ЦДНИ ГАИО. — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 25.
10. ЦДНИ ГАИО. — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 28.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-2375. — Оп. 1. — Д. 13.
12. ГАИО. — Ф. р-2375. — Оп. 1. — Д. 112.

Информация об авторе

Шаламов Владимир Александрович — д-р ист. наук, доцент, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский центр отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

Author

Shalamov Vladimir Alexandrovich — D.Sc. in History, Associate Professor, Chief Researcher, the Scientific Research Center of National History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

ИРКУТСКИЙ КУПЕЦ А.П. ПРЯНИШНИКОВ И ЕГО ПРОЕКТ КОМПАНИИ ДЛЯ РЕЭКСПОРТА КЯХТИНСКОГО ЧАЯ В ЕВРОПУ

В статье рассматриваются причины кризиса чайной торговли в Кяхте в середине XIX в. Серьезную конкуренцию кяхтинским торговцам чаем оказывала контрабандная торговля морским чаем из Кантона, монополизация чаеоторговли московскими предпринимателями и мануфактуристами, отсталые формы организации торговли в самой Кяхте. Попытки выхода из кризисной ситуации предлагались в ряде купеческих записках и проектах. Основное внимание уделено рассмотрению проекта иркутского купца Андриана Прянишникова, предлагавшего создать компанию для реэкспорта кяхтинского чая в страны южной и восточной Европы. Приводятся новые материалы о купеческой династии Прянишниковых.

Ключевые слова: Россия; Китай; Кяхта; купечество; российско-китайская торговля; чай; компания; таможня; пошлины.

V.P. Shakherov

IRKUTSK MERCHANT A.P. PRYANISHNIKOV AND HIS COMPANY'S PROJECT FOR THE RE-EXPORT OF KYAKHTIN TEA TO EUROPE

The article examines the causes of the crisis of the tea trade in Kyakhta in the middle of the 19th century. Serious competition to the Kyakhta tea merchants was provided by the smuggling of sea tea from Canton, the monopolization of tea trade by Moscow entrepreneurs and manufacturers, and backward forms of trade organization in Kyakhta itself. Attempts to get out of the crisis situation were proposed in a number of merchant's notes and projects. The main attention is paid to the consideration of the project of the Irkutsk merchant Andrian Pryanishnikov, who proposed to create a company for the re-export of Kyakhta tea to the countries of southern and eastern Europe. New materials on the Pryanishnikov merchant dynasty are presented.

Keywords: Russia; China; Kyakhta; merchants; Russian-Chinese trade; tea; company; customs; duties.

Становление и основные этапы развития русско-китайской торговли имеют обширную историографию. В исследованиях И.И. Сладковского, А.Н. Хохлова, И.А. Соколова, Н.Е. Единарховой детально рассмотрены состояние и динамика чайной торговли, ее сильные и слабые стороны, таможенная политика и роль в развитии российского внутреннего рынка [1–5]. В последние годы по-

явились работы, в которых рассматривались малоисследованные вопросы причин кризиса кяхтинского торгова в середине XIX в., степени участия государства и купечества в его реорганизации и расширении рынков сбыта [6–10]. Особый интерес представляет изучение записок и проектов участников трансграничной торговли с Китаем, направленных на ее более эффективное развитие и правовое регулирование. Одни из них были замечены властью и получили практическое применение, другие интересны лишь в плане инициатив и уровня коммерческих познаний их авторов. В этом контексте актуальным является обращение к личности и проекту иркутского купца А.П. Прянишникова, до этого не привлекавшего внимания исследователей. Его записка «О состоянии и путях улучшения Российской торговли» была обнаружена в делах иркутской городской Думы, куда она попала, вероятно, в целях изучения состояния кяхтинского рынка и рассмотрения возможных путей его улучшения [11].

Расцвет кяхтинской торговли пришелся на первую четверть XIX в. В этот период товарооборот вырос на 90 % и достиг к 1824 г. 16 млн руб. Затем последовали застой и постепенное снижение. В 1840-х гг. кяхтинская торговля вступила в очередной кризис, связанный как с внутренними событиями в Китае, резко ограничившими подвоз китайских товаров в Кяхту, так и изменениями в самой российской чаеоторговле. В этот период заметную конкуренцию кяхтинскому чаю стала оказывать морская торговля через западные границы России, монополизация внутренней чаеоторговли в руках нескольких крупных московских фирм. Как отмечал И.А. Носков, московские предприниматели «имели более возможности приобретать лучшие товары и продавать их на Кяхте без малейшего соперничества; они брали с китайцев высокую цену и выменивали высшие сорта чая; те же, у кого были низкие и дешевые товары, должны были начинать свою расторжку после и брать от китайцев уже остатки, что, без сомнения, повело к ропоту и нарушению положений. Купечество разделилось на две партии; московскую и сибирскую» [12, с. 4]. С увеличением вывоза в Китай российских мануфактурных товаров московские чаеоторговцы смогли заметно потеснить позиции кяхтинских купцов. Москва к середине XIX в. стала основным центром чайной торговли на территории Российской империи. Чаеоторговые компании начали создавать крупные промышленные предприятия — чаеразвесочные фабрики. Кяхтинцы потеряли свою монополию на импорт китайских товаров, а некоторые из них были вынуждены сами перебраться в Москву.

Значительные проблемы чайной торговле доставляла контрабандная торговля чаем. Розничная стоимость его была примерно в два раза ниже, чем цена чая, доставлявшегося из Кяхты. В связи с уклонением от уплаты пошлин и гораздо меньшими транспортными расходами он мог отпускаться по ценам ниже среднерыночного курса. Кантонский чай поступал в Россию через Европу еще в 1820-х гг., но объемы его были сравнительно невелики. Впервые заметное влияние морская чайная контрабанда оказала на объемы кяхтинской торговли при распродаже чая на Нижегородской ярмарке 1847 г. Партии чая были проданы с

серьезным убытком, так за цветочный чай, стоивший в Кяхте до уплаты пошлин от 50 до 70 р. сер., выручено было от 20 до 32 р. за место [4, с. 22].

Власть стремилась обеспечить «известное равновесие» по импорту чая через Сибирь и западные границы. Причина была отнюдь не только в пошлинных сборах. Доставлявшийся через Сибирь чай обеспечивал работой огромное число людей и стимулировал устойчивое экономическое развитие региона. Для того чтобы предотвратить подобные последствия, было решено ввести дифференциальные пошлины для чая, привозимого по разным участкам границы России, — высокие для европейской и низкие для азиатской таможенной линии [9, с. 117]. Разница составляла два и более раз. Например, пошлина на цветочный чай в Кяхте составляла 16 руб. 80 коп., на привезенный морским путем — 28 руб. 60 коп., а на поступивший через сухопутную границу — 26 руб. 40 коп. Соответственно на черный чай — 6 руб. 30 коп., 15 руб. 40 коп., 13 руб. 20 коп., на кирпичный — 84 коп., 2 руб. 20 коп., 2 руб. 20 коп. [13, с. 151]. Таким образом, доставка кантонского чая обходилась в 18 коп. за фунт, а кяхтинского — 56 коп. (в три раза дороже). Разница же в пошлинах составляла всего 23,5 коп. с фунта [там же].

Проект А.П. Прянишникова отражал стремление кяхтинских купцов выйти из кризиса и модернизировать в целом российскую торговлю чаем. В своем стремлении он был не одинок. В конце 1840 — начале 1850-х гг. появилось несколько проектов по освоению внутренних рынков Монголии и Китая, выхода на Амур и установления морской торговли с соседним государством, укрепления позиций кяхтинских чаоторговцев на российском рынке. Так, купец И. Носков предложил организовать «Кяхтинскую компанию» для переноса торговых операций на территорию Монголии, Даурии, Маньчжурии и всей Северо-Восточной Азии. На рассмотрение министерства финансов был представлен проект кяхтинского купца Н.С. Пиленкова, предлагавшего защититься от нелегального и контрафактного чая введением специальных бандеролей для розничной продажи чая, подобный же проект кяхтинских купцов Решетникова и Носкова, записка Н.В. Баснина «О движении кяхтинской торговли и о мерах к ее поддержанию» [6, с. 269–270].

Прежде чем обратиться к рассмотрению проекта, несколько слов следует сказать об авторе проекта. По словам А.П. Прянишникова, он занимался «более 40 лет торговыми делами на Кяхте, сперва мелочным торгом, а в последствии постоянно 25 лет в звании 1 гильдии купца» [11, л. 8]. Тем не менее о купеческом династии Прянишниковых сохранились крайне неполные и отрывочные сведения. Постараемся немного восполнить этот пробел. Основателя их рода можно отнести к одним из первых поселенцев Иркутска. Во всяком случае еще в 1690-х годах в городе служил в пеших казаках Филипп Федорович Прянишников. В дальнейшем в посаде проживал Василий Иванович (1742 года рождения), а у него в 1765 г. родился сын Петр, отец будущих потомственных почетных граждан [14, с. 537–538.]. Известно, что в 1800 г. он из мещан вышел в купечество 3 гильдии, объявив капитал в 2 тыс. руб. [15, л. 1–20]. Через несколько лет в купечество вышел и его младший брат Иван, но уже в 1813 г. вновь оказался в мещанах. Проживали они в наследственном деревянном доме неподалеку от Владимирской церкви.

П.В. Прянишников занимался мелочной торговлей, осуществлял подрядные операции, вероятно пытался участвовать в морских промыслах на Тихом океане. В 1800 г. он, будучи приказчиком иркутского купца 2 гильдии П.Я. Солдатова, находился вместе с ним и верхнеудинским купцом А. Шевелевым при постройке в Охотске судна [16, л. 48 об.]. Интерес к дальневосточным территориям сохранился и позднее. В 1817 г. он писал в Главное правление Российско-Американской компании предлагая свои услуги в качестве правителя Охотской конторы за плату в 3 тыс. руб. в год [17, с. 223–224]. Кстати, с историей освоения Тихого океана связан еще некий Осип Андреевич Прянишников (по одним данным тобольский, по другим — иркутский купец), который служил при А.А. Баранове в 1790-х гг., а потом был переводчиком при православной миссии на Кадьяке. Установить родственные связи его с нашими купцами не удалось.

П.В. Прянишников торговал в гостином ряду, имел в работниках 4 человек. Вероятно, в эти годы он стал заниматься чаеоторговлей. Когда он умер неизвестно, скорее всего в начале 1820-х гг. У него было два сына Андриан (род. 1787 г.) и Семен (род. 1794 г.). Они долго действовали в одном семейном капитале, стали купцами Первой гильдии, в 1825 г. объявили о создании Торгового дома братьев Прянишников, второго после семейной фирмы купцов Басниных. В 1832 г. стали потомственными почетными гражданами. А.П. Прянишников серьезно занимался изучением торговли с Китаем. В 1827 г. он ходатайствовал о дозволении купцам 1-й гильдии променивать китайцам хлеб оптовыми партиями. Вероятно, в конце 1830-х годах торговый дом распался, так как Андриан на момент представления проекта уже представлял себя как иркутский купец 3 гильдии. О его судьбе после представления проекта также ничего не известно. Детей у него не было, поэтому эта линия семейной династии на нем и закончилась.

Брат его Семен Петрович умер не позднее 1868 г. Его дела в Кяхте оказались в расстройстве, но после того как городская ратуша назначила опекуном купца первой гильдии И.А. Куликова, тот энергично занялся делами опеки над именем, распутал махинации предыдущих опекунов и выявил «весьма значительный недостаток в капитале, опекаемых Прянишниковых». Сын его Валентин (1831–1878) переехал в Москву, с 1865 г. стал московским купцом Первой гильдии, занимался чайной торговлей совместно с известным столичным предпринимателем Ф.А. Деньгиным. Еще один сын — Николай (1832–1868), после окончания московского коммерческого училища служил главным бухгалтером в фирме крупнейшего кяхтинского чаеоторговца А.М. Лушникова. Он прожил недолгую жизнь, но именно в его семье родился самый известный представитель династии Прянишниковых — известный ученый, основоположник советской школы агрохимии, Герой Социалистического труда, академик Дмитрий Николаевич Прянишников (1865–1948).

Но вернемся к рассмотрению проекта А.П. Прянишникова. Он состоял из двух частей. В первой (л. 14–21 об.), которая является своеобразным вступлением, подробно анализировалось состояние российско-китайской торговли начала 1840-х гг., определялись причины ее упадка и намечались пути выхода из

кризиса. Во второй (л. 23–27 об.) излагался проект создания в Кяхте компании для реэкспорта чая через западные границы России в страны южной и восточной Европы. В 1844 г. он обратился с запиской «О состоянии и путях улучшения российской торговли» в министерство финансов, но получил негативное заключение. После того, как он два года обивал пороги министерства, единственным выходом из сложившейся ситуации стало обращение непосредственно к императору 25 февраля 1846 г. Отмечая сокращение объемов кяхтинской торговли, он просил разрешение учредить в Кяхте компанию для реэкспорта разных сортов чая в страны Восточной Европы. Увеличение транзита кяхтинского чая за границу, по его мнению, позволит нарастить объемы кяхтинской торговли и избежать повышения цен на чай внутри страны.

Сама идея создание подобной компании была основана на его собственном многолетнем коммерческом опыте. После того, как правительство разрешило вывозить по лицензии за границу чай, вымененный на Кяхте, он имел возможность изучить восточноевропейский рынок. Несмотря на ввоз в Европу кантонского чая, кяхтинский оказался лучше по качеству и мог заинтересовать потребителей. Дело в том, что кантонский чай во время долгого морского путешествия пропитывался влагой и его приходилось долго просушивать. В то время как кяхтинский полностью «просыхал» уже во время доставки, поэтому лучше сохранял свой запах и вкус. В 1844 г. он через своего комиссионера, торгового в г. Ливорно, продал петербургскому купцу И. Великанову партию чая на 1650 руб. И эта цена соответствовала той, по которой такая же партия была бы продана на Нижегородской ярмарки.

Проблема была не в стоимости чая, а в сложных бюрократических ограничениях на его продажу. Чай, доставляемый в Ливорно, должен был быть предъявлен консулу, а по распродажи его необходимо было взять свидетельство об этом и представить начальству, что заметно ограничивало денежный оборот [11, л. 4 об.]. Кроме того, из-за монополизации продаж чая в руках немногих крупных торговых фирм, продажная стоимость его за границу становилась обременительна для кяхтинских торговцев. А.П. Прянишников продал свою партию по 8 руб. за фунт, в то время как в магазинах Петербурга он продавался по 12–13 руб. [11, л. 5]. Объединение торговцев в компанию, по мнению автора проекта, позволило бы им избежать зависимости от московских монополистов, издержек, связанных со сложностями организации зарубежных продаж, и торговать с выгодой для себя. Компанейский капитал смог бы покрыть все «убытки от первоначальной продажи».

Компания не планировалась как акционерная. Войти в нее могли только те, кто реально занимался кяхтинской торговлей, внося 5 % сборов сверх обязательных пошлин. По его расчетам это должно составить ежегодный капитал в 600 руб. (исходя из взимаемых в Кяхте пошлин в 12 млн руб.) По его мнению, эти средства станут вкладом компанейщиков в общий капитал, позволяя страховать торговые обороты на ярмарках и на европейских рынках [11, л. 6 об.]. Для поощрения участников компании и ее развития он испрашивал предоставление на 30 лет исключительных права на производство торговли чаем за границей.

Для управления компанией учреждались две конторы. Главная в Москве с тремя директорами (два от московских купцов, один из сибирских) и еще одна в Кяхте, состоящая из одного выборного директора и советника. Директора должны получать не жалование, а определенные проценты с оборота компании. Компании разрешалось иметь как оптовую, так и розничную торговлю. Для этой цели она могла иметь магазины во всех главных торговых городах и портах. Чтобы получить возможность сразу закупать большие партии чая у китайцев в проекте была прописана возможность получения кредита от частных лиц до 5 млн ассигнациями под 6 % годовых [11, л. 23]. Все партии чая должны были поступать и храниться в Москве, а уже оттуда рассылаться в оптовые магазины Петербурга, Одессы и Варшавы, из которых отпускатся более мелкими партиями за границу.

А.П. Прянишников неоднократно подчеркивал, что он взялся за подготовку проекта компании только ради желания принести пользу государству и своим партнерам по бизнесу. Ему было тяжело смотреть как приходит в упадок кяхтинская торговля, падают ее обороты, усиливается конкуренция с московскими чайными монополистами. «Я уже стар, — писал он, — детей у меня нет, для себя я ничего не ищу, мне всего нужнее покой, но я чувствую, что поступил бы против великого долга любви к Отечеству и к ближним моим; если бы дорожил только своим покоем и своим положением, то не постарался бы служить чем могу общему благу» [там же, л. 11 об. — 12]. В тоже время ему важно было заручиться поддержкой партнеров, поэтому старался познакомить со своими предложениями как можно большее количество кяхтинских купцов. Автор проекта отмечает, что его предложения с интересом были встречены Н. Кандинским, Д. Старцевым, Е. Шестовым, В. Басниным, И. Корзинкиным и многими другими московскими и кяхтинскими чаоторговцами, а Главное правление Российско-Американской компании представило письменный положительный отзыв [там же, л. 7].

При этом он не очень верил в то, что найдется много инициативных и умелых предпринимателей, которые смогут поддержать его идеи и найти лучшие варианты выхода из кризиса. Как отмечал А. Прянишников, «при недостаточном духе предприимчивости, характеризующим наше купечество, трудно убедить кого-либо из капиталистов к новому основательнейшему предприятию» [там же, л. 15 об.]. В свое время такую же невысокую активность в плане предложений к развитию русско-китайской торговли отмечал генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский. «Почему бы, — предлагал он, — не составить компанию и послать дельных людей в самый Пекин, вызнать ход торговли и составить на месте план, какую точно нам вести следует торговлю. А то полагаются на монахов, там живущих... Да на своих комиссионеров, которые приросли к Кяхте и старым обычаям и делают какой-то секрет от хозяев, которые, будучи заняты делами, может быть важнее Кяхты, пускают туда самостоятельно свои капиталы» [18, с. 254].

Следует отметить, что даже немногочисленные купеческие проекты в условиях падения кяхтинской торговли смогли привлечь к этим вопросам центральную и местную власть, а начавшиеся процессы либерализации всей русско-китайской торговли после разграничения территорий между двумя странами

заметно способствовали усилению внимания и активности местных предпринимателей [10, с. 310].

Таким образом, в условиях нарастающего кризиса в русско-китайской торговле в Кяхте, в среде наиболее думающих и заинтересованных кяхтинских предпринимателей стали возникать проекты и предложения по улучшению и дальнейшему развитию внешнеторговых операций. Одним из таких примеров стала записка иркутского купца третьей гильдии Андриана Петровича Прянишникова.

Список использованной литературы

1. Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.) / Н.Е. Единархова. — Иркутск : Отгиск, 2015. — 163 с.
2. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. — Москва : Весь мир, 2013. — 701 с.
3. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М.И. Сладковский. — Москва : Наука, 1974. — 439 с.
4. Соколов И.А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. / И.А. Соколов. — Москва : Спутник+, 2012. — 499 с.
5. Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. — середина XIX в.) / А.Н. Хохлов // Бурятия XVII–XX вв. Экономика и социально-культурные процессы : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Ким. — Новосибирск : Наука, 1989. — С. 15–50.
6. Абдрахманов К.А. Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века / К.А. Абдрахманов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 253–281.
7. Кальмина Л.В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: Печальный детектив / Л.В. Кальмина, Л.В. Курас // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 442. — С. 122–125.
8. Кальмина Л.В. Кяхта в 1840–1930-е гг.: блеск и нищета «окна в Китай» / Л.В. Кальмина, А.М. Плеханова // Власть. — 2019. — № 2. — С. 240–245.
9. Хамзин И.Р. Таможенные пошлины как инструмент регулирования торговых отношений России и Китая: первая половина 60-х гг. XIX в. / И.Р. Хамзин // Вестник Томского государственного университета. История. — 2023. — № 82. — С. 114–120.
10. Шахеров В.П. Вопросы совершенствования и реорганизации русско-китайской торговли в записках и проектах ее участников / В.П. Шахеров // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7, № 3. — С. 304–313.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 70. — Оп. 1. — Д. 4592.
12. Носков И.А. Кяхта: (О кяхтинской торговле чаем) / И.А. Носков. — Иркутск : Тип. штаба войск, 1861. — 30 с.

13. Цыденова Л.Б. Необычайная Кяхта / Л.Б. Цыденова. — Улан-Удэ : Но-ваПринт, 2018. — 176 с.
14. Черепанов А.В. Родословный справочник Иркутска 1661–1775 годов / А.В. Черепанов. — Иркутск : 000 «Репроцентр+», 2021. — С. 537–538.
15. ГАИО. — Ф. 308. — Оп. 1. — Д. 87.
16. ГАИО. — Ф. 308. — Оп. 1. — Д. 15.
17. Эпистолярное наследие великоустюжской купеческой семьи Булда-ковых конца XVIII — первой четверти XIX века : тексты и исследования. — Вып. 2. — Вологда : Древности Севера, 2023. — 687 с.
18. Братюшенко Ю.В. Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Бро-невский и его «записки» / Ю.В. Братюшенко. — Иркутск : Земля Иркут., 2008. — 424 с.

Информация об авторе

Шахеров Вадим Петрович — д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский центр отечественной истории, Байкаль-ский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: wodalಿಸ@yandex.ru.

Author

Shakherov V.P. — D.Sc. in History, Professor, Chief Researcher, the Scientific Research Center of National History, Baikal State University, Irkutsk, e-mail: woda-
lis@yandex.ru.

КЯХТИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНК: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЕКТ*

Статья посвящена исследованию первой попытки создания городского общественного банка в Западном Забайкалье в 1844 г. Проанализированы причины, послужившие основанием для организации частного финансово-кредитного учреждения в Кяхте — центральном пункте русско-китайской торговли; доказана ведущая роль кяхтинского купечества в финансировании проекта и проведении организационных мероприятий; определен значительный вклад купца 1-ой гильдии А.И. Котельникова в подготовку «банковского проекта»; выявлены причины, в силу которых не удалось открыть городской общественный банк в Кяхте.

Ключевые слова: Российская империя; Китай; Кяхта; торговля; купечество; финансы; банк.

А.А. Shirapov

THE KYAKHTINSKY CITY PUBLIC BANK: UNREALIZED PROJECT

The article is devoted to the study of the first attempt to create a city public bank in Western Transbaikalia in 1844. The reasons that served as the basis for organizing a private financial and credit institution in Kyakhta, the central point of Russian-Chinese trade, are analyzed; the leading role of the Kyakhta merchants in financing the project and conducting organizational activities is proven; the significant contribution of the 1st guild merchant A.I. Kotelnikov to the preparation of the «banking project» is determined; the reasons why it was not possible to open a city public bank in Kyakhta are identified.

Keywords: Russian Empire; China; Kyakhta; trade; merchants; finance; bank.

Первая половина XIX в. в истории российско-китайских экономических отношений стала временем, когда окончательно сложилась модель торгового взаимодействия. Главным товаром, поставлявшимся Российской империей в Китай, стали мануфактурные изделия. В период с 1841 по 1844 г. только шерстяных тканей было вывезено на сумму более чем 2 млн 800 тыс. руб. [1, с. 6]. Центральное место в китайском экспорте занимал чай, ежегодные поставки которого постоянно увеличивались. Если с 1801 по 1811 гг. в Россию было экспортировано свыше

---

* Работа выполнена в рамках государственного задания: Проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

75 тыс. пудов чая, то в последующие десять лет, с 1811 по 1821 гг., эта цифра составила уже 96 тыс. пудов [2, с. 49]. Средоточием торговли между Российской и Цинской империями являлась Кяхта. Именно здесь проводились практически все экспортно-импортные операции между китайскими и русскими торговцами. К середине XIX в. на территории Кяхты вели дела 54 купеческих дома, со стороны Китая действовало около 50 торговых фирм [3, с. 463]. К началу 1840-х гг. общий оборот кяхтинской торговли достиг внушительной цифры — 16 млн руб. [4, с. 40]. Однако, несмотря на постоянно растущие объемы финансовых операций, в Кяхте, как впрочем и на территории всего Западного Забайкалья, долгое время отсутствовали специализированные кредитно-сберегательные учреждения. Местные предприниматели были вынуждены вести свой бизнес, не имея доступа к актуальным для них финансовым услугам. В чем же заключалась причина отсутствия собственного банка в регионе с многочисленным купечеством и активно развивающейся торговлей с Китаем? На наш взгляд, в основе сложившейся ситуации лежала совокупность факторов.

Во-первых, вплоть до финансовой реформы 1860–1864 г. банковская система Российской империи оставалась слаборазвитой. Так, 7 мая 1817 г. манифестом императора Александра I был учрежден Государственный коммерческий банк. Главной целью его создания было заявлено стремление властей страны «открыть купечеству выщие способы к облегчению и расширению коммерческих оборотов» [5, с. 263]. Считаясь одним из наиболее известных и крупных российских банков, учреждение к 1852 г. располагало сетью лишь из 12 постоянно действующих отделений. Из них только один филиал, открывавшийся на время проведения Ирбитской ярмарки, находился вне европейской части страны [6, с. 13, 15, 35].

Вторая причина заключалась в крайне консервативной политике, проводившейся самодержавием в первой половине XIX в. в отношении открытия новых финансово-кредитных институтов. С 1809 по 1857 г. было создано всего 14 городских общественных банков, представляющих собой наиболее доступные для региональных предпринимателей финансовые организации. Из них лишь 4 банка располагались на территории азиатской части Российской империи — в Иркутске, Ирбите, Томске и Верхотурье [7, с. 59–60].

Третьим фактором, обусловившим отсутствие в Западном Забайкалье кредитно-сберегательных учреждений, стала специфика ведения торговых операций между русскими и китайскими купцами. Стремясь не допустить губительного для экономики страны оттока драгоценных металлов, российское правительство в марте 1800 г. законодательно закрепило запрет на ведение расчетных операций с китайскими предпринимателями наличными деньгами. Предписывалось «торг с Китайцами производить не иначе, как меною товаров, а на деньги не только ничего не покупать, но и не продавать, под опасением тяжкого штрафа» [8, с. 75]. Попытки вести расчет с китайскими купцами посредством векселей не увенчались успехом [9, с. 63]. Таким образом, механизм российско-китайской торговли в первой половине XIX в. строился на бартерном обмене товарами, что еще более оттягивало появление в регионе собственного финансово-кредитного учреждения.

Несмотря на вышеуказанные причины, кяхтинские купцы, как наиболее состоятельные и организованные представители бизнес-сообщества Западного Забайкалья, к началу 1840-х гг. пришли к пониманию об острой необходимости создания собственного банка. Начавшийся в первой половине XIX в. рост оборотов российско-китайской торговли требовал от местных предпринимателей постоянного расширения их бизнеса. Если в 1821–1831 гг. через Кяхту было ввезено 143 тыс. пудов чая, то в следующее десятилетие эта цифра достигла отметки в 190 тыс. пудов [3, с. 468]. В связи с увеличением объема экспортно-импортных операций значительно возрастали и различные расходы кяхтинского купечества — от закупок дополнительных партий текстильных изделий до оплаты транспортных услуг. Единственным доступным источником кредитных средств были личные займы. Однако, как правило, чтобы получить ссуду нужно было иметь или солидное обеспечение, или авторитетных и состоятельных поручителей. Все это диктовало необходимость открытия в регионе собственного учреждения, способного обеспечить кредитование и финансовое сопровождение бизнеса.

Приступив к практической реализации своих замыслов, кяхтинские предприниматели, несомненно, учитывали опыт своих иркутских коллег — купцов Медведниковых, которым удалось еще в 1836 г. получить разрешение на открытие банка в Иркутске [10, с. 740–741]. В связи с тем, что власти страны очень неохотно давали согласие на открытие новых городских общественных банков, заинтересованные предприниматели нашли оригинальный выход из положения. Зачастую банк являлся своеобразным приложением к учреждению, занятому благотворительной деятельностью. Например, городской банк в Томске с капиталом в 85 тыс. руб., открытый в 1843 г. на средства купца А.Я. Попова, создавался с целью финансирования местных женских учебных заведений [7, с. 60]. Схожим образом было основано кредитное учреждение в Иркутске. Выполняя волю умершей матери Е.М. Медведниковой, ее сыновья, купцы 1-й гильдии И.Л. и Л.Л. Медведниковы обратились к властям с просьбой об открытии «сиропитательного заведения» с частным банком при нем. В качестве уставного капитала ими было выделено 70 тыс. руб. Дополнительно было собрано от третьих лиц 10 тыс. руб. добровольных пожертвований [10, с. 741]. Уставной капитал банка, работа которого должна была в дальнейшем обеспечивать существование «Сиропитательного дома Е.М. Медведниковой», составлял 15 тыс. руб. В дальнейшем дела банка развивались крайне успешно. К 1875 г. общий оборот учреждения превысил 10 млн руб., чистая прибыль составила свыше 380 тыс. руб. [11, с. 96–97].

Купцы Медведниковы активно вели дела с кяхтинскими бизнесменами. Так, И.Л. Медведников указан в регистрационных актах 1840-х гг. как видный предприниматель, торгующий в Кяхте более 10 лет [11, с. 97]. Несомненно, непосредственное общение с организаторами банка в Иркутске, разбиравшимися в тонкостях кредитно-финансового дела, значительно способствовало кяхтинским купцам в подготовке их проекта.

Согласно замыслу кяхтинских предпринимателей, предполагалось открытие богадельни и общественного банка для финансирования ее деятельности.

Наибольшую заинтересованность в реализации проекта высказал купец 1-й гильдии А.И. Котельников. Кроме выделения немалой суммы на строительство здания богадельни он обязывался дополнительно заготовить все необходимые материалы. Чтобы заручиться поддержкой властей кяхтинские купцы придумали хитрый ход: открытие богадельни и банка было объявлено ими как инициатива в честь бракосочетания цесаревича Александра Николаевича и великой княжны Марии Александровны (16 апреля 1841 г.) В записке, предоставленной Министерством внутренних дел и заслушанной 3 июля 1844 г. на заседании Комитета министров Российской империи, сообщалось, что «некоторые тамошние (прим. авт. — *кяхтинские*) граждане, желая ознаменовать это событие делом благотворения, пожертвовали 15,055 руб. ассигнациями» [12, с. 461–462].

За поддержкой кяхтинские предприниматели обратились к сенатору И.Н. Толстому, совершавшему ревизионную проверку дел в Восточной Сибири (1843–1846 гг.) [13, с. 57]. И.Н. Толстой с большим интересом изучил проект кяхтинского купечества и в дальнейшем приложил немало усилий для его успешной реализации. Он лично доложил министру внутренних дел А.Л. Перовскому о том, что «в бытность свою в Троицкосавске, при личном объяснении с Кяхтинским купечеством, убедился в единодушном желании их, устроить там богадельню. К прежде пожертвованному капиталу, составляющему более 15 000 руб. ассигнациями, купечество пожертвовало в пользу богадельни еще 10 000 руб. ассигнациями» [12, с. 462]. И.Н. Толстой настойчиво просил министра не затягивать с принятием положительного решения по данному вопросу. По его мнению, необходимо было дозволить «кяхтинскому купечеству приступить немедленно к устройству сказанной богадельни, дабы дальнейшей медленностью не охладить готовность граждан к благотворительным мероприятиям на будущее время; в поощрение же их к тому, ходатайствует о награждении Котельникова золотой медалью для ношения на Аннинской ленте на шее, и об объявлении Кяхтинскому купеческому обществу Монаршего Его Императорского Величества благоволения» [там же, с. 462].

Проект кяхтинских купцов был высоко оценен императором Николаем I и с некоторыми поправками одобрен. Кяхтинскому купеческому обществу выражалось Монаршее Его Императорского Величества благоволение. А.К. Котельникову разрешалось приступить к постройке здания богадельни, а «по окончании же постройки, поручить местному начальству войти, по порядку, с представлением, о награждении Котельникова за сделанное им пожертвование» [там же, с. 463]. Власти официально позволяли не только открыть богадельню, но и учредить при ней банк, который, как особо отмечалось, «принесет обществу несомненную пользу, доставив оному способы к распространению торговых оборотов» [там же, с. 462–463]. В качестве уставного капитала учреждения предписывалось использовать собранные купечеством 25 тыс. руб. Доходы банка полагалось тратить на повседневные нужды богадельни [там же, с. 463].

Таким образом, замысел кяхтинского купечества о создании собственного городского общественного банка, казалось бы, увенчался успехом. Однако про-

ект, в который было вложено немало сил и средств, так и не был реализован. Виной тому стал ряд обстоятельств.

Первой, и на наш взгляд основной, причиной стал случившийся в конце апреля 1845 г. грандиозный пожар, практически полностью уничтоживший Троицкосавск и Кяхту. В огне погибли десятки жилых домов и административных зданий, в частности, сгорели Гостиные ряды, таможня, полиция, ратуша. Размер материальных потерь превысил 1 млн серебряных рублей [14, с. 119–121]. Ущерб от пожара был настолько велик, что власти Российской империи законодательно освободили кяхтинских купцов от уплаты налогов за ведение торговли в пределах Верхнеудинского округа в течении трех лет [15, с. 111]. Несомненно, серьезные финансовые потери неблагоприятно сказались на организации Кяхтинского городского общественного банка. Помимо общего материального ущерба в сгоревшей ратуше были уничтожены средства, собранные в качестве уставного капитала будущего кредитно-сберегательного учреждения [12, с. 463].

Вторая причина заключалась в охлаждении местного бизнес-сообщества к идее открытия банка в Кяхте из-за специфики менталитета традиционного общества. Как правило, представители купечества являлись людьми искренне верующими, и случившийся грандиозный пожар мог определенно повлиять на их настроения.

Третьим фактором стали финансовые проблемы, постигшие одного из главных инициаторов и вдохновителей проекта — А.И. Котельникова. К началу 1850-х гг. некогда процветающий предприниматель, потомственный почетный гражданин Кяхты был фактически разорен и признан несостоятельным должником [16, с. 87]. Вероятно, столь плачевное финансовое состояние А.И. Котельникова также связано с последствиями пожара 1845 г.

Таким образом, многообещающий проект создания Кяхтинского городского общественного банка так и не был воплощен в жизнь. Но важно отметить те неимоверные усилия, приложенные представителями кяхтинского купечества для получения разрешения имперских властей на открытие банка. Из-за стечения обстоятельств, вызванных главным образом стихийным бедствием, открытие необходимой для экономики региона финансовой организации было отложено на долгий срок. Лишь спустя полвека — в 1897 г. — в Кяхте появился кредитно-сберегательный институт — Кяхтинское отделение Русско-Китайского банка.

Список использованной литературы

1. Носков И.А. Кяхтинская торговля за последние восемь лет / И.А. Носков. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1870. — 18 с.
2. Крит Н.К. Будущность кяхтинской торговли / Н.К. Крит. — Санкт-Петербург : Тип. Артиллер. Департамента В.М., 1862. — 101 с.
3. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах : производство, потребление и распределение чая / А.П. Субботин. — Санкт-Петербург : Тип. Север. Телеграф. Агентства, 1892. — 706 с.

4. Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. — середина XIX в.) / А.Н. Хохлов. // Сборник научных трудов: Бурятия XVII начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. — Новосибирск : Наука. — 1989. — 184 с.

5. Устав Государственного Коммерческого Банка // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — 1830. — Т. XXXIV. — 1817. — № 26837. — С. 263–274.

6. Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России / А.Н. Гурьев. — Санкт-Петербург : Типо-Литография «Якорь», 1904. — 250 с.

Ососов В.Я. Городские общественные банки России : обзор их деятельности по 1 янв. 1871 г. / В.Я. Ососов. — Санкт-Петербург : Типография Майкова, 1872. — 192 с.

7. Высочайше утвержденные правила, по которым Кяхтинская Таможня и купечество, при производстве с Китайцами торга, поступать должны // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — 1830. — Т. XXVI. — 1800–1801. — № 19329. — С. 75–79.

8. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке : из истории русско-китайской торговли / Е.П. Силин. — Иркутск : Иркутское областное издательство, 1947. — 204 с.

9. Об учреждении в Иркутске Сиропитательного заведения и частного при нем Банка // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — 1837. — Отделение 1. — Т. XI. — 1836. — № 9332. — С. 740–753.

10. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 3. (Л–М). Кн. 1 / под ред. А.С. Зюева, А.П. Зиновьева. — Новосибирск : «РИП-ЭЛ», 1996. — 184 с.

11. Об устройстве в Троицкосавске богадельни, с обращением пожертвованной для сего Кяхтинским купечеством суммы на учреждение в Кяхте общественного Банка // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — 1845. — Отделение 1. — Т. XIX. — 1844. — № 18099. — С. 461–463.

12. Матханова Н.П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына) / Н.П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2012. — № 4. — С. 56–62.

13. Журнал Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1845. — Ч. 11. — 504 с.

14. Об оказании Троицкосавским купцам, пострадавшим от пожара, некоторых облегчений по торговле // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собствен-

ной Его Императорского Величества Канцелярии. — 1846. — Отделение 2. — Т. XX. — 1845. — № 19437. — С. 111.

15. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. (Ж–К). Кн. 1 / под ред. А.С. Зуева, В.А. Скубневского. — Новосибирск : «РИПЭЛ», 1996. — 183 с.

Информация об авторе

Ширапов Алдар Амаголонович — к.и.н., младший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, e-mail: agmaren@mail.ru.

Author

Shirapov Aldar Amagolonovich — Ph.D. in History, Junior Research Fellow, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: agmaren@mail.ru.